

КОНАН И УЖАС КХАРИЙ

САДА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕР КОЛДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВАРЫА ГЕНДЕР 5	КОНАН И ПЕСНИ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН ИАДОРОГЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9
КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРИ 11	КОНАН И БОРНЫ КАНИКИ 12	КОНАН И ГРУЗ ДАРОВЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО СТРЯДУЩЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРАВ 15	КОНАН И ПСЫ ВОИНЫ 16	КОНАН И ТАНСМАН ЗАА 17	КОНАН И БИЧ НЕРЛА 18
КОНАН И ГОРОД ПАМЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЬИ 20	КОНАН И СТРАНЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИПЫАКИ ПРОШАДО 23	КОНАН И ПОИСКИСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ТАИНСТВЕННЫЙ БЕДНЫЙ 27
КОНАН И ЗАГОРО ТЕЙЕЙ 28	КОНАН И КОПЫ КРОМЫ 29	КОНАН И БРАТЫ ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И КАМЕННЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОМПЛЕТ ИДОЛ 32	КОНАН И ЧАПА БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И АБАЙНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И СТОРОНЫ ПРЕЗАМИ 35	КОНАН И АЛАРЫ ПОВЛАД 36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОДСОЛНЧАЕМ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАЛЫВАЕ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВНЫЕ 40	КОНАН И АЛАБИРНЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОМПО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ АРЕВИНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45
КОНАН И ГНЕВ СЕГА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ГОРОВ 48	КОНАН И ДОЛЖНЫЙ ОГОРН 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕВЕМ ЗМЕИ 51	КОНАН И ХОЛЫН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОДАВЛЯЮЩИЙ СВЕТА 54
КОНАН И СПЛЯЩЕ ЗАО 55	КОНАН И ЗЕМЛЯ ШАДИЛАРА 56	КОНАН И СКАЗ ХАОСА 57	КОНАН И ЖЕРЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СИМТЯНЦЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОВАРЫА МОЛНИЙ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАРВОРНИ 61	КОНАН И ВЛАДИЧИКИ БУРИ 62	КОНАН ИСЛАД ИСПОЛНИЯ 63
КОНАН И САУТА ТУМАНА 64	КОНАН И АИК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОФИЦЕАЛ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРДОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЧЕЛЫ 69	КОНАН И ТАНЦЫ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИК МРАКА 71	КОНАН И ТОЛОС КРОВИ 72

Керк Монро, Лилиан Тревис,
Мартин Шерр

КОНАН И УЖАС КХАРИИ

СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС
Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Соc)

М77

Серия «Конан» основана в 1993 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 08.12.06. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 21,00. Тираж 6000 экз. Заказ № 3666

Монро, К.

М77 Конан и ужас Кхарии : [сборник] / Керк Монро, Лиlian Тревис, Мартин Шерр. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2007. — 394, [6] с. — (Конан).

ISBN 5-17-040037-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-366-8 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммерец скитается по свету в поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами от Венди до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая певицовых и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Соc)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2007
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2007

Глава первая

В которой удивительное чудовище неожиданно нападает на замок герцога Райдорского

Бритуния, герцогство Райдор, лето 1285 года по основании Аквилонии

Uзвестно, что любой владыка стран Заката, от великого государя, до захолустнейшего, но состоятельного графа, считает обязательным правилом содержать при дворе мага. Достаточно вспомнить короля Страбонуса Кофийского и его союз с колдуном Алой Башни Тсата-Ланти, придворного волшебника короля Нимеда господина Гуарда, Альминареса из Кордавы, взятого под покровительство зингарским повелителем Фердруго и еще весьма многих чародеев, не считающих зазорным помогать королям в их многотрудной деятельности.

Великий герцог Райдорский исключением не являлся — в его замке обитал удивительный человек, коего ошибочно называли «магом». Это в

глаза, а заглазно месьор Аделард именовался куда более неприглядно: «шарлатан», «алхимик-недоучка», а то и просто «безумец». Увы, к этому были свои причины.

Никому не известно, почему герцог решил приютить старика, действительно бывшего отчасти не в себе — светлейший, как владетель обширной и очень богатой провинции, серебряных рудников в Грасскале и Кезанкии, вполне мог нанять самого настоящего мага, последователя одного из колдовских конclaveов. На выбор: в Коринфии обосновался Орден Золотого Лотоса, бесменно руководимый знаменитым Пелиасом, маги-равновесники держали кафедру в Бельверусе, а если бы герцогу потребовались услуги Тёмных чародеев — орден Белой Руки совсем рядом, в Гиперборее, за горами. Однако, к Райдорскому двору прибыл никому не известный сморчок, за последние годы превратившийся в общее посмешище.

...Маги, принадлежащие к Великим Конклавам, тайным силам Белого, Алого и Чёрного, всегда предпочитают орденские облачения и символику. Каждому известны чёрные с золотом облачения колдунов Стигии с вышитым изображением раздувшей капюшон кобры на груди. Но поскольку месьор Аделард настоящего магического образования никогда не получал (причем, весьма гордился тем, что «постиг тайны волшебства» са-

мостоятельно) и ни в единый Орден не входил (в Райдоре, кстати, полагали, что его оттуда выгнали бы уже на следующий день), одевался придворный чародей весьма своеобразно, полагая, что именно так и должен выглядеть настоящий волшебник, а не какой-то там высокочка наподобие Тот-Амона. Конан, впервые увидев Аделарда несколько седмиц назад, едва со смеху не помер — такие забавные наряды можно было встретить, разве что у площадных шутов.

Представим себе худенького низкорослого старичка с бородой клочьями, блеклыми, вечно слезящимися глазками и взглядом с явно прослеживающимся безумием, одетого в длинную синюю мантию украшенную таинственными символами и островерхий колпак со звездочкой. В результате многочисленных и чаще всего неудачных магических опытов мантия была прожжена во многих местах и как следствие обладала добрым десятком заплаток, на подоле красовались разноцветные пятна от пролитых декоктов и отваров. Еще Аделард предпочитал таскать с собой пару дюжин разнообразных амулетов, правая рука всегда сжимала деревянный посох с навершием в виде вырезанного из желтой яшмы солнечного диска Митры, а туфли предпочитал туранские, мягкие, с острыми носами. Недоброжелатели уверяли, что перепутать герцогского мага с шутом его светлости — проще простого.

Облик Аделарда целиком и полностью соответствовал его «лаборатории», как гордо называлась небольшая пристройка во дворе замка, где алхимик устраивал свои подозрительные опыты. Надо заметить, что рядом с крошечным флигелем всегда стояли наполненные дождевой водой бочки — на случай, если месьор Аделард вновь задумает учинить пожар или в лаборатории прогремит очередной взрыв.

Внутри можно было увидеть бесконечные ряды колб и реторт, выставленных на длинных столах, огромную коллекцию самых удивительных вещей, от вполне стоящих магических предметов созданных настоящими колдунами, до крайне подозрительных шарлатанских оберегов, черепа чудовищ (Аделарду их исправно поставляла Ночная Страж), под потолком висели скверно выполненные чучела неизвестных и чрезвычайно противных с виду тварей, булькали в сосудах мерзкие жидкости, шипел атанор, сверкали хрустальные шары. Пахло в лаборатории так, что вонь самого грязного хлева показалась бы божественным ароматом.

Отдельный стол занимали сваленные неопрятной грудой книги и свитки (справедливости ради надо сказать, что здесь имелось и несколько ценных древних рукописей). Сам Аделард, явно решив войти в историю и оставить свое бесценное наследие потомкам, исписал несколько томов

помпезно именуя собственные сочинения «результатами исследований и философскими размышлениями». В качестве довершающего картины штриха необходимо упомянуть, что маг содержал обязательного черного кота — раскормленную жирную тварь с золотой цепочкой на шее. Мышей и крыс, портивших пергаменты, котище ловить отказывался, только зловеще шипел на редких посетителей, жрал да спал.

Словом, очутись в обиталище месьора Аделарда любой серьезный волшебник, с ним непременно случился бы удар или того хуже — он по пропусту скончался бы от смеха, что для мага считается смертью недостойной.

Аделард, выдающимся колдовским талантом не обремененный, предпочитал так называемую «предметную магию» — использовал силу чужих материалов и магических декоктов, отыскивая рецепты изготовления таковых в старинных книгах.

К чести старика надо сказать, что в его коллекции не было ни единого волшебного предмета созданного с использованием Черной магии — он предпочитал считать себя приверженцем Света, хотя, по большому счету, не мог внятно растолковать чем отличается Свет, к примеру, от Равновесия.

Иногда последствия опытов месьора Аделарда не ограничивались одним лишь вонючим дымом

и рассыпающимися искрами. Случались более крупные неприятности — не столь давно маг только чудом не спалил замок, попытавшись создать феникса, волшебную огненную птицу. Нечто похожее у него получилось, да только это была вовсе не птица, а обычный сгусток пламени, который с шумом вылетел из окна флигеля и поджег дровяной сарай. Потушили с трудом.

Тем не менее особой вредоносностью старику не отличался, его терпели, а герцог даже одаривал Аделарда недурными суммами в серебре, чтобы пожилой алхимик мог покупать для своей лаборатории новые колдовские предметы и книги. Пользы от «придворного мага» никакой не было, но его светлость твердо решил, что Райдор ничуть не хуже британской столицы и без собственного волшебника не обойтись — соседи за смеют.

Единственным человеком, открыто враждавшим с месьором Аделардом являлся грозный Атрог из Гайарны, Охранитель Короны, как в здешнем захолустье именовалась должность начальника тайной службы. Казалось бы, зачем в отдаленном герцогстве, зажатом между безлюдными лесами Полуденной Британии, Кезанкискими и Грассальскими горами учреждать секретное ведомство — каких таких заговорщиков можно поймать в дремучих чащобах Райдора? Однако, не все так просто.

Господин Атрог отвечал за каторжные рудники, где добывали серебро, а заодно оберегал владения светлейшего от опасностей, исходящих со стороны Гипербореи и Пограничного королевства — набеги с Полуночи и Полуночного Заката были столь же привычным злом, как затяжные осенние дожди или оползни в горах. Кроме того, в этом малообжитом уголке Закатного материка хватало и других угроз: сохранившаяся едва ли не со времен Кхарии нечисть не давала подданным герцога жить спокойно. И в таких случаях тайная служба Райдора действовала в сотрудничестве с гильдией Ночной Стражи — настоящих знатоков темной магии и потусторонних сил.

Прежде всего Атрог ценил в людях серьезность, а на Ночную Стражу можно было положиться в самой затруднительной ситуации. Эта знаменитая гильдия была основана еще во времена королей Алькоя и Олайета, первых государей, со здавших новые королевства на развалинах Кхарийской империи. Законы Ночных Охотников предписывали уничтожать всех опасных для человека магических существ и противодействовать возрождению темного волшебства древности — Пифон оставил после себя долгую и не самую добрую память, с тех времен прошло больше тысячи зим, однако доселе в лесах Полуночи скрывались таящие угрозу древние капища, а по буреломам бродили невиданные монстры.

Атрог прекрасно понимал, что если произойдет нечто непредвиденное и скверное, от «придворного мага» помочь ожидать не придется. Совсем недавно, на границе Бритунии и Немедии случилась изрядная заваруха — отыскался некий древнейший предмет, и без помощи знающего колдуна обойтись было невозможно. К кому обращаться? К Аделарду что ли? Разумеется, первым делом Атрог направился в дом охотников, зная, что они придумают как выкрутиться!

Выкрутились, причем весьма оригинальным способом. Благодаря старинным знакомствам Конана Киммерийца досточтимые Охотники обратились к одному из магов Черного Круга Стигии (да-да, не удивляйтесь!), колдун согласился помочь совершенно бесплатно (и снова обойдемся без ошеломленных возгласов...), трудности были разрешены всего за два дня. Месьор Аделард в подобной ситуации только развел бы руками и с чванливым видом удалился в свою лабораторию — великому волшебнику недосуг заниматься всякими глупостями!

Получалось, что в Райдорском замке короны обитал никчемнейший шарлатан, бездумно расстратаивающий денежки светлейшего на свои дурацкие развлечения. Месьор Атрог, оценивающий людей по степени их полезности для герцогства, ничего подобного терпеть решительно не желал. Охранитель неоднократно пытался уговор-

рить его милость изгнать склочного и вредного старикашку, но герцог оставался непреклонен — пусть себе живет, не следует обращать внимания на полоумного. И потом: орденский маг при дворе потребует куда более значительных расходов!

Невероятно, но умный, вдумчивый и серьезный глава тайной службы совершенно по-детски возненавидел «болвана в колпаке», и отдавал часть своего драгоценного времени интригам против Аделарда, алхимик же старательно поддерживал открытую вражду и пакостил по мелочи, еще больше раздражая Атрога.

Ночная Стража блюла строгий нейтралитет, пользуясь уважением обеих сторон — Охотникам могли пригодиться магические предметы из беспорядочного, но обширного собрания месьора Аделарда, а Охранитель Короны полагал, что ссориться с Гвайнардом, Конаном и компанией из-за приуроченного алхимика — себя не уважать.

Конан, посмеиваясь, именовал конфликт между престарелым магом и Охранителем «невинными провинциальными интрижками» — многоопытный киммериец, в прежние времена служивший при самых блистательных королевских дворах Заката и Восхода, знал о чем говорил. Отдаленность Райдора от кипучей жизни великих столиц варвару нравилась — по крайней мере здесь глава тайной службы не отправит к колдуну наемных убийц, а последний не станет пре-

вращать в пепел башню замка вместе с месьором Атрогом только потому, что Охранитель косо на него посмотрел...

Люди в захолустье честнее и прямее. Это Конану всегда было по душе.

* * *

Итак, несколько седмиц назад изрядно поиздирявшийся Конан приился к небольшому отряду Ночных Стражей, более известных на материке Заката под наименованием «Охотников на чудовищ». Гильдия известная, почетная, уважаемая как народом, так и дворянством — от короля до захудалого барончика из глухой провинции. Работы — непочатый край, благо полуночные дебри доселе полны монстрами, подлежащими незамедлительному истреблению по причине пакостного характера, скверного облика и гнусных повадок, из которых людоедство — далеко не самое худшая...

Ватага была небольшой — всего лишь четыре человека, включая Конана. Точнее, три человека и броллайхэн. Эйнар лишь носил человеческий облик, в действительности являясь воплощенным Духом Природы, владевшим Алоей Магией Равновесия. Водительствовал над отрядом Гвайнард из Гандерланда — младший и ненаследный сын гандерского барона, почувствовавший вкус к

тяжкому ремеслу Ночной Стражи и с успехом трудившийся на этом неблагодарном поприще уже девять зим. Асгерд из Нордхайма — высокая, светловолосая и решительная девица — была великолепной лучницей и билась сразу на двух клинках, что вызывало у Конана искреннее уважение к бравой соратнице: раньше киммериец полагал, что подобного совершенства во владении оружием могут достичь только легендарные амазонки.

В Райдоре охотники владели домом, стоящим на Волчьей улице, причем этот дом, купленный в складчину, более походил на усадьбу состоятельного купца: конюшня, сараи, громадный сеновал, погреба. Домоправительницей — вернее, домоправителями, — Гвайнард взял двух старииков, родителей одного из погибших прошлой весной охотников. Жили богато, и это Конану тоже нравилось. За опасное ремесло Ночной Страже платили много и охотно, любой дворянин, купец или зажиточный кмет отвалит сколь угодно много звонких серебряшек, а то и золотых ауреев Немедии, за избавление от поселившегося на жальнике вурдалака или этеркапа, устроившего засаду на лесной тропинке!

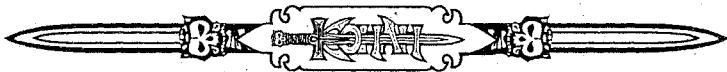
Приближалась осень, Конан уже начинал подумывать о том, что вскоре придется сниматься из ставшего привычным и почти родным Райдора, и отправляться дальше на Закат — киммериец со-

бирался в Аквилонию. Точнее, не в саму Аквилонию, а на границу с Пущей Пиктов, где Пуантенский герцог Троцеро собирал наемную армию ради отражения угрозы со стороны Пущи.

Только вот бросать Ночную Стражу ужасно не хотелось! Почему? Да хотя бы потому, что они отличные ребята. Конан чувствовал себя в Райдоре отлично, почти как в позабытом доме отца в Киммерии. И все равно, неугомонный характер варвара гнал его вперед, дальше, к новым дорогам и новым впечатлениям. Туда, где он найдет предназначенный ему трон — давнее предсказание, в которое киммериец искренне верил, гласило, что однажды, еще до своего сорокалетия, варвар «подберет на дороге никому не нужную корону, от которой откажутся самые знатные и могущественные». Смешнее всего было то, что эта корона должна принадлежать не каким-то дурацким Агиде или Хорайе, а «великому королевству». А какие королевства у нас самые великие? Верно: Немедия, Аквилония и Зингара!

«Зингара, скорее всего, отпадает, — решил Конан, с истинно варварской pragmatичностью размышляя о возможных видах на трон. — Фердруго очень стар, но у него есть наследница, Чабела. Все-таки принцесса моя старая подруга и будет нечестно лишать ее законного наследственного венца! Эх, славно мы с ней почутили три зимы назад, когда искали Корону Кобры! Немедия? Ис-

ключено! У короля Нимеда четыре сына и уйма племянников. Аквилония... А что Аквилония? Наиболее богатая и могучая держава Заката! У короля Нумедидеса нет детей, кстати... Но, по моему, проще достать луну с неба, чем стать аквилонским королем! Скажите на милость, кто возьмет в короли варвара?»

Однако, киммерийцу недавно стукнуло целых тридцать шесть зим — всякий нормальный человек, будь он хоть варварам, хоть самым образованным дворянином в такие годы обладает женой и выводком детишек, остеиняется и начинает мирно подходить к той черте, которая именуется нехорошим словом «старость». Ладно, подождем еще четыре зимы, а там поглядим! Но ведь пророчество... Настоящее пророчество, а не гадание на косточках в придорожном кабаке! Таким пророчествам нельзя не верить!

Конана неудержимо тянуло на Закат. Брожденный инстинкт варвара, охотника со склонов хмурых гор Киммерии, упрямо твердил: там, там на берегах Черной реки ты найдешь то, что искал всю жизнь! Пускай тебе не хочется уезжать из Райдора, пускай Гвайнард и остальные обидятся, пусть нехорошо бросать людей, ставших почти родными... Но там, на Закате, возле серых туманных дебрей Пиктской Пущи, ты отыщешь след! След, который приведет тебя к никому не нужной и брошенной на дороге короне. К мечте.

«Вот что, — твердо сказал сам себе Конан. — Решим так: сначала я отыщу человека, способного заменить меня в отряде Гвайнарда, а уж потом извинюсь и уйду. Человека, которому смогу довериться. Лучше бы им оказался воин примерно моих лет, с хорошим боевым опытом. За магию в отряде отвечает Эйнар и отчасти наши приятели-упыри во главе с Рэльгонном, Гвай командует, Асгерд отлично управляет с луком и клинками, но она все-таки женщина... Нужен крепкий мужик, способный как отмахнуть мечом, так и добротно соображать — в нашем деле без умной головы никак, сложившись в первом же бою! Только где такого взять, вот вопрос? В отрядах Ночной Стражи первого попавшегося на дороге бойца не берут... Впрочем, меня ведь взяли?

— Ты ведь не только здоровенный громила? — зазвучал в голове насмешливый голос Асгерда. Киммериец вздохнул, и перевернулся на другой бок, застеленная мягкими волчьими шкурами широкая скамья заскрипела. — Ты, Конан, еще и умный...

Умный... И хитрый, между прочим! Упомянутую забыла?

— Не забыла, — голос верной соратницы исчезать не желал. — Кто в наши времена говорит на восьми языках, пишет аквилонскими и зингарскими буквами, знает рунический алфавит? А твои познания в магии?

Спятила? Я не маг! Вот еще придумала!
— Зато ты знаешь, как с магией обращаться!
Врезал топором по черепу — и нет никакой магии!

— Но...»
— Отцепись! — уже вслух сказал окончательно проснувшийся киммериец. Слева, на противоположной лавке, заворочался Эйнар:

— Никто к тебе не цеплялся!
— Я не тебе...
— А кому? Пышногрудая красавица привиделась?

Она цеплялась? И чего ты ждал, спрашивается?

— Повторяю: отцепись, — снова вздохнул варвар, сел на постели, нагнулся и начал искать сапоги. Было еще совсем темно, рассвет только нарождался. — Дрыхни пока, бездельник. Пойду на двор...

— Попутного ветра, — промычал Эйнар и снова захрапел.

Конан, уяснив, что спать больше абсолютно не хочется, оделся, тихонько прошел через «Арсенал», как называлась увшанная оружием главная комната дома, отбросил засов и выбрался на крыльце. Самый таинственный час, когда ночь уходит, а утро пока не настало — зыбкая сине-серебристая получьма, струйки тумана, в отдалении сонно гавкает дворовый пес...

Со стороны конюшни донесся едва слышный привизг — лошади никогда не издают подобных

звуков. Понятно, любимый питомец учゅял хозяина, придется накормить и приласкать.

Гнедой стоял в отдельных яслях, подальше от охотничьих лошадок. Загородку на всякий случай обили полосками металла, ради лишней безопасности. Признавал Гнедой только Конана, единственного человека, способного обуздять буйный нрав хищника в лошадином обличье — сартака, зверя, вполне способного померяться силами с могучими болотными ящерами, привычными медведями райдорских лесов, а то и с львами пустынь Стигии.

По виду — красивый породистый жеребец. Сущность же необыкновенная: скрывающиеся под мягкими конскими губами клычищи и зачатки настоящего разума. Удивительное существо, а Конан всегда любил все удивительное — потому и оставил зверя себе.

Сартак, как и любые хищники, был вооружен впечатляющим арсеналом клыков которые пускал в ход при любом столкновении с противником, будь то человек или монстр. Еще Гнедой умел подражать человеческой речи, предпочитая использовать почерпнутые от Конана нехорошие словечки, тихонько стоять в засаде, когда потребуется, самостоятельно атаковать врага по первому приказу хозяина, мог различать своих и чужих. К последним он тоже относился скверно, но Охотников не трогал — понимал, что влетит от

Конана. Варвар называл Гнедого не иначе как «ездовой монстр», но в целом был доволен неожиданным приобретеньицем — чудовище, это или нет, но сартак был верным товарищем. Одна беда, вместо овса и сена Гнедой предпочитал мясо. Причем свежее — не далее как пятнадцать дней назад он задрал в конюшне постоянного двора ослика, устроив кровавое пиршество на его останках. От насмерть перепуганного владельца злосчастной осятины Конан едва откупился.

— Одни убытки от тебя, — недовольно проворчал киммериец, отправляя в кормушку нарезанную с вечера баранину. — Каждый день мяса на пять серебряных шеллинов съедаешь!

Гнедой взглянул на хозяина благосклонно и изрек в ответ такое словечко, что Конан поморщился. Слишком болтлив стал Гнедой, посторонние люди удивляются — надо же, говорящий конь!

— Гулять поедем после рассвета, когда городские ворота откроют, — известил варвар зубастого любимца. Сартак не должен застаиваться в конюшне, каждый день изволь проходить с ним не меньше десятка лиг. — Набил брюхо? Вот и жди теперь...

— Дер-рьмо Нер-ргала, — уверенно прорычал Гнедой. Остальные охотники, между прочим вечно над Конаном подтрунивали — мол, зачем учишь лошадку всяким непотребствам?

Варвар вдруг насторожился — сартак ругался последними словами только когда чувствовал опасность. Запомнил, что хозяин извергает самую черную брань во время сражения или охоты за чересчур шустрым монстром и перенял привычку Конана.

— Что стряслось? — киммериец уставился на Гнедого и машинально нашупал амулет Ночной Стражи под рубахой. Медальон в виде волчьей головы становился холодным как лед и начинал вздрагивать, если неподалеку использовалась черная магия или появлялось живое (или не-живое) существо порожденное чарами Тьмы.

Сартак ударил копытом об пол и нехорошо заурчал. Амулет, однако, вел себя спокойно — только чуть заметно стукнул в грудь Конана.

Киммериец вышел наружу и огляделся. Обычные лошади и дворовая собака не беспокоятся, они учゅали бы нечисть. Да и о какой демонической силе можно говорить на самом рассвете? Небо над далекими зубчиками Кезанкийских гор начало окрашиваться в золотисто-оранжевые цвета, хотя на Закате еще сияли звезды.

Внимание Конана привлек неясный багровый свет, исходивший со стороны замка короны. Варвар поднял взгляд и обомлел. Даже отступил на шаг назад от неожиданности.

Вокруг единственной башни резиденции великого герцога летал... летала... летало нечто.

На первый взгляд это была здоровенная птица или летучая мышь, размером самое меньшее с теленка. Киммериец различил тихие щелчки — любой воин моментально поймет, что слышит звук арбалетных тетив. В бойницах замка мелькали желтые точки факелов, похоже там объявили тревогу.

— Ничего себе дела, — пробормотал Конан, увидев, как крылатая тень скользнула выше, к самому флагштоку над башней, а затем извёргла струю темно-красного пламени, лизнувшую гранитные блоки. Неизвестное летучее чудище плавно описало круг, затем повторило атаку.

— Поднимайтесь быстро! — заорал киммериец стрелой влетев в дом. — Гва-ай! Сюда!

Месьор Гвайнард выскочил на крыльце в одном исподнем, протер глаза и коротко спросил:

— Что?

— Только погляди на это... — Конан указал в сторону замка.

Некоторое время Гвай молчал, с обалделым видом наблюдая за порхающим над Райдором существом и, наконец, выдавил:

— Дракон? Да быть такого не может! Их давным-давно истребили!

— Не всех, — сквозь зубы прощедил Конан. — Однако, по-моему, это не дракон... Крылья чересчур узкие и длинные. Кроме того, зверь слишком маленький для дракона!

— Разберемся, — ввернул любимое словечко Гвайнард. — Седлай лошадей, мы сейчас оденемся!

Менее квадранса спустя бравая четверка охотников, пустив скакунов в галоп, пронеслась через весь город к подножию скалы. Чудовища теперь не было видно — скорее всего, улетело.

— К Охранителю Короны! — рявкнул Гвайнард на десятника стражи, пытавшегося заступить дорогу. — Распорядись, чтобы присмотрели за лошадьми!

— Как прикажете ваша милость, — буркнул десятник. — Только во-он того гнедого сами привяжите, слухи о нем по городу ходят недобрые...

— Конан, займись! Догонишь!

* * *

Выглядел месьор Атрог взъерошено. Надо полагать, Охранителя самым грубым манером подняли с постели и обрадовали новостью: на замок напало неведомое чудо.

— Уже хотел за вами посыпать, — не здороваясь сказал Атрог, когда Ночные Стражи ввалились в его кабинет. — Кажется, это дело вашей части.

— Известно, что произошло? — осведомился Гвайнард.

— Доклады стражи очень сбивчивые, но приблизительную картину составить можно. Как то-

лько отбили пятый полуночный колокол, часовые на башне услышали глухой удар, вспыхнул красноватый огонь, а потом над замком появилось это существо...

— Точное описание твари есть? — подал голос Конан. — Она летала очень близко, ее можно было рассмотреть.

— Сами понимаете, люди испугались, запаниковали, начали палить в это... гм... животное из самострелов и луков. Все сходятся в одном: оно напоминало дракона или летучую мышь.

— Невероятно подробные сведения, — саркастично ответил Гвайнард. — Конан вот утверждает примерно то же самое, хотя находился в четверти лиги от замка! Хорошо, я лично поговорю с гвардейцами охранявшими стену. Убитые есть?

— Двоих слегка обожгло, больше никаких потерь. Перед самым вашим прибытием существо улетело в сторону Полуночи... Мне не нравится эта история, уважаемые месьоры и милая дама. Очень не нравится! Беритесь за работу.

— Уже взялись, — проворчал Гвайнард. — Асгерд, поднимемся на башню, осмотрим повреждения если они есть. Конан, Эйнар, опросите стражу и всех, кто хоть что-нибудь видел... Потом соберемся здесь и устроим маленький совет — что делать дальше? Дракон, это, знаете ли, не шутки...

Результаты оказались весьма плачевными. Никто из гвардейцев герцога не сумел объяснить, от-

куда взялась тварь, и как именно выглядела. Одни уверяли, что монстр походил на крылатую ящерицу с черной чешуей, другим примерещилась морда нетопыря-гиганта с «пылающими глазами», трети с жаром убеждали охотников, будто чудище было двоеглавым, пускай ничего похожего в природе не существовало. Камни донжона оказались подкопчены, но не оплавлены — настоящий дракон, как известно, способен расплавить даже гранит. Лица двоих гвардейцев, не вовремя высунувшихся в бойницу, оказались обожжены до волдырей, но жизням доблестных стражей решительно ничего не угрожало — ожог пройдет за седмицу.

Киммериец сразу предложил Эйнару нанести визит месьору Аделарду, но был решительно остановлен: почтенный алхимик наверняка изволит почивать, все ученые люди привыкли спать до полудня...

В конце концов, маг никуда не денется, поговорить можно позднее.

Внимательный Атрог, не взирая на неприятные утренние события, распорядился принести в свои покой завтрак на пятерых и нетерпеливо выслушал первые, крайне скучные, выкладки Гвайнарда и Конана. Потом лишь руками развел.

— Ничего не понимаю, — заявил Охранитель Короны. — Мороком, призраком, это быть не могло, остались следы огня... Насколько я пони-

маю, версия с гигантской летучей мышью тоже отпадает?

— Совершенно справедливо, ваша милость, — мрачно отозвался Гвай. — Нетопыри, будь они огромными или крошечными, не способны изрыгать пламя.

— Надеюсь, это не ваши приятели-упыри из Рудны развлекались? — подозрительно спросил Атрог. — Я по-прежнему им не слишком доверяю.

— Исключено, — твердо сказал Гвай. — Рэльгонн никогда не позволит себя подобные... гм... забавы!

...Речь запала о самопровозглашенном эрле замка Рудна, что находился в нескольких десятках лигах к Полуночи от столицы герцогства. В действительности Рэльгонн не был никаким эрлом (просто он сам себя так называл...) и жил в недоступных людям подвалах разрушенной крепости, которую уже много столетий полагал своей безраздельной собственностью. Это удивительное создание к человеческому роду не имело решительно никакого отношения — Рэльгонн являлся вампиrom. Да не простым вампиrom, а каттаканом, то есть живым существом из плоти и крови, в коем не было ничего демонического, как, например, в гулях иранистанских гор.

История появления месьора Рэльгонна на Закатном материке была крайне запутана. Неско-

лько тысяч зим назад на северные области континента рухнула гигантская Небесная Гора. Случившийся в момент катастрофы огромный выброс тепла и магической силы привел к появлению Врат Миров — порталов ведущих в чужие миры, которые, как утверждал сам Рэльгонн, могут находиться на непредставимом расстоянии от Хайбории, возле чужих звезд. Один портал открылся в Универсум, который населяли каттаканы, и Рэльгонн вместе с несколькими родственниками решил поглядеть, что же находится по ту сторону Врат.

Оказавшиеся в Хайбории каттаканы обследовали незнакомый мир, подивились на населявших его удивительных существ, наподобие людей, гномов или альбов и засобирались было обратно, да вот незадача — портал внезапно захлопнулся и Рэльгонн вместе с дядей и братом оказались навсегда отрезанными от своего дома. Вновь привести в действие Врата Миров каттаканам не удалось, пускай их цивилизация стократно превосходила все разумные расы Хайбории в большинстве областей знаний.

Уяснив, что покинуть чужой для них мир каттаканы не могут, Рэльгонн вместе с сородичами приспособился к жизни во владениях непонятных тварей, именовавших себя «людьми», а поскольку гости из чужой Вселенной были весьма и весьма долгоживущими (пускай и не бес-

смертьми, как элентари или броллайхэн), каттаканы ужасно скучали. Кроме того, они были настолько чужды людям, что немногочисленное семейство Рэльгонна моментально заслужило жуткую репутацию упырей и вампиров... В значительной степени это было справедливо — каттаканы действительно пили кровь человека и животных, что было необходимо им для выживания.

Конан отлично знал, что старый вампир уже много зим помогает ватаге Ночной Стражи в многотрудном ремесле охоты на настоящих монстров и, похоже, получает от этого удовольствие — каттакан, с его врожденными магическими умениями, холодным логическим разумом и способностью «прыгать через Ничто» был незаменимым помощником охотников. Одна беда: Рэльгонн мог действовать исключительно ночью, поскольку лучи хайборийского солнца обжигали его белоснежную кожу. Кроме того каттаканы не переносили яркий дневной свет — в их мире светило было маленьким и холодным.

Рудненские упыри клятвенно пообещали Ночной Страже, что безобразничать в Райдоре они никогда не станут, равно как и откажутся от употребления человеческой крови — будет вполне достаточно крови диких животных, — после чего и было заключено удивительное соглашение между людьми и вампирами. Рэльгонн помогает охотникам чем может, а они в свою очередь за-

кроют глаза на устав гильдии и не будут считать каттаканов подлежащими истреблению «чудовищами». С тех пор необычный союз приносил только добрые плоды — упыри с их невероятными способностями стали почти полноправными членами отряда Гвайнарда и вполне заслужили награду от Совета гильдии. Так что господин Атрог подозревал Рэльгонн и его родственников совершенно напрасно.

— Предположим, это действительно был дракон, — сказал Охранитель Короны. — Хотя в Бритунии о драконах слыхом не слыхивали как минимум пять столетий. Замечу: не только в Бритунии — к Закату от Кезанки люди не видели крылатых ящеров с древнейших времен!

— Я однажды видел, — встриял Конан. — В 1284 году по Аквилонскому счету, на Зингарском побережье. Настоящий герольм, с крыльями и четырьмя лапами. Мы отлично поладили, между прочим — дракон оказался совсем не страшным...

— Герольм? — заинтересованно переспросил месьюор Атрог. — А чем такой дракон отличается от остальных?

— Всего существует пять разновидностей драконов, — ответил Гвайнард. — Гивр, водяной дракон, без крыльев и лап. Просто очень большая змея. Линдворт тоже бескрылый, но у него есть пара передних ног. Они обычно водятся в болотах или заросших озерах и воруют скот. Затем —

амфинтерны, горные драконы. Эти крылатые, правда, ноги у них не растут. Любят собирать драгоценные камни или золотые предметы и лежать на них — именно про амфинтернов ходят легенды, как о хранителях сокровищ. Сины воятся далеко на Восходе, в Кхитае — у них четыре лапы, но нет крыльев. Похожи на здоровенных ящериц. И, наконец, герольмы — геральдические драконы. Огнедышащие, с крыльями и четырьмя лапами. Они очень крупные, не побоюсь этого слова — огромные! Их всегда было очень мало и, судя по всему, они являются старейшими в роде драконов. Предположительно, геральдические драконы не просто древние и разумные животные, владеющие искусством волшбы, но нечто иное, неизмеримо большее — воплощенные духи, наподобие броллайхэн. Причем герольмы тоже делятся на полдесятка видов, по цвету чешуи: синие, красные, золотые...

— Безумно интересно, — кивнул Атрог. — И чем помогут нам эти подробнейшие сведения из жизни гигантских ящеров?

— Ничем, — пожал плечами Конан. — Никто не знает, что именно за зверюга летала утром вокруг замка. Наблюдательность ваших гвардейцев не на высоте — видеть тварь с расстояния половины, а то и четверти лучного перестрела, и не запомнить, как она выглядит! Больше того скажу: мы не в состоянии начать охоту только пото-

му, что не представляем на кого именно охотиться, где живет это чудовище и что ему потребовалось от людей!

— Конан абсолютно прав, — согласился Гвайнард. — Драконы предпочитают уединение и никогда не появляются возле человеческого жилья — знают, что опасно.

— Но как же быть с легендами о нападениях крылатых змеев на города или подземные сокровищницы dwarfov?

— Не всяким легендам следует верить. Мы живем во времена, когда магия древности уходит из человеческой Вселенной, уходят и чудовища далекого прошлого... Я убежден: мы имеем дело с чем угодно, но только не с драконом!

— Демон? — вздернул бровь Охранитель.

— Вряд ли. Начинался рассвет, демоны Тьмы в такое время уходят в свой мир... Кроме того, наши амулеты молчали, никакой черной магии. Признаться, я в затруднении.

— Поверьте, месьоры, я тоже, — не без иронии сказал Атрог. — На коронный замок нападает незнамо какое страшилище, плюется огнем, до полусмерти пугает гвардейцев, а потом исчезает в никуда... Наше счастье, что тварь не спалила дотла деревянные пристройки. Потом являются Ночные Стражи, которые обязаны оберегать Райдор от потусторонних напастей и заявляют, что они бессильны что-либо сделать. Как в такой си-

туации прикажете поступать главе тайной службы великого герцога?

— Усилить охрану, — Конан воспринял риторический вопрос Атрога с полной серьезностью. — Установить на башне баллисти или две, наконечники стрел смазать крысиным ядом — попросите у мэтра Аделарда, старик держит дома столько разнообразной отравы, что на пятьдесят драконов хватит!

— Как ты сказал? — Атрог неожиданно подался вперед и его глаза загорелись хищным огнем. — Аделард? Эй, десятник!

— Что прикажете, ваша милость? — в темном дверном проеме образовалась фигура в кольчуге и при мече.

— Алхимики — ко мне! Немедля!

— Стойте-стойте, — Гвайнард аж вскочил, перевернув табурет. — Месьор Атрог, не трогайте мага! Мы лучше сами с ним поговорим! Вы же знаете, как Аделард к вам относится! Он лишь вновь разобидится и замкнется! Потом из него и слова не вытянешь!

— Хорошо, — Охранитель подавил внезапный порыв и жестом отпустил стражника. — Но если это была проделка старого безумца, я его... Я его...

— Повесите? — участливо осведомился Эйнар.

— Пинком выставлю из Райдора! И за собственные деньги найму для герцога орденского колдуна! Мое терпение не безгранично!

— Может, мы пойдем? — осведомился Гвайнард. — Ваша милость, очень прошу, не принимайте скоропалительных решений! Поверьте, мыправлялись с делами и потруднее!

— Знаю. Если произойдет что-нибудь неожиданное, я немедленно отправлю к вам посыльного. Или, может быть, месьор Конан Канах и, допустим, госпожа Асгерд согласятся пожить несколько дней в замке? Я отвечаю за жизнь герцога и безопасность его семьи!

— Это необязательно, — твердо ответил Гвай. — А вот с месьором Аделардом мы переговорим как можно скорее. Надеюсь, маг уже проснулся...

* * *

Эйнара и Асгерд отправили домой — бдеть и ожидать новостей, мало ли, вдруг кто-нибудь из жителей Райдора видел нечто подозрительное? В таких случаях обитатели столицы герцогства всегда бежали к охотникам за помощью. Гвайнард и варвар направились в гости к придворному магу.

Стучались долго, поначалу тихонько, но затем киммериец пустил в ход свои пудовые кулачищи, едва не вышибив дверь.

— Убирайтесь! — из флигеля донесся дребезжащий высокий голосок. — Негодяи, как вы осмелились тревожить пожилого человека в часы его отдыха! Убирайтесь, или превращу в крыс!

— Месьор Аделард, это Ночная Стража, — очень вежливо ответил Гвай. — Будь столь любезен, открай. Дело безотлагательное, нам необходима помошь мудрого и знающего волшебника!

Конан едва слышно хмыкнул — лесть оказывала на Аделарда неотразимое действие, как мозговая косточка на собаку. Самое смешное было в том, что алхимик и впрямь считал себя «мудрым» и «великим».

— Боги всеблагие, — простонал варвар, когда дверь распахнулась, и тотчас получил от Гвая чувствительный тычок локтем под ребра.

В ночном облачении Аделард выглядел еще более оригинально, чем в привычном «костюме мага».

Алхимик был облачен в необъятнейшую ночную рубашку кхитайского шелка, украшенную десятками ярдов великолепных кружев, какие плетут в Коринфии. Создавалось впечатление, что Аделард был укрыт настоящим снежным сугробом — только плешивая голова торчала. Значит, серебро герцога уходит не только на стаинные магические атрибуты и составные части декоктов! У ног алхимика терся черный кот потрясающей жирности.

— Как же, месьоры! — визгливо вскричал Аделард. — Проходите, всегда рад оказать содействие вашей гильдии! Простите за непристойный вид, я немедленно оденусь!

С тем алхимик упорхнул в недра своего паухучего обиталища. Этим утром во флигеле густо смердело серой, купоросом и еще какой-то невыносимой гадостью. Даже вечно невозмутимый Гвай поморщился.

Никаких особенных разрушений в матической лаборатории не наблюдалось — обычный бедлам. Гвайнард искренне полагал, что если Аделард действительно устроил один из своих невероятных экспериментов, закончившийся появлением огнедышащего летуна, значит должны остаться следы.

Однако, книги как и всегда были свалены в неопрятную кучу, ни единая колба не разбита, а последствий очередного пожара не наблюдалось. Надо думать, алхимик благополучно проспал всю ночь и пропустил самое интересное...

Месьор Аделард торжественно вышел из спальни — в балахоне и колпаке. С самым значительным видом взял в левую руку огромный хрустальный шар, в правую посох, усился в единственное свободное кресло и принял невероятно величественный вид. Конан только головой показал — стариk безумен, это неоспоримо. Вопрос только в том, насколько далеко он может зайти в своем безумии.

— Я слушаю, — благосклонно кивнул Аделард. — Нам вновь придется вступить в беспощадную битву с силами мрака?

— Боюсь, ты прав, — вздохнул Гвайнард. — Слушай же...

Очень кратко, просто и доходчиво, предводитель ватаги охотников рассказал о случившемся на рассвете казусе. Появилось некое странное существо, видом сходное с драконом, напало на крепость герцога, после чего благополучно сгинуло. Оно умеет летать и дышит огнем. Никто из гвардейцев не запомнил облик твари.

Как бы невзначай, Гвай спросил, как рано Аделарда улегся спать и не слышал ли чего странного?

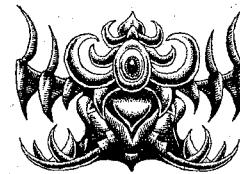
«Нет, не слышал», как-то очень поспешно сказал алхимик. В опочивальню Аделард отправился вскоре после полуночи, закончив работать над своим трактатом «Истинная история Белой магии в Хайбории, от древнейших времен короля Алькоя до дней сущих». Смотрел алхимик в сторону, кстати.

Получив от волшебника заверения в том, что он покопается в древних книгах, где упоминаются редкие и необычные летающие существа, охотники раскланялись и вышли на свежий воздух.

— Думаешь, он причастен? — спросил Конан.

— Понятия не имею! Но глазки у Аделарда бегали нехорошо... Понаблюдаем.

— Конечно, понаблюдаем. Поскольку ничего больше делать не остается!

Глава вторая

В которой раскрывается тайна герцога Ландерика и охотники посещают развалины старого замка

плоть до самого вечера в Райдоре не было отмечено никаких странных происшествий, хотя месьор Атрог отдал городской страже и герцогским гвардейцам наистройнейший приказ — смотреть в четыре глаза и немедленно докладывать обо всем подозрительном в замок и господам охотникам. Распоряжение Охранителя было выполнено буквально — в хлеву кузнеца Сурта, что живет на улице Медников, народился шестиногий козленок, какового незамедлительно приволокли на двор к Ночной Страже. Гвайнард, осмотрев новорожденного (издохшего почти сразу) определил, что магии здесь никакой нет — обычное уродство, такое случается.

Эйнар зря времени не терял. Броллайхэн притащил в «Арсенал» огромную книгу в кожаном

переплете — редчайший список сочинения Беренгария Тарантийского, одного из самых знаменитых ученых мужей Заката. Именовался трактат более чем солидно: «Общее совокупное описание существ чудесных и таинственных, в землях Закатного материка обитающих, с пятьюстами рисованными миниатюрами». В бестиарии были собраны и классифицированы все доступные сведения о монстрах и демонах. Более подробного труда и интересовавшей Ночную Стражу сфере попросту не существовало, хотя достопочтенный Беренгарий несколько поспешил объявить свое творение полным и законченным — охотники могли значительно его дополнить. Все-таки они сталкивались с монстрами лицом к лицу почти ежедневно, а мудрец из Тарантии творил в тишине мраморных залов Обители Мудрости.

— Нашел что-нибудь? — Конан присел к широченному общему столу и с интересом взирался на одну из «миниатюр» изображавшую нечто совершенно непотребное: казалось, тварь состояла только из глаз и зубов. Рядом с трактатом Беренгария лежали еще полдесятка книг поменьше размерами, но с такими же скверными рисунками.

— Меня заинтересовали слова трех гвардейцев, — озабоченно сказал Эйнар, перелистывая тонкий дорогой пергамент. — Они уверенно заявили, что у существа было две головы. Сам зна-

ешь, одному единственному свидетельству можно не доверять — мало ли что человеку примерещилось? — но сразу трое? Пытаюсь искать именно в этом направлении.

— И как оно, получается?

— Какое там! — безнадежно вздохнул броллайхэн и ткнул пальцем в картинку. — Вот смотри, это дарфарская гидра...

— Видел такую, — согласно кивнул варвар. — Когда мы с Белит плавали на «Тигрице»...

— Очередную байку про Белит расскажешь потом, — отмахнулся Эйнар, которому изрядно поднадоели истории Конана. Броллайхэн считал их выдуманными минимум наполовину, хотя киммериец никогда ничего не приукрашивал. — У гидры пять голов, но летать она не может. Смотрим дальше: обливакс, водяной монстр, водится в реках Стигии... Три головы, однако на сущу он никогда не выходит. Латеруза, двоеглавая гарпия, полностью истреблена сразу после падения Кхарии. Многоглавые змеи? Во-первых они маленькие, во-вторых крыльев нет...

— Зря стараешься, — заключил Конан. — Скорее всего мы имеем дело с существом, порожденным магией. Ты слышал о Бурях Перемен?

— Конечно. Буйство вырвавшегося из подчинения волшебства, частенько случаются в Стигии, иногда — в Гиперборее. Магия способна до невероятного извратить облик любого живого су-

щества, но когда ее действие прекращается, все восстанавливается в прежнем виде. Конан, уверяю, поблизости не было Бури Перемен, я бы почувствовал!

— Не надоело переливать из пустого в порожнее? — поинтересовался Гвай, явившийся из маленькой открытой кузни, устроенной во дворе дома. Физиономия у предводителя ватаги была закопчена — предпочитал сам ковать подковы для лошадей ватаги, а не обращаться к соседским кузнецам, так оно надежнее. — Клянусь Оком Миры, едва кто-нибудь в самом городе или окрестностях заметит эту тварь, нам моментально сообщат! А до этого времени я предпочитаю не забивать себе голову всякой чепухой. Вечером прилетит Рэльгонн, попросим его разведать обстановку...

Конан понимающе кивнул. Способность рудненских упырей мгновенно перемещаться из одной точки в другую и даже переносить людей через Ничто, давала Ночной Страже огромные преимущества перед самыми хитрыми и осторожными чудовищами.

Рэльгонн непременно заинтересуется новой загадкой, привлечет к поискам своих родственников и рано или поздно докопается до истины! Вампиры из Рудны позволяли Ночной Страже не утруждать себя долгими поисками и погонями — достаточно одного щелчка пальцами, и ты мо-

жешь перенестись из Райдора хоть в Аквилонию, хоть в Султанапур!

— К вам гости, месьоры, — в «Арсенал» заглянула домоправительница, госпожа Тюра. — У ворот ждет.

— Кого еще принесло? — полюбопытствовал Конан.

— Маг ихней светлости герцога.

Аделард действительно отирался возле ворот усадьбы охотников — старичок восседал на грустном сером ослике и ради выезда в город облачился в парадную хламиду, вызывавшую удивление у прохожих и посвистывание уличных мальчишек. Ничего удивительного — сине-голубая мантия, усеянная звездочками, полумесяцами, рунаами и таинственными знаками вкупе с обязательным острым колпаком выглядели до крайности нелепо. На свист и смешки простецов Аделард внимания не обращал — держался гордо и благородно, как магу и подобает.

Горе-волшебника проводили в «Арсенал», усадили в лучшее гостевое кресло покрытое мягкой шкурой серого пещерного медведя, налили лучшего коринфийского вина, запас которого держали нарочно для таких случаев — сами охотники обходились вином ягодным, а Гвайнард и Конан вообще предпочитали пиво или черный эль.

Насладившись гостеприимством, Аделард наконец решил перейти к делу и выложил на стол

привезенный с собой фолиант, выглядящий очень и очень старым — пергамент потемнел, металлические застежки покрыты налетом ржавчины.

— Светлейший герцог три зимы назад передал в мое ведение библиотеку замка, — значительно сообщил алхимик, постукивая тонкими пальцами по обложке книги. — Книжное собрание, прямо скажем, невеликое. Никакого сравнения с коронной библиотекой Бельверуса или аквилонской Обители Мудрости!..

«Надо думать, ты там бывал, — с усмешкой подумал Конан. — А если и бывал, то почему не остался в этих храмах знания? Может, выставили со скандалом?»

— Всего девяносто два тома, — продолжал скрипеть Аделард. — Но кое-что стоящее найти можно. Например, погодовые хроники герцогства Райдорского, которые начали вести семьсот пятьдесят зим назад, когда предки его светлости Варта поселились в этих местах и объявили их своими владениями. Увы, увы, теперь должности придворного летописца в Райдоре нет, канцелярия этого мерзавца Атрога не уделяет должного внимания летописям...

— Не будем отвлекаться, — Гвайнард мягко напомнил о деле. — Зачем ты принес эту книгу, о мудрейший?

Аделард среагировал на «мудрейшего» благосклонно, расстегнул замочки на книге и начал бе-

режно перелистывать страницы, одновременно поясняя:

— Перед вами, друзья мои, полный свод Райдорской Хроники за предыдущее столетие, начиная от 1110 по 1208 годы по общепринятому на Закате счету Аквилонии, от начала правления короля Алькоя. Весьма много интересного, раньше умели вести летописи... Вот пожалуйста, подробное описание битвы при Чарнине, когда бритунское войско выступило против легионов королевы Немедии Куннихильды, пытавшейся включить наше королевство в состав своей империи... Между прочим, несколько раз упоминаются и подвиги Ночной Стражи, ваших прямых предшественников!

— Битва при Чарнине — это безумно интересно, — повторил попытку Гвай. — Однако, нам куда более интересны сведения о летучих чудовищах.

— Сейчас, сейчас, — поморщился Аделард. — Терпение, друзья мои, есть одна из высших добродетелей. Во-от, смотрите...

— Куда смотреть? — заинтересовался Конан, взглянув на пергамент. Картинок в книге не было.

— Итак, 1162 год, путешествие короля Гундовальда в Немедию, постройка форта на границе с Гипербореей, прибытие каравана из Аграпура... Нашел! Слушайте внимательно, вот что пишет

хронист: «Минуло четырежды семь и тринадцать зим, как и гласило пророчество молберан вернулся...»

— Молберан? — переспросил Эйнар, услышав незнакомое слово. — Что это такое?

— Не перебивайте, юноша. Цитирую дословно: «Страх вновь поселился в Райдоре, убито не менее полусотни людей в баронствах Трисг, Анвольд и Равен, и число погибших непременно возрастет, ибо воплощенный кошмар древности уснет лишь с приходом осени...» Замечу, месьоры, летописец предпочел ограничиться только этой малопонятной строчкой и припиской о том, что не желает накликать беду на свою голову... Теперь давайте обратим наш просвещенный взор на записи датированные 1203 годом, — старый волшебник отыскал нужный лист и ткнул пальцем в строчку, подчеркнутую свинцовым карандашом: — Опять нечто подозрительное. «Посланник Бездны пришел вновь, кровь льется безостановочно и нет таких слов, которыми можно описать ужас, обуявший подданных короны Великого Герцога...» Кратко, но выразительно, не находите? Человек, ведший хронику, явно боится лишний раз упоминать об этом «ужасе», никаких подробностей! Догадайтесь, когда в летопись появляется очередная запись?

— «Четырежды семь и тринадцать», — догадался Конан. — Сорок одна зима. Значит, в 1244 году?

— Верно. Я внимательно просмотрел хроники последнего столетия, более никаких упоминаний о некоем «молберане» не отыскалось, но... Достаточно просто посчитать.

— Потом оно должно появиться... — Эйнар помрачнел. — Только этого не хватало! В 1285 по основанию Аквилонии! Отлично! Не было забот!

— Подождите, — помотал головой Гвайнард. — Пока я совсем ничего не понимаю! Давайте разберемся. Предположим, что в Райдоре обитает некое «чудовище» которое на сорок одну зиму впадает в спячку, затем просыпается на неопределенный срок, учиняет шумные безобразия и снова отправляется в свою пещеру — отдыхать до следующего пробуждения. Вопрос: почему Ночная Стража, половину тысячелетия присматривающая за герцогством никогда и ничего об этом монстре не слышала?

— Я просмотрю записи наших предшественников, — живо отозвался Эйнар, вскочил и снял с полки несколько тубусов для хранения свитков. Охотники обычно заносили в собственную хронику наиболее интересные события из своей жизни: пригодится тем, кто придет на смену.

— Вопрос второй, — подал голос Конан. — Лично я никогда не слышал о монстрах или демонах с таким необычным образом жизни. И почему летописец говорит «четырежды семь и тринадцать», вместо того, чтобы просто написать

«сорок один год»? Ну или «зима», кому как больше нравится. Магия чисел?

— Непохоже, — почесал в затылке Гвайнард. — Что у нас символизируют числа «четыре», «семь» и «тринацать»?

У Аделарда загорелись глаза — он считал себя непревзойденным знатоком древней науки нумерологии:

— Четверка — число несчастливое, — затараторил маг. — Причем считается таковым на всем Закате, как у варваров, так и у людей цивилизованных. Семерка наоборот, приносит удачу. Тринадцать — «черная дюжина», означает смерть, гибель. Именно столько демонов Мрака охраняют Черную Бездну, у Нергала — тринадцать слуг, надзирающих за Серыми Равнинами. В совет Черного Круга Стигии входит тринадцать колдунов...

— Неверный след, — покачал головой киммериец. — Сыщали, в хронике еще упоминается какое-то «пророчество», а пророчества всегда излагаются мудреным языком. Никто тебе не скажет: через сорок одну зиму жди беды. Куда значительнее будет так: «Когда минет четырежды семь и тринадцать зим снизойдет на земли Райдора черный ужас». Красиво и страшно, я с такими пророчествами частенько сталкивался.

— Первое упоминание об «ужасе» в каком году было? — нахмурился Гвайнард. — Если в

1162, значит пророчество относится к 1121 году, тут и думать нечего! Уважаемый месьор Аделард, посмотрите в книге, может быть отыщется упоминание о каком-то из ряда вон выходящем событии?

Маг нахмурился и вновь запуршал сухим пергаментом — ему следовало бы самому догадаться!

— Давайте почитаем, — протянул Аделард, близоруко щуря глазки. — На первый взгляд решительно ничего интересного. В начале года были стычки с немедийцами на полуденной границе, торговля шла исправно... Весной скончался старый герцог, трон принял его наследник, Ландерик. Ого!

— Что?? — хором переспросили охотники и дружно вытянули шеи.

— Весна была очень холодной, часть посевов не взошла, — сказал Аделард. — Потом засуха, потом град... Урожай не был собран, первые признаки надвигающегося голода появились уже к началу осени. Даже дикий зверь начал откочевывать из лесов к полуночи — из-за великой сухи случилось много лесных пожаров, некоторые речки в округе пересохли, из колодцев ушла вода. С наступлением холода стало совсем плохо. Тут очень невнятное сообщение о молодом герцоге: его светлость мог купить зерно в Немедии или Туране, но поскупился, хотя серебра в казне

хватало, прошлым годом нашли богатую серебряную жилу в Кезанкии... Словом, к зиме дело дошло до людоедства, вымерло несколько деревень, люди начали бежать из Райдора на полдень.

— Голод, людоедство... Замечательно, — сказал Гвайнард, хотя решительно ни о чем «замечательном» летопись не повествовала. — Что-нибудь еще?

— Да, — коротко ответил маг. — Хронист весьма кратко упоминает, что в самый разгар голода Ландерик Райдорский скончался, власть перешла к младшей ветви рода, его двоюродному брату.

— Не здесь ли скрыта тайна «пророчества»? — задумчиво произнес Эйнар. — Посудите сами: молодой герцог умирает не просидев на троне и полугода, за это время на Райдор обрушаются все возможные бедствия, светлейший не желает помочь своим подданным, которых обязан защищать от любых несчастий... Что-то тут нечисто.

— Летописец на этот счет молчит, — ответил Аделард.

— У хрониста было теплое и наверняка сытое местечко под герцогским крыльшком, — пожал плечами Конан. — Упомянешь в рукописи неприятные для властителя подробности, и мигом вылетишь из замка на улицу. Хорошо, если голову не снесут. Отлично понимаю летописца.

— Вот что, други, — Гвай поднялся с лавки. — Хроника на наши вопросы не ответит. Придется

идти к герцогу и говорить с ним лично. Должны ведь сохраняться фамильные предания? Возможно, о некоторых деталях семейной истории Райдоров простые смертные знать не должны, но мне-то светлейший обязательно расскажет... Не так уж и много времени прошло, всего каких-то сто шестьдесят зим! Благодарю тебя, месьор Аделард. Кажется, мы вышли на след нашего летуна.

— Всегда рад, — кивнул волшебник и снова отвел взгляд. У Конана возникла навязчивая мысль о том, что старикан явно знает больше, чем говорит.

— Оставайтесь дома, а я провожу месьора Аделарда в замок и попрошу встречи с герцогом, — сказал Гвай, набрасывая плащ. — Эйнар, перевороши все записи Ночной Стражи, может быть и найдешь то, что нам нужно.

— А чем я по-твоему занимаюсь?

* * *

Добиться приема у светлейшего оказалось делом несложным — понятия о дворцовом этикете в Райдоре разительно отличались от столичных нравов великих империй вроде Турана или Аквилонии. Достаточно было обратиться к капитану стражи, тот мигом послал гвардейца к герцогу, а спустя половину квадранса Гвайнарда препроводили в кабинет его милости.

Варт Райдорский, единовластный повелитель огромного герцогства, сравнимого размерами с иными королевствами, относился к Ночной Страже с отеческой благосклонностью. Дворянской спесью он не отличался, был невероятно богат и одновременно щедр, а к подданным милостив — достаточно упомянуть о том, что в Райдоре не было тюрьмы. Всерьез провинившихся отправляли на рудники, или отвозили в Пайрогию, пусть королевский суд разбирается. Если же страже попадался мелкий воришко или буйный пьяницуга, для вразумления вполне хватало розог.

Герцог отлично понимал, что правит беспрекословной провинцией и поддержка столь уважаемой гильдии как Ночная Стража ему необходима — охотники не только истребляли чудовищ, но и оказывали посильную помощь месьору Аттрагу, как например в недавнем случае с безумным убийцей, резавшем гуляющих девиц. Единственное, что категорически запрещалось кодексом Ночной Стражи, так это вмешиваться в политику, но какая, скажите, может быть политика в самом отдаленном уголке Закатного материка?

— Рад приветствовать, месьор Гвайнард, — добродушно прогудел Варт, указал гостю на кресло и сам уселся напротив. Огладил пышную бородищу. — Мне передали, будто у тебя безотлагательное дело? Это связано с драконом?

Гвай подождал, пока доставивший кувшин с вином и бокалы безмолвный слуга не уберется и не закроет тяжелую дверь, откашлялся и ответил напрямую:

— Светлейший, у нас появились серьезные затруднения. Затруднения, которые способны вылиться в нечто большее — серьезную беду, способную затронуть все герцогство.

— Вот как? — нахмурился Варт. — Что стряслось? Рассказывай. Сам знаешь, помогу чем смогу.

— Меня очень интересует один из твоих предков. Герцог Ландерик. Он очень кратковременно правил в 1121 году, когда случился большой голод.

Владыка Райдора поджал губы, выдержал долгую паузу и наконец ругнулся так, что Гвайнард поморщился. Благородным дворянам таких слов не то что произносить, и знать-то не полагается!

— Сходи в библиотеку замка, посмотри хроники, — прохладно сказал светлейший. — Там все написано.

— Уже смотрел. Мне нужны сведения, в летописи не отраженные. Понимаю, что здесь скрыта некая очень нехорошая тайна, но ты знаешь — Ночные Стражи умеют хранить чужие секреты.

— Только на это и рассчитываю, — герцог был мрачен без всякой меры, складывалось впе-

чатление, что Гвайнард всерьез задел его за живое. — Имя Ландерика вычеркнуто из всех семейных хроник, его будто бы и не существовало. Он проклят, и я готов каждодневно благодарить всех богов за то, что проклятие не пало на весь наш род...

— Наверное потому, что у Ландерика не осталось прямых наследников? Твоим предком, светлейший, является его двоюродный брат. Насколько я знаю, действие некоторых проклятий не распространяется на младшую ветвь рода, только на кровных детей...

— Да? Любопытно. Возможно, Райдорам в этом случае просто повезло. Ты можешь рассказать о проклятиях немного подробнее? И тогда, обещаю, я отвечу на любые вопросы.

— Ну, что тут расскажешь... — Гвай нахмурился, припоминая. — Конечно, за объяснениями лучше обратиться к жрецам или гильдейскому магу. Ночная Стража не снимает проклятий, мы только устранием их последствия.

— Знаю, — отмахнулся Райдор. — Вроде недавних случаев с упырицей в Ронине и утопленником из Тарса?

— Именно. Причем в первом случае проклятие наложили боги за грех кровосмешения, а во втором мельника-убийцу проклял митрианский жрец. Итак, «проклятием» называется отвержение души человека от Света. Его перестают за-

щищать боги и он мгновенно становится добычей бестелесных демонов Черной Бездны, которые начинают направлять дальнейшие действия проклятого. Существует множество разновидностей проклятий, однако смысл всегда один: волей человека управляет Тьма и использует его действия во зло. Душа проклятого не может покинуть мир живых, что является самым ужасающим наказанием. Она застrevает в нашем Универсуме до времени, пока проклятие не будет снято и боги не позволят ей найти отдохновение на Серых Равнинах или не ввергнут навсегда в Черную Бездну — в качестве воздаяния за прошлые прегрешения, простить которые не способны даже Митра или Иштар. Известны самые замысловатые проклятия, снять которые практически невозможно.

— Например?

— Да хоть помянутый утопленник из Тарса! Дочь мельника забеременела вне освященного митрианским обрядом брака, папаша рассвирепел, приложил блуднице по голове поленом, отчего та незамедлительно отбыла на Серые Равнины, а затем, окончательно спятив, убил до смерти жену и сына и сам утопился. Местный жрец проклял душегубца и Митра согласился с проклятием — душа мельника навсегда застряла в омерзительном теле утопленника, хотя это была только часть воздаяния. Во-первых, снять про-

клятие можно было только в случае, если мельник однажды спасет от неминуемой гибели всех до единого жителей Тарса. Всех, понимаешь? Можно считать, что условие невыполнимо. Вторых, демоны Черной Бездны еженощно устраивали утопленнику жуткий спектакль — он снова возвращался в тот вечер, когда произошли убийства, сидел за столом со своей призрачной семьей, тщетно пытался что-то исправить, на следующую ночь все повторялось, и на следующую... Семьдесят зим подряд.

— Кошмар, — поморщился герцог. — Боги, вне всякого сомнения, справедливы, но иногда их справедливость чересчур жестока. Мельнику из Тарса повезло... А вот Аандерику — не очень.

— Значит, светлейший, ты знаешь о том, что происходит в Райдоре через каждые «четырежды семь и тринадцать зим»?

— Этого никто не знает. Никто. Я расскажу только то, о чем известно в точности. Наливай вина и слушай. Никогда еще эта история не выходила за пределы узкого семейного круга герцогов Райдорских, но, похоже, настало время облегчить душу. Не хочу лишней крови, очень не хочу...

* * *

...Отцом Ландерика был герцог Теодоберт II, правивший Райдором удивительно долго, более

полустолетия. Он был дважды женат — первая супруга Теодоберта оказалась бесплодна и немедленно по ее смерти герцог вновь женился, на девушку из захолустного баронского рода, которая и принесла ему единственного сына. К моменту рождения Ландерика светлейшему перевалило за шестьдесят, а умер он в год своего восьмидесятилетия. Наследные права на Райдор перешли к сыну — избалованному и своевольному.

Ландерик был единственным и поздним ребенком, в юности ему прощалось все — нет ничего страшного в том, что на охоте он «случайно» подстрелил двоих кметов, работавших в поле, ну а похищения девиц и насилие над ними... Предосудительно, но ничего не поделаешь, мальчик растет!

К семнадцати годам отпрыск древнего рода заинтересовался магией, но успехов на этом поприще не достиг, не хватало знаний и таланта. Ландерик пытался искать учителей в Пайрогии и даже Бельверусе, сулил колдунам огромные деньги, однако никакой уважающий себя маг не поедет в эдакую глушь обучать дворянского сынка не способного даже яйцо в цыпленка превратить. Какие-то способности у Ландерика определенно были, но они не развились — разврат и пьянство не способствуют постижению великих тайн волшебства.

Теодоберт дряхел и все более отходил от дел, наследник в тонкости управления Райдором вни-

кать не собирался, а управители, почуяv безнаказанность и полную свободу от чуткого oка владетельного герцога, воровали из казны и вовсю пользовались нежданно свалившейся в руки безраздельной властью. Росли налоги и пошлины, купцы предпочитали Райдору другие провинции Британии, хлеб дорожал, люди нищали.

Гром грянул накануне дня весеннего солнцестояния — Теодоберт скончался, как это говорит-ся «не вынеся тяжкого бремени прожитых зим». Всем здравомыслящим подданным Райдора стало окончательно ясно, что ничего хорошего при правлении Ландерика герцогство не ждет.

Некоторые вассалы Райдора даже обратились к королю Британии с просьбой назначить королевского наместника, но государь, сославшись на древние привилегии и вольности дарованные предкам Ландерика, отказался — своих забот хватало.

Известно, что беда никогда не приходит одна. Надвигающееся несчастье впервые обозначилось непосредственно после смерти старого герцога — поздняя весна, морозы, снег сошел только за десять дней до первой летней луны. Почти сразу началась засуха, а с ней падеж скота. Ландерик ничего не замечал, целиком отдаваясь развлечениям.

К концу лета в деревнях начали есть жуков и кору деревьев, бедные дворяне разорялись, цена

за меру зерна поднялась двадцатикратно по сравнению с прошлым годом. В полуночной Немедии и Пограничье дела обстояли ничуть не лучше, дружины Вольных баронств совершили набеги на Британию в надежде раздобыть у соседей хлеб и фураж. Король и высшие британские дворяне отправили несколько караванов в Аквилионию, Коф и Шем — там как раз собрали невиданный урожай. Ландерик не сделал и этого, а потому голод в Райдоре приобрел чудовищные масштабы.

Говорят, будто страшные сказки о людоедах, похищающих детей и невинных девиц появились именно в этот злосчастный год. Не следует думать о том, что король в Пайрогии не был извещен о происходящем — в некоторых замках Райдора стояли отряды королевской гвардии и их командиры отсылали в столицу панические депеши, в которых повествовалось о кошмарном положении в некогда процветающем герцогстве.

Съели лошадей и собак, начали охотиться на крыс и мышей. Когда извели и мелкую живность, люди ели трупы погибших от голода родных, потом начали убивать еще живых. На рудниках катаржники умирали сотнями, на них никто не обращал внимания. Перед наступлением холодов в Райдоре появились замки-призраки и деревни-призраки, только выползшая из укрытий нечисть завывала ночами на заброшенных жальниках...

Что же делал в это время молодой герцог Ландерик? История об этом умалчивает, воспоминаний не сохранилось, а хронист предпочел не описывать подробности. Тем не менее, Райдор всегда считался богатейшей провинцией королевства — серебряные рудники и добыча алмазов в Граскаале приносили колоссальный доход. Потратив меньше сотой доли своего огромного состояния Ландерик мог обеспечить подданных хлебом до следующей весны, но...

Что именно произошло в замке короны не знает никто. Предположительно, это случилось в середине зимы, но опять же, точных сведений нет, только смутные рассказы предков Варта Райдорского, втайне передаваемые от отца к сыну.

— Ты знаешь, что старый замок стоял совсем в другом месте? — спросил герцог Гвайнарда.

— Слышал, — кивнул предводитель охотников. — На противоположном берегу реки, за стенами города. Холм, на котором еще видны развалины, люди называют «Черным». Я никогда не задумывался, почему...

— Следующим, 1122 годом, весна выдалась теплой и ласковой — вдоволь дождей, вдоволь солнца, снег растаял сразу после праздника Самхайнн. Мой прапрадед барон Одрих, дядя Ландерика, в те времена владевший леном в полуночной Немедии, просыпал о жутком голоде во

владениях племянника и как только дороги высохли, отправил в Райдор большой караван с сильной охраной. Выяснилось, что город вымер больше чем на три четверти, выжившие находились на грани помешательства, а некоторые на всегда потеряли рассудок. Улицы были завалены трупами, у многих тел... гм... как бы это сказать?..

— Я понял, — деревянно сказал Гвайнард. — От них... откусили?

— Да. В городе осталось всего двести тридцать человек. В основном мужчины, несколько женщин. Детей... детей убивали, чтобы не кормить. Люди пережили ужасную зиму. Однако, в замке было еще хуже.

— Что может быть хуже? — проворчал Гвай, более обращаясь к самому себе.

— Всех обитателей замка короны убили. Убили давно, несколько лун назад. И убили самым зверским образом.

— Бунт в городе?

— Исключено, резиденция герцога была неприступна. Да и никакой человек не сделает ничего подобного, будь он в здравом рассудке или даже безумен. Некоторые оказались прибиты к стенам железными костылями, другие висели на потолочных балках, третьих просто разорвали в клочки...

— В клочки?

— Именно. В мелкие и крупные. У командовавшего отрядом наследника старого Одриха, барона Эхара, создалось впечатление, будто в замке устроила пиршество стая взбесившихся демонов. Погибло не меньше сорока человек. Однако Ландерик, если можно так сказать, умер своей смертью. От голода и жажды.

— Выходит, он и устроил резню в замке?

— Ничего подобного! Ландерик заперся в одном из помещений донжона, исчертив все стены и дверь магическими символами, оберегающими от нечисти. Страх перед неким монстром, поселившимся в замке, не смогла перебороть даже жажда, перед смертью Ландерик расцарапал ногтями горло, но из комнаты не вышел. Что могло его так напугать — неизвестно.

— Ну и история, — сокрушенno развел руками Гвайнард. — Почему не обратились за помощью к Ночной Страже?

— Зачем? — вздернул брови светлейший. — Нечто убило всех приближенных Ландерика и погубило его самого, а потом бесследно сгинуло. Кроме того у Эхара было множество иных забот: надо было восстанавливать Райдор практически из руин, помогать оставшимся в живых... После того, как замок был осмотрен, Эхар распорядился сжечь его. Дотла. За два года была построена новая крепость, та самая в которой мы сейчас находимся.

— Отлично понимаю твоего прадеда, — кивнул Гвайнард. — Никакой разумный человек не согласился бы жить в проклятом месте. Кроме трупов в замке не нашли ничего подозрительного?

— Отчего же, нашли... В главной зале на полу кровью были выведены старинные руны. Пять числовых значений — четыре семерки и значок, означающий «черную дюжину». Рядом надпись, тоже рунами: «голод вернется». Это было истолковано как пророчество о том, что новое бедствие следует ждать через сорок одну зиму.

— В 1164 году не было голода, — заметил охотник. — В летописи это не отмечено.

— Ошибаешься, — тихо сказал герцог. — Голод был. Если быть совсем точным, вернулся его призрак. Воплощенный ужас прошлого, проклятие Ландерика.

— Можно подробнее? — немедленно заинтересовался Гвай. — Очень похожие слова я встретил в летописи, там тоже говорится о «поселившемся в Райдоре страхе» и приводится непонятное слово: «молберан». Это имя, название, какое-то понятие?

— Слово кхарийское. Идет от древнего «молф» — голод, и «беранус» — демон. У кхарийцев был очень странный язык, под «демоном» они могли подразумевать не только клыкасто-когтистое страшилище, но и невоплощенного духа, обуяв-

шую человека страсть и еще очень многое... Кстати, ни в едином современном трактате по демонологии это слово не встречается.

— Я знаю, — согласился Гвайнард, перечитавший столько подобных трактатов, что иной волшебник мог бы позавидовать. — Тогда откуда взялось данное слово в хронике? Прости, светлейший, но летописцы в нашем захолустье лишней образованностью не блещут, я что-то не встречал в Райдоре ни единого человека знающего наречие кхарийцев.

— Не торопись, дослушай. Я только что говорил о рунической надписи в старом замке, так вот, вместо понятного «голод» там было использовано слово «молберан» — Эохар отнюдь не был дураком, он незамедлительно отправил депешу одному из магов конклава Золотого Логоса и попросил объяснить непонятное выражение. Волшебник оказался дотошным, перерыв множество рукописей сохранившихся со времен Пифона, и нашел...

Герцог запнулся.

— Что нашел? — требовательно спросил Ночной Страж.

— Это очень смутная кхарийская легенда. Замечу: очень недобрая легенда. Когда случается неурожай и дело доходит до людоедства, беременная смертью земля порождает некое чудовище, «дух голода». Как оно выглядит, откуда бе-

рется и куда исчезает — неизвестно. Загвоздка в другом: если верить кхарийским свиткам, монстр появляется, я подчеркиваю, исключительно в голодные годы. А к нам в Райдор он приходит через каждую сорок одну зиму. Очень ненадолго, на несколько дней. Однако, этих дней хватает для того, чтобы демон вдоволь порезвился.

— Выходит, дух голода бывал здесь трижды, — Гвай задумчиво потер подбородок. — Очередного появления следует ждать в этом году... Но в летописи не указывается, что именно он вытворяет. Тебе об этом известно, светлейший?

— Мог бы и сам догадаться, — проворчал Райдор. — Он убивает. И пожирает мертвых.

— В предыдущие годы жертв было много?

— Никто не считал. Каждый раз — несколько десятков. Однажды целиком вырезал два больших селения к полуночи от баронства Анвольд. В городе никогда не появляется, бесчинствует в округе. Все убийства очень жестокие — кровь рекой, тела разорваны...

— Выходит, самого монстра никогда не видели?

— Из оставшихся в живых — никто не видел.

— Не было нам забот, — сокрушенно буркнул Гвайнард. — По всем признакам этот молберан, или как там его, натуральнейшая нечистая сила, о которой гильдия Ночной Стражи вообще ничего не знает. Следовательно, как с этим страшили-

щем бороться, тоже непонятно. Сложная задача, ваша светлость.

— Я и не предлагаю тебе убить монстра. Понимаю, что это или очень сложно, или попросту невозможно. Но если...

— Если мы это сделаем, расценки обычные, — хмыкнул командир Ночных Стражей. — Думаю, я узнал достаточно. Последний вопрос: почему в Райдоре не сохранилось даже легенд о Ландерике и о том, что произошло в старом замке?

— Прадед взял со своих воинов клятву — никому и никогда не рассказывать о том, что они видели, а все прочее пожрал огонь. Это, пожалуй, самая мрачная тайна нашей семьи.

— Ты понимаешь, что мне придется все объяснить моим друзьям?

— Разумеется, — наклонил голову светлейший. — Но если вы действительно притащите мне голову молберана — озолочу. И буду всем говорить, что райдорский отряд Ночной Стражи — лучший в королевствах Заката!

— А разве в этом когда-либо были сомнения?

* * *

— Дела-а... — недоверчиво протянул киммериец, выслушав подробный рассказ Гвайнарда. — Только кхарийских демонов для полного счастья нам и не хватало! Давненько у меня не было та-

кой веселой жизни! Целое лето бегаю, высунув язык, за гнусными зубастыми тварями, которые даже Сету в кошмарном сне не привидятся, ежедневно рискую быть сожранным или покалеченным, а тут еще и кхарийцы!

— Не уверена, что эта тварь является порождением магии Пифона, — пожала плечами Астгерд. — В этом мире встречаются чудовища, существующие сами по себе. Возможно, молберан был всегда, с самого сотворения мира. Вспомни, что сказал герцог: дух голода порождает сама земля...

— Какая разница, — поморщился Конан. — В любом случае этот монстр не имеет никакого отношения к дракончику, которого мы видели утром. Что делает молберан? Верно: убивает и жрет, а кроме того светлейший утверждает, что в город эта скотина не суется.

— Пока никаких сообщений о жестоких убийствах из соседних деревень не было, — заметила Астгерд. — Может, в этом году призрак голода не появится?

— Да услышит Огнеликий твои слова, — встярал Эйнар. — Я просмотрел все записи наших предшественников и никаких упоминаний о молберане не нашел. Что, вообще-то неудивительно: первые Ночные Стражи поселились в Райдоре тридцать семь зим назад, раньше бритунийский отряд квартировал в Пайрогии. Остается только

поспрашивать о нем у местных старейшин или знахарей, в деревнях знания о прошлом свято оберегаются...

— Отлично, — кивнул Гвайнард. — Можешь заняться этим вместе с Асгерд. Берите лошадок и отправляйтесь в баронство Анвольд. Недалеко, да и пиво там варят замечательное. Поговорите с кем нужно, переноочуете, а завтра с утра — сюда. Может, мы с Конаном раскопаем что-нибудь интересное.

— Где раскопаете? — усмехнулся броллайхэн.

— Хотя бы на развалинах старого замка, — пожал плечами командир отряда. — Конан, как насчет прогуляться?

— Можно, — кивнул варвар. — Пойду Гнедого седлать...

* * *

Столичный город, который было бы вполне справедливо назвать чересчур разросшейся деревней, стоял возле излучины широкой реки с незамысловатым названием Быстротечная. Достаточно выехать из Купеческих ворот, миновать четверть лиги по Пайрогийскому тракту, переехать через деревянный мост и повернуть налево, как всадник увидит поросший сосновами и пышными елями пологий холм, на вершине которого можно рассмотреть каменные руины.

Несмотря на близость к ведущему на Закат оживленному торговому пути и самому Райдору, местность вокруг Черного холма казалась невероятной глухоманью — ни тебе утоптанных тропинок или сооруженных охотниками на лесную птицу помостов, никаких следов человека. Создавалось впечатление, что подданные светлейшего накрепко забыли путь к бывшей резиденции герцогов, хотя слухов о том, что место здесь нехорошее по городу не ходило — охотники знали бы, поскольку именно в «некоих местах» чаще всего встречались чудища, истребление которых являлось прямой обязанностью Ночной Стражи.

— Прошло сто шестьдесят четыре зимы, — говорил киммериец, лениво подталкивая Гнедого пятками в бока. — Целая вечность, по большому счету. Три человеческих жизни. Неужто ты надеешься отыскать там хоть что-нибудь интересное?

— Интересно посмотреть, — ответил Гвайнард. — Похоже, только первый этаж замка и донжон были сложены из камня, надстройка и хозяйствственные строения были деревянными. Поэтому и горело хорошо. Гляди, остатки рва...

Лошади остановились у поросшей высокой травой и крапивой канавы, на дне которой поблескивала покрытая маслянистой пленкой застывшая дождевая вода. Видимо, в старые времена ров полностью окружал холм, а вода поступала из Быстротечной.

— Для такого захолустья как Райдор, крепость была неплохой, — со знанием дела сказал киммериец. — Не самая неприступная, конечно, но взбунтовавшиеся поселяне с вилами или гиперборейцы ее бы ни за что не взяли. А холм только кажется пологим, на самом деле с вершины вся округа будет как на ладони.

Всадники спрыгнули с седел, Гвай привязал поводья своей кобылки к стволу сосны, а Гнедой отправился гулять — сартак терпеть не мог, когда ограничивают его свободу. Киммериец, однако, знал, что Гнедой вернется по первому зову. Охотники перебрались через ров и зашагали наверх, к темной груде валунов.

Конан оказался прав. Далеко внизу, за вершинами деревьев и синей лентой реки коричневели деревянные постройки Райдора, вокруг расстипалось безбрежное море лесов, а на Полуночи и Восходе сияли снежные шапки Граскаальского хребта и Кезанкии, отделявшей Британию от Турана.

— Ф-фу, — Гвай вытер лоб рукавом. Солнце палило нещадно. — Смотрится мрачновато, пускай день в самом разгаре. Неплохо жил Ландерик, новый замок покажется тесноватым.

Конан, прищурившись, оценил размеры бывшей крепости — пятьдесят шагов в длину, почти семьдесят в ширину. Ничего себе, заметны даже остатки могучих потолочных балок, валяющихся среди каменного крошева! Строились на века.

Относительно неплохо сохранилась полуденная стена в два человеческих роста высотой, от донжона наоборот, остался только фундамент из впечатительных гранитных блоков.

— Ничего такого особого не чувствую, — сказал Гвайнард. — Амулеты молчат, запахи самые обычные...

— Зверья не видно, — поразмыслив, ответил киммериец. — Птицы молчат, ящериц на камнях нет. Да и трава здесь какая-то хилая, пожухлая. За полтора с лишним столетия должны были уже деревья вырасти, но ни одного ростка я не замечаю.

— Это еще ни о чем не говорит, — покачал головой Гвай. — Давай оглядимся. Под ноги внимательнее смотри.

— Думаешь, сокровищницу не тронули? — полушутя-полусерьезно спросил варвар. — Там должно быть немало серебра и камешков, нашим внукам хватит...

— Сначала детей заведи, а уж потом о внуках думай.

Охотники осматривали развалины не меньше трех квадрансов, однако не отыскали ничего интересного.

Конан обнаружил почерневшую от времени серебряную монетку немедийской чеканки, Гвай наткнулся на битые черепки и сильно траченое временем лезвие ножа.

— Тебе не кажется, что стало прохладнее? — внезапно спросил киммериец, пиная носком сапога обветренный валун. — Нет, действительно, вот здесь чувствуется холод!

Гвайнард подошел, наморщил лоб, и быстро кивнул:

— Точно. Судя по кладке, здесь был главный зал... Опять же, никакой черной магии или нечисти!

— Слишком полагаешься на амулеты, — огрызнулся Конан, отлично знавший, что холод является одним из признаков злого волшебства, равно как резкий запах грозы или постоянный ледяной ветер. — Доверься инстинкту...

— Это у вас, варваров, инстинкты, а у людей цивилизованных — разум и логика, — не остался в долгу Гвай. — Однако, ты прав, что-то здесь неправильно. А что именно, непонятно!

Земля под ногами слегка покачнулась и тут инстинкт сработал у обоих охотников — Конан и Гвай мгновенно ринулись в сторону, за периметр стен. Киммериец машинально потянулся к рукояти клинка.

— Митра Всеблагой, — предводитель ватаги Ночных Стражей отвесил челюсть. — Это что за образина?

Откуда оно взялось было совершенно непонятно. Только что не было — и вдруг появилось. Конан от неожиданности споткнулся и едва не

упал, после чего громко произнес несколько хороших киммерийских словечек, перевести которые на местное наречие было абсолютно невозможно. Гвай, впрочем, основной смысл понял.

Варвару вдруг почудился запах речных водорослей — наверное принесло ветром от реки...

В десяти шагах от охотников стоял... стояло Нечто. Его сходство с человеком состояло только в наличии рук-ног, головы и туловища, и невероятных отрепьях игравших роль одежды.

Рожа преомерзительная, синюшного цвета с тонкими черными и багровыми прожилками, глазищи будто бельмами покрыты, но круглый черный зрачок все-таки имеется. В оскаленной пасти частокол длинных и очень острых зубов, кривых будто иранистанские сабли. На руках и ногах по три толстых пальца, заканчивающихся изрядными когтями. Между пальцев — перепонки. Башка лысая, уши широкие и плотно прижатые к круглому черепу.

С плеч свисает одеяние смахивающее на изодранную синюю хламиду, пояс украшен шнурками, непонятными талисманами и отполированными косточками, заметен маленький белый череп — уж не детский ли? Словом, красавчик, каких поискать. Даже приятели охотников, рудненские упыри — уж на что непривлекательные! — показались бы рядом с этим уродом прекрасными принцами из детских сказок.

Самое смешное было в том, что охотничий амулеты Ночных Стражей никак не отреагировали на появление страшилища, хотя и Конану, и Гваю было совершенно ясно: перед ними самая образцовая, подлинная и неподдельная нечистая сила. Причем запросто появившаяся при свете дня и ничуть не обращающая внимания на солнечный свет, для любой уважающей себя нечисти губительный.

Амулет Стражи не может ошибиться, это невозможно! Не-воз-мож-но!

— Кыш отсюда! — рявкнул Конан. Надо ведь было хоть что-то сказать? Клинок варвара покинул ножны будто совсем без участия человека. — Гвай?

— Что?

— Мне эта штуковина не нравится!

— Сочувствую... Мне тоже!

Во времена буйной и неразумной молодости Конан атаковал бы первым, однако возраст, опыт и старые шрамы ясно говорили: когда встречаешься в чем-то непонятным и наверняка опасным, лучше не геройствовать попусту, а посмотреть, как ведет себя предполагаемый противник.

Противник не двигался, просто стоял и смотрел на людей — к удивлению варвара не враждебно, а, скорее, заинтересованно. Иногда отвергал зубастую пасть и издавал странные звуки напоминающие курлыканье голубя в смеси с шипением раздраженного кота.

Все кончилось так же внезапно, как и началось — стоило киммерийцу отвести взгляд на Гвайнарда (все-таки он здесь командует и ему решать, что делать дальше!) и снова посмотреть на нежданного гостя, как...

— Исчез, — выдохнул Конан. — Куда он делся?

— А я знаю? — зло сплюнул Гвай. — Чума на мою седую голову! Может, это призрак был?

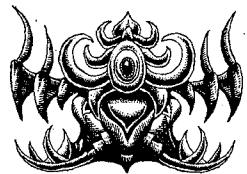
— Непохоже, — киммериец шагнул вперед и указал на царапины, пробороздившие гранит. — Следы когтей, причем очень крепких и острых. Оно было вполне материально, как сказал бы мой знакомый волшебник Пелиас.

— Вопрос в одном: что «оно» такое?.. Признаться, ничего похожего раньше не видел. А ты?

— Я похож на человека способного видеть подобные гнусности?

— Вот балбес... Ладно, поехали домой. Мне все больше и больше не нравится эта история!

Глава третья

В которой дракончик убивает овец, а Рэльгонн повествует о истории падения Кхарии и своей встрече с демоном Бездны

Возле дома охотников ждали. У ворот переминались с ноги на ногу четверо кметов самого хмурого облика и стояла укрытая грубой холстиной повозка. Конан невольно выругался — неужто началось?

— Долгих лет, месьоры, — самый большой и бородатый вышел вперед и церемонно поклонился. — За защитой пришли...

— От кого? — сдвинул брови Гвайнард. Он тоже предполагал худшее, очень уж скверно выглядел монстр, которого они с Конаном видели в старой крепости. Не иначе, дух голода снова начал охоту.

— Не погнушайтесь глянуть, — кмет отбросил холстину и эпическим жестом указал на нечто бесформенное и залитое кровью. — Истинное разорение, месьоры. Третья овца за день.

Охотники переглянулись. Труп (вернее, набор обглоданных костей и разорванная шкура) действительно принадлежал овце. Напади на бедное животное стая волков, останки и то выглядели бы попристойнее.

— Ее что, через мельничные жернова пропустили? — поинтересовался Конан.

— Не-е, — помотал головой бородач. — Наш мельник не дозволил бы. Овечку невиданная чуда насмерть съела. Дракон, не иначе.

Пришлось пригласить визитеров в дом, госпожа Тюра поставила на стол в «Арсенале» жбан с пивом и уплыла на двор, оставив Ночных Стражей самостоятельно разбираться с несчастьем, постигшим косноязычных кметов.

Выяснилось следующее: «чуда» объявила на выпасе у близлежащей деревни Витта на самом рассвете и коварно напала на овечий гурт. Насмерть перепуганный пастух ринулся в деревню за подмогой, но когда вооруженные дрекольем, вилами и топорами мирные поселяне примчались к месту событий, хищник уже улетел.

Второе нападение случилось после полудня, а третье — когда солнце начало клониться к закату. Последнюю овцу летучий зверь, считай, почти не тронул.

Во всяком случае, не доел. Труп первой жертвы кметы не поленились притащить в город — предъявить охотникам.

Внятного описания монстра, злодейски истребившего невинных овечек, от бестолковых деревенщин добиться не удалось. Во-первых, он «летал». Во-вторых, «зубищи огромные» (это охотники и сами поняли, внимательно осмотрев то, что осталось от овцы). В-третьих, «шипит, ровно змий», а «глаза горят пламенем». Гвай повздыхал, сказал, что они с Конаном завтра поутру обязательно приедут и разберутся, что за «дракон» осчастливили своим визитом обитателей Витты.

Кметы возмутились — сегодня надо! Разорение! Овца — она денег стоит. А уж мы примем честь по чести, накормим-напоим. Только избавьте от лютого зверя!

Гвайнард вопрошающе посмотрел на киммерийца, но Конан только поморщился. Кодексом Ночной Стражи предписывается незамедлительно оказывать помощь всем нуждающимся только в случае, если чудовище нападает на людей. Овцы могут подождать. Это и было объяснено варваром на понятном для кметов языке — громко, угрожающе и с битьем кулаком по столу.

Деревенские мигом уяснили смысл речей Конана и предпочли не спорить со здоровенным охотником — завтра, так завтра. Овечек пока в клеву держать будем. С тем и откланялись.

— Утренний дракончик, надо полагать? — полуутвердительно-полувопросительно сказал Конан, когда бородатые просители были ненавязчи-

во выставлены за дверь. — По-моему, с этим делом мы справимся моментально. Обычный хищник, врожденной магией или не владеет, или она слабенькая.

— Вероятно, какое-нибудь животное, сохранившееся с древних времен, — поддержал варвара Гвайнард. — Леса на Полуночи вырубаются, зверя спугнули, он наткнулся на людей и легкую добычу в виде овец... Обычное дело, я с такими случаями сталкивался. Никакой это не дракон, ясное дело. Завтра проверим, хищники обычно не уходят со своих охотничьих угодий, особенно когда можно поживиться не прилагая больших усилий. Ты лучше подумай о той страхолюдине, которую мы видели на руинах...

Вплоть до захода солнца Конан и Гвай занимались тем, что учеными мужами тарантийской Обители Мудрости снисходительно именуется «неприкладным умствованием». Строили самые невероятные предположения, перемывали косточки как непутевому герцогу Ландерику, так и всевозможным монстрам, когда либо встречавшимся на пути киммерийца или Гвая. Договорились до того, что если таинственный «молберан» все-таки объявится, придется снова обращаться к старому знакомцу Конана — Тот-ан-Хотепу из Назирии.

Киммериец терпеть не мог стигийцев, хотя вовсе не был одинок в своих чувствах — к мрач-

ным колдунам из далекой полуденной страны во всей Хайбории относились с подозрением, а то и открытоя неприязнью. Однако, несколько зим назад, в свою бытность капитаном «Тигрицы», варвар предпринял очередную невероятную авантюру — решил поискать пиратского счастья на побережье Стигии, там, куда не отваживались соваться самые отчаянные корсары с Барахских островов. Белит, отважная подруга киммерийца, поддержала Конана — сокровищницы древних пирамид и храмов славились своим богатством, а корсары с «Тигрицы» отчаянно нуждались в золоте.

Полностью рассказывать эту историю бесмысленно, стоит лишь упомянуть о малоизвестных подробностях. Конан предпочитал не распространяться о том, что случайно познакомился с путешествовавшим инкогнито магом Черного Круга по имени Тот-ан-Хотеп, с которым и заключил очень выгодное соглашение: колдун показывает киммерийцу и его друзьям где находится таинственная Янтарная гробница, едва ли не доверху набитая золотом и цветными камешками, а Конан помогает Тот-ан-Хотепу избавиться от призраков, оберегавших названную гробницу от посягательств чужаков. Одно условие: колдун заберет хранящуюся в склепе старинную рукопись, а все остальное по праву перейдет во владение пиратов. По рукам?

Уже в те времена Конан догадывался, что иные рукописи могут стоить куда дороже целой золотой горы, но связываться с магией решительно не желал — кому потом продаешь свитки? Тот-Амону? Поэтому варвар и Белит выбрали вполне материальное и такое понятное золото, призраки Янтарной гробницы (пусть и с огромным трудом) были уничтожены, а колдун безоговорочно выполнил условия сделки — «Тигрица» ушла из Стигии с трюмами, заполненными сокровищами.

Конан расстался с Тот-ан-Хотепом может быть и не испытывая к магу дружеских чувств, но счел его «человеком честным». Встретиться со стигийцем удалось лишь по прошествии многих зим — то есть этим летом, когда охотники взялись за поиски исчезнувшего отряда Ночных Стражей из Немедии. Колдун вспомнил варвара и снова не отказал в помощи — видимо, слухи о том, что колдунам чувство благодарности неизвестно, отчасти преувеличены.

...Стемнело, а значит пришло время ночных существ, не выносящих лучей солнца. Далеко не все подобные твари опасны для человека — прямым тому доказательством являлся Рэльгонн, эрл Рудны, заброшенного замка стоящего в нескольких лигах от Райдора.

Старый вампир объявился как только померкли последние сполохи заката. Как и обычно он

возник из пустоты прямиком в «гостевом» кресле, отбросил со лба капюшон и явил миру лысую голову, острый нос, замечательные золотые глаза и зубастую улыбку, при виде которой любая впечатлительная девица немедленно упала бы в обморок.

По человеческим меркам Рэльгонн бы очень некрасив, даже уродлив, но всем известно, что внешность еще ничего не значит — по опыту долгих путешествий Конан отлично помнил писанных красавчиков являвшихшихся кровожадными злодеями, и отвратительных горбунов раздавших все свои деньги вдовам и сиротам. Ну а поскольку киммериец давно привык к умному и благовоспитанному упырю, варвар немедленно взял кубок и плеснул в него вина: пиво Рэльгонн недолюбливал.

— Доброго вечера, — поприветствовал охотников упырь. — Куда подевались Асгерд с Эйнаром?

— Уехали в Анвольд, — пояснил Гвай. — Надо кое-что выяснить.

— Зачем было тратить время? — искренне удивился Рэльгонн. — Думаю, вы отлично знаете, что я и мои сородичи способны раздобыть для Ночной Стражи любые сведения не прилагая к тому лишних усилий. Что-нибудь случилось?

— Пока нет, но... Рэль, ты живешь в нашем мире не одно столетие, да и память у тебя ис-

ключительная. Нам действительно требуется помощь.

— Я так и знал, — покивал вампир. — Дело серьезное?

— Да тут не одно дело, а целых два, — отозвался Конан. — Дракон и... И некая кхарийская мерзость, о которой известно только то, что она существует.

— Забавно, — усмехнулся упырь. — Дракон? Кхарийцы? Откуда они могут взяться в наши просвещенные времена?! Рассказывайте!

* * *

— Так-так, — Рэльгонн побарабанил тонкими пальцами с длинными ухоженными ногтями по деревянной столешнице. — Великий голод 1121 года по аквидонскому счету. Отлично помню это неприятное событие. Будто вчера случилось.

Конан промолчал, отлично зная, что упыри-кхатаканы твари если не бессмертные, то весьма долгоживущие. Рэльгонн мог говорить о том, что происходило тысячу зим назад без особых затруднений, времени для вампира будто не существовало.

— Знаете, месьоры, у меня тогда создалось впечатление, что голод был вовсе не случай, — начал Рэльгонн, попутно отхлебывая из серебряного кубка. Упырь вольно развалился в кресле, а

это значило, что повествование будет долгим и обстоятельным. — Я видел Ландерика несколько раз и он произвел самое неблагоприятное впечатление.

— Видел? — не понял киммериец. — Сам?

— Ну конечно. Каттаканы способны принимать обличье человека, если это потребуется. Мне приходилось бывать в старом замке, когда стало ясно, что Райдор катится в пропасть. Врожденное умственное расстройство, дурное воспитание, абсолютная вседозволенность... Это, знаете ли, не шутки.

— Не понимаю, как засуха и неурожай могут быть связаны с полоумным мальчишкой? — спросил Гвайнард.

— В этом мире, друг мой, все взаимосвязано. Человеческие прегрешения и гнев богов, по крайней мере, точно — надеюсь, никто из вас не отрицает того, что боги Хайбории способны оказывать существенное влияние на жизнь людей?

— Зачем наказывать всех, если набезобразничал один? — пожал плечами варвар. — И вообще, Рэль, забудь ненужную философию и говори по делу.

— Я и говорю по делу, — обиделся упырь. — Хотите живописных подробностей? Пожалуйста. Герцог в сегодняшней беседе с Гваем либо существенно преуменьшил сомнительные заслуги своего бешеного родственника, либо ничего о них не

знает. Я неплохо изучил людей и знаю, что в семейных преданиях вы предпочитаете хранить память о героических и добродетельных предках, одновременно напрочь забывая о мерзвацах, пятнающих честь рода. Думаю, вам будет интересно узнать, что Ландерик содержал обширный гарем в котором похищенные девицы удерживались насилием. Не только девицы, кстати... Вдоволь нахевившись с очередной жертвой этот милый юноша обычно отправлял ее на заклание — Варт упоминал, что Ландерик интересовался магией? Причем именно черной магией, некромантией, в которой без человеческих жертв не обойтись.

— Некроманты обычно приносят в жертву девственниц, — тоном знатока заявил Конан.

— Вовсе не обязательно, — отмахнулся Рэльгонн. — Это распространенное заблуждение. Еще в подвале замка имелся весьма глубокий колодец, в который сбрасывали останки убитых. Воображаю, как там воняло... Но самое интересное вы еще не слышали. Знаете, что такое ритуальное поедание плоти?

— Иштар Добросердечная... — киммериец сложил пальцы в охранный символ, отгоняющий силы зла. — Я знаю. Видел в Стигии, когда мы путешествовали с Белит. Это один из самых зловещих и отвратительных ритуалов, им брезгуют даже маги Черного Круга получившие высшее посвящение! Такие забавы в ходу только у изго-

ев, магов-одиночек не входящих в конclave и полностью отдавших свою душу Черной Бездне!

— Ты правильно сказал, именно Черной Бездне, — согласно кивнул упырь. — Тьма, которой поклоняется Черный Круг Стигии и из которой черпает магическую силу, не является абсолютным злом, равно как и Свет Митры — абсолютным добром. Средоточие истинного, первородного Зла — это Бездна. Да, она дает могущество, однако несет скорую гибель. Совсем как в истории с Ландериком.

— Ритуальное людоедство, — нахмурившись, повторил Гвайнард. — Ничего себе шуточки... Получается, что Ландерик сумел открыть проход между миром людей и обителью изначального Зла? В старых рукописях говорится, будто Кхарийскую империю погубило влечение магией Бездны!

— Правильно, — сказал Рэльгонн. — Объяснить подробнее?

— Давай, — согласился Конан. — По крайней мере это поможет нам понять, что случилось в Райдоре сто шестьдесят зим назад.

— Сто шестьдесят четыре, — дотошно уточнил упырь. — Я был свидетелем событий, разворачивавшихся на Закатном материке во времена гибели Ахерона и могу описать их подробно.

— Ночь впереди длинная, — пожал плечами Гвайнард. — А нам с Конаном на самом деле интересно.

* * *

...Это можетозвучать странно, но великое государство Кхарии, именуемое так же Ахероном, и просуществовавшее более двух тысяч зим не оставило после себя почти никаких следов. Это вовсе не означает, что кхарийцы не являлись талантливым и многоученым народом — сохранившиеся единичные рукописи, трактаты, развалины зданий, непреложно свидетельствуют: Империя действительно достигла больших высот во многих областях человеческих знаний, а особенно в магии.

Именно магия и стала главной причиной падения Кхарии.

В последние десятилетия Ахерона жизнь в государстве проистекала довольно вяло и благополучно. Ради блага сравнительно небольшого народа трудились сотни покоренных племен, армия отвыкла от больших войн и растеряла славу самого непобедимого и дисциплинированного войска обитаемого мира, владыки Кхарии увлеклись колдовством, в котором видели основу своей власти и безопасности. Империя постепенно подтачивалась изнутри и было достаточно одного сильного удара, чтобы этот колосс рухнул, и более не поднялся.

Ударов было нанесено сразу несколько, причем каждый из них являлся смертельным. Во-пер-

вых, многочисленные племена хайборийцев, явившиеся с Полуночи и Восхода начали войну за побережные провинции Кхарии, а когда вожди варваров уяснили, что слухи о несокрушимой мощи имперской армии несколько преувеличены, началось вторжение несметных дикарских орд на земли Ахерона.

Во-вторых, после нескольких крупных поражений, когда ситуация стала угрожающей, правители Империи приняли решение не стесняться в средствах и использовать в войне могучее колдовство Черной Бездны. Последствия этого шага стали роковыми, и вот почему. Последние императоры сделали ставку не на отпор хайборийцам всеми доступными военными силами, а на свои знания в магии.

Результатом изощреннейших магических опытов стало появление на землях Закатного материка невероятного количества монстров, созданных кхарийцами — как ни странно, эти твари не только представляли собой значительную опасность, но и подчинялись своим хозяевам-людям. Однако, лихие опыты подданных Ахерона закончились плачевно — природа не вынесла столь невероятного надругательства над собой, мир переполнился магией и она неожиданно вышла из-под контроля кхарийцев.

Всем известно, чем является так называемая «Буря Перемен» — буйство сорвавшегося с цепи

колдовства, когда заклинания не направляются волей мага, а действуют сами по себе, переплетаясь в самых невероятных сочетаниях. Подобные магические штормы способны натворить немало бед, однако они всегда кратковременны — обычая Буря Перемен продолжается не более суток, вдобавок это явление считается крайне редким и встретиться с ним можно исключительно в странах, где волшебство доселе является главным занятием большей части подданных — в Гиперборее и Стигии.

Катастрофа, произошедшая в Кхарии, являлась своеобразной Бурей Перемен, только продолжалась она несколько зим и захватила огромные территории. Взбесившееся бесконтрольное колдовство уничтожало целые города, порождало к жизни совсем уж невиданных чудовищ, открывались врата в мир Черной Бездны, откуда вылезали такие мерзопакостные демоны, что и подумать страшно. Заигравшиеся с магией кхарийцы сами погубили свое государство и свой народ, ужасный колдовской шторм бушевавший над материиком не щадил никого и ничего, хотя, надо признать, на некоторое время остановил хайборийское нашествие.

Происходили невероятные искажения пространства, тварной материи и времени, волны магии, подобно морскому прибою, уничтожающие песчаные домики на пляже, стирали с лица

земли селения и храмы, люди сходили с ума или просто-напросто исчезали из Средней Сфера, перемещенные магией в такие места, о которых лучше не говорить перед наступлением ночи. Бесчинствовали вышедшие из подчинения кхарийцев монстры, которые, вдобавок еще и скрещивались меж собой, давая потомство, являвшее собой абсолютно непредсказуемых и невиданных зверюг...

Буря, исчерпав себя, закончилась спустя десять-пятнадцать зим, и к этому времени благородство отступившие на Полночь хайборийцы могли взять остатки Кхарии голыми руками, поскольку от Империи осталось несколько жалких обломков, крошечных государств, отчасти сумевших защититься от магического шторма. Дальнейшее представить несложно: разрозненные княжества были уничтожены, на троны вновь образовавшихся государств взошли самые выдающиеся вожди хайборийских племен, святой Эпимитриус вместе с первыми королями, Алькоем и Олайетом, начали создавать на груде развалин, оставшейся от Кхарии, Аквилонию и Немедию, а у наших предков появилось новое увлекательное и опасное занятие — устраниТЬ последствия колдовской бури. Именно тогда и появилась гильдия Ночной Стражи, которая взялась за уничтожение бродивших по землям континента монстров, уцелевших после падения Ахерона.

Кхария не оставила после себя практически ничего — цивилизация была уничтожена. Хайборийцам пришлось не восстанавливать ушедший в небытие мир, а буквально строить его заново. Все знания хайборийцев, алфавит, все достижения мысли и разума, все что сделано руками людей — все это принадлежит только хайборийцам. Да, такие города как Тарантия или Бельверус построены на древних кхарийских фундаментах, да люди помнят о том, что тысячу триста зим назад одна цивилизация сменила другую, но все прочее наследие Кхарии сгинуло. Кроме, увы, сохранившихся в отдаленных чащобах монстров и древней магии Ахерона, которая изредка дает о себе знать. Как например, в случае с Ландериком Райдорским.

...Материк бился в судорогах, порожденных чудовищным магическим штормом, бушевавшим на протяжении полутора десятков зим, давали о себе знать последние отголоски колдовской бури, сметавшей на своем пути целые области государства, а зловредные хайборийцы продолжали наступать на владения императора Ахтонотепа получившего прозвище «Последний», безжалостно уничтожая последние остатки Империи.

Надо заметить, что благодаря умелым магам столица Кхарии Пифон выстояла во времена долгой Бури Перемен и разрушению не подверглась — колдуны смогли защитить город-дво-

рец от магии, однако были бессильны остановить приближающиеся орды варваров, как ни старались...

Настал страшный день: к стенам Пифона, защищал каковой сравнительно немногочисленный отряд гвардии императора, подошло неисчислимое войско Алькоя. Справедливости ради стоит заметить, что совсем уж «неисчислимым» оно не являлось: хайборийцев было около двенадцати тысяч, что примерно соответствует трем нынешним аквилонским легионам.

Пифон, однако, был неплохо укреплен и мог выдержать сравнительно долгую осаду, но что значат полторы тысячи гвардейцев против восьмикратно превосходящего по силам противника? Не успеешь отбить один штурм, как сразу начинается другой. Придворные маги Ахтонотепа тоже участвовали в отражении атак Алькоя, использовали самое изощренное боевое волшебство, но хайборийцев все равно было слишком много, да и подкрепления к ним подходили с пугающей регулярностью.

Приблизительно на шестой-седьмой день активной осады, стало ясно — Пифон не устоит, а это значит, что Кхария окончательно прекратит свое существование. Сдаваться или договариваться с врагом смысла не имело, поскольку хайборийцы пленных не щадили, да и хотелось им поглядеть, что за секреты таятся в огромных сокро-

вищницах императорского дворца — эти варвары совсем как дети, все забывают при одной мысли о красивых и блестящих побрякушках...

Начался решительный штурм. Ахтонотеп и его приближенные уяснили — это конец. И тогда было принято решение использовать самые крайние меры, сиречь открыть прямой проход между миром людей, и Черной Бездной, обителью Первозданного, Зла. Каков смысл? Да очень просто! Оттуда немедленно полезут орды демонов, которым все равно кого убивать — кхарийцев или хайборийцев. Маг, имя которого история не сохранила, пообещал Ахтонотепу, что сможет укрыть императорский дворец магической завесой, которая защитит его от иномировых чудовищ, а когда все закончится, портал в Бездну будет захлопнут.

Как всегда получается в подобных случаях, этот красивый и почти беспрогрызный план пошел кувырком с самого начала. Двор императора и остатки гвардии укрылись во дворце (большая часть Пифона к этому времени уже была захвачена варварами), колдун забрался в свою башню и начал священнодействовать, если, конечно, данное слово применимо к проводимому им черному обряду.

Проход в Бездну открылся, да только не совсем туда, куда требовалось — известно, что Нижняя Сфера неоднородна, там существует не-

сколько разных областей, в которых живут совершенно различные разновидности демонов. Причем, эти существа, подобно людям, враждуют между собой и борются за влияние в Бездне ничуть не хуже, чем мелкие дворянчики, ведущие свои «частные» войны за владение каким-нибудь лесом или плодородным полем, которое непременно следует оттяпать у соседа.

Маг рассчитывал связать порталом столицу и ту область Нижнего Мира, что именуется «Огненной бездной», населенной тварями под названием «баатэзу» — единственными демонами, с которыми человек был способен договориться и которые могли подчиняться приказам знающего волшебника. Но произошла ошибка — или заклинание было записано неверно, или просто маг слишком торопился...

Произошла катастрофа. Огненное кольцо портала, возникшее в самом центре Пифона, выплеснуло из себя жутчайших тварей, ранее в обитаемом людьми мире невиданных, причем преобладали среди них таннари, демоны хаоса. Это были абсолютно безжалостные и жуткие чудища, ненавидевшие все и вся, включая своих собратьев по Бездне, на которых таннари сразу же и набросились. Кроме того, таннари было решительно плевать на всякие там магические защиты, созданные жалкими людышками, будь они волшебниками хоть в тысячном колене.

Летопись умалчивает, что именно творилось в Пифоне в тот знаменательный день, но известно, что чудом выживший в этой безумной заварухе Алькой увел из-под стен полностью разрушенного Пифона всего лишь четыреста человек. Этот несомненный факт дает представление о происходившем в столице империи кошмаре.

Не сумевшие вернуться в свой мир чудища разбрелись кто куда и по мере сил продолжали пакостить людям, дымящиеся руины Пифона стали проклятым и запретным местом, о котором вскоре забыли, а последний император Ахтонет погиб вместе со всеми остальными.

На этом история Кхарийской империи прервалась навсегда.

* * *

— Потрясающе, — покачал головой Гвайнард, когда упырь закончил свою повесть. — Таким образом, можно сделать вывод, что Ландерик сумел повторить то, что удалось кхарийцам — открыть врата в Бездну? Откуда и выполз наш молберан?

— Врата — это слишком громко сказано, — усмехнулся Рэльгонн. — Силенок не хватило. Можно использовать слово «прореха», червоточина, тончайшее отверстие. Все-таки, когда создавался наш Универсум, границы между Верхней, Средней и Нижней Сферами были установ-

лены надежные. Однако, хватило и прорехи — изначальное зло проникло во Вселенную людей. Зло настолько всепоглощающее и разрушительное, что последствия оказались самыми катастрофическими. Голод охватил почти все земли Полуночи, пострадал не только Райдор, но и вся Бритуния, Пограничье, полуденные области Немедии.

— Сил вырвавшегося из Бездны демона на большее не хватило, — заключил киммериец. — Он потерял связь со своей Сферой из которой черпал мощь, а значит... Я догадался!

— О чем? — вздернул брови Гвай.

— Сорок одна зима! Четырежды семь и тринацать! Демон потратил все свои силы и вынужден накапливать их на протяжении этого срока только для того, чтобы выжить во враждебной ему Средней Сфере! Понимаете?

— Кажется... — пробормотал Гвайнард. — Кажется, понимаю! Мир человека для чудовищ Бездны изначально враждебен, не имея постоянной подпитки из Вселенной Зла они гибнут! Гибнут, если не убивают, питаясь силой человеческих душ! Это во всех книгах написано!

— Я всегда знал, что вы, молодые люди, сообразительны и талантливы, — удовлетворенно кивнул Рэльгонн. — Конан, я тебя поздравляю — ты снова доказал, что разум варвара иногда способен превзойти мыслительные способности са-

мых многоученых старцев. Демон не может вернуться домой, так?

— Так! — хором ответили охотники.

— Он на некоторое время впадает в спячку, а когда поддерживающая его существование сила начинает иссякать, просыпается, и начинает охоту. Подкрепившись, снова отправляется в свое логово на сорок одну зиму. Вот и разгадка!

— Но почему монстр не напал на нас в старом замке? — спросил Конан.

— Он еще слишком слаб, а вы могли оказать серьезное сопротивление, — разумно ответил Рэльгонн. — Между прочим, я не уверен, что вы видели именно молберана...

— А кого же еще? — изумился киммериец.

— Не знаю, месьоры. Не знаю. Впрочем, мой рассказ о трагедии, постигшей Кхарию, прервал более наущенную беседу.

— Ландерик и его загадочная гибель, — согласился Гвайнард. — Причины, вызвавшие бедствие, нам понятны. Но что же происходило в Райдоре осенью и в начале зимы?

— Ровным счетом ничего хорошего, — вампир издал звук, похожий на грустный вздох. — Не уверен, что вас порадуют описания того, как ветер гнал по лесам огонь лесных пожаров и его волны пожирали отдаленные селения. Или как люди охотились на себе подобных, будто на диких зверей — только для того, чтобы добыть еду.

Это было время всеобщего безумия, крови, страха и смерти. Могу сказать уверенно — ничего похожего не происходило со временем Кхарийской войны. Засухи и неурожаи случались, но такого страшного голода Полночь раньше не видела.

— Надеюсь, и впредь не увидит, — буркнул Конан. — Рэль, ты ведь невероятно любопытен, владеешь магическими способностями, любишь приключения, а кроме того тебя невозможно убить...

— Почти невозможно, — вежливо улыбнувшись, поправил вампир.

— В любом случае, с любым недоброжелателем-человеком ты справишься. Даже с десятком и сотней, верно?

— Я этого никогда не отрицаю.

— Чудовища и демоны тебе тоже не страшны...

— Смотри какие, — фыркнул Рэльгонн. — Кажется, я знаю, о чем ты хочешь спросить. Встречался ли я с молбераном? Безусловно, я хотел его отыскать, особенно когда почувствовал возмущения в пронизывающем мир поле колдовской силы и понял, что Ландерик ухитрился проникнуть в запретную область Трех Сфер... Разочарую: эта тварь оказалась неуловима. Почти неуловима. Но я видел духа голода. Пускай и очень недолго.

— Молберан похож на то существо, которое мы встретили днем?

— Если верить вашему описанию — нет. Это было что-то другое, поверьте на слово.

Конан не нашелся, что ответить. Сразу три монстра — это чересчур! Молберан, охотящийся на овец дракончик и тварь с синей рожей обитающая на руинах старого замка...

— Нужны подробности, — сказал Гвайнард. — Опиши его. Как выглядел, как себя вел, что делал?..

* * *

Каттаканы из Рудны, навсегда застрявшие в Хайбории и не имеющие возможности вернуться в свой мир, невероятно скучали. Еще бы — когда срок твоей жизни исчисляется тысячелетиями, заскучать немудрено. Единственным развлечением было общение с людьми, но далеко не всякий человек способен принять в своем доме желто-глазое и зубастое существо, вдобавок являющееся самым настоящим вампиром — люди почему-то недолюбливают других разумных тварей, а то и открыто с ними враждуют. Однако, упыри умели маскироваться и менять обличье так, что от человека и не отключишь, особенно ночью — днем каттаканы отсыпались в глубоких подземельях своего замка.

Конан знал, что Рэльгонн и его немногочисленные сородичи отказались от употребления че-

ловеческой крови, и никогда не испытывали неприязни к людям — в конце концов, упыри заслужили доверие со стороны гильдии Ночной Стражи, а это о многом говорит. Охотники не считают каттаканов «чудовищами» — да, они другие, для поддержания жизни и продолжения рода им требуется живая кровь, но если упыри не трогают людей, значит и относиться к ним следует как к дварфам, альбам или иным существам, обладающим разумом и речью.

Каттаканы редко вмешивались в дела людей, предпочитая лишь наблюдать и иногда втихую помогать своим бестолковым соседям разрешить возникающие трудности. Благодарности упыри не ждали — Рэльгонну однажды не повезло: будучи в обличье «летучей мыши» он попался в лапы кметов, которые с воплями «Вампир! Бей!» отрубили ему все конечности и голову, грудь проткнули колом, а останки сбросили в яму, которую засыпали жгучей известью. Восстанавливаясь после этого печального случая каттакану пришлось больше года. Ныне Рэльгонн рассказывал о произошедшем с юмором, но всегда добавлял: «Боюсь, вы не можете в деталях представить, что я тогда чувствовал...»

Впрочем, иногда упыри действовали открыто и весьма активно. Примером тому может быть история с графом Риком из поместья Антор, случившаяся четыреста с лишним зим назад. Жут-

кий был человек — тиринал своих кметов, грабил проезжающих на дорогах, набрав шайку головорезов даже осмелился осаждать замок герцога, тот самый, старый... А когда он во всеуслышанье пообещался истребить рудненских вампиров, слухи о которых ходили по всему Райдору, каттаканы решили показательно истребить его самого.

Рэльгонн с сородичами избавили Райдор от дикаря и варвара с графской цепью на шее и подтвердили свою репутацию кошмарных упырей, способных на самые черные злодейства — вампиры зажрали графа Рика прямиком на пиру, в его замке. Как существа не чуждые страсти к прекрасному, каттаканы обставили покушение на графа со всей надлежащей помпой — красивые магические эффекты, фонтан крови из шеи его графской милости, хохот и завывания... Это было великолепное действие. А поскольку общее представление о вампирах у людей тогда давно сложилось и все полагали, что укушенный упырем человек сам превращается в ночного монстра, с графом поступили примерно так же, как некогда с самим Рэльгонном — приближенные забили в грудь Рика деревянный кол, тело сожгли, пепел смешали с глиной, дождались пока она застынет и выбросили в озеро.

Жуткая слава требовалась каттаканам только ради собственной безопасности — Рэльгонн не желал, чтобы любопытствующие наносили визи-

ты в его замок или устраивали «охоту на вампиров». Пускай боятся. Ясное дело, что люди на крепко уяснили нехитрую истину: с упырями лучше не связываться и воспринимали семейство Рэльгонна как неизбежное и привычное зло, хотя каттаканы вовсе не являлись «злом» в привычном понимании данного слова.

...Не взирая на близость Гипербореи, где колдунов было едва ли не больше, чем в Стигии, герцогство Райдорское никогда не могло похвастаться наличием сколь-нибудь серьезных магов — великие конclave не интересовались Британией, считая это королевство чересчур отдаленным. В деревнях можно было встретить ведунов и знахарей, обладавших некоторыми магическими способностями, но и только — ни один стоящий волшебник в провинцию не поедет, развернуться негде. Вполне естественно, что каттаканы почувствовали, как в Хайборию выплеснулся поток колдовской силы Черной Бездны и немедленно заинтересовались, кто и каким образом сумел нарушить равновесие между Сферами.

Рэльгонн моментально понял, что положение складывается серьезное. Настолько серьезное, что даже нашествие на Райдор колдунов Стигийского Круга в полном составе показалось бы не страшнее весенней грозы: всем известно, что Тьма Сета не несет в себе разрушения. Стигиянам и их покровителю Сету нужен порядок —

порядок в их понимании конечно, — но вовсе не хаос. Сила Черной Бездны, наоборот, порождает только истребление и смерть, что было наглядно доказано кхарийцами, погубившими самих себя, свою империю и едва не приведших мир к гибели.

Каттаканы поняли, что надо действовать — черное колдовство Бездны угрожало не только людям. Однако, было поздно: проникший в Хайборию демон разрушения не имел устоявшегося облика, это был просто сгусток силы; силы ненавидящий жизнь и стремящийся к ее уничтожению.

Магия пропитала землю, деревья, не проросшие зерна, начала оказывать воздействие на людей... Колдовских способностей каттаканов не хватило для того, чтобы изгнать монстра обратно в Нижнюю Сферу, да они и не сумели бы это сделать.

Как поступить? Оставаться безучастными наблюдателями, надеясь, что равновесие восстановится само собой? Что человеческая Вселенная растворит в себе чужеродную силу — Хайбория выдержала несравненно более тяжкий удар во времена падения Ахерона! Или все-таки начать охоту на незваного гостя?

К чести упырей можно сказать, что они решили попытаться. Оставалось лишь выяснить, как можно уничтожить демона Бездны.

Рэльгонн, для которого не существовало расстояний, отправился в Стигию — покопаться в обширнейшей библиотеке Птейона без ведома ее хозяев и найти хоть какие-нибудь сведения о рождении Первородного Мрака.

— Ты сумасшедший, — убежденно сказал Конан, перебив упыря. — Книгохранилище Птейона, ничего себе! Ты знаешь, как его охраняют?

— Знаю, конечно, — хихикнул упырь. — Магия, демоны-охранники, ловушки... И потом: кто здесь сумасшедший? Судя по твоему восклицанию, один мой знакомый варвар из Киммерии тоже хотел приобщиться к этому кладезю мудрости?

— Было дело, — подтвердил Конан. — Семь зим назад. Едва ноги унес, честно говоря. Меня... гм... попросили забрать из библиотеки один старинный свиток, назначили хорошую награду и...

— Потом расскажешь, — оборвал варвара Гвай. — Рэль, что было дальше?

— К сожалению, ничего, — развел руками каттакан. — Бороться с невоплощенным демоном практически невозможно, нельзя же поймать луч света, к примеру! Благодаря прочтенным кхарийским рукописям я понял, что чудовище постепенно начнет терять силу и принимать телесный облик — в противном случае оно погибнет, попросту «растает», растворится в окружающем Среднюю Сферу магическом поле... Воплощаться

демон мог довольно долго, от полугода до нескольких зим, все зависело от того, как быстро он растрачивал свою мощь.

— Выходит, он буйствовал вплоть до наступления зимы? — уточнил Гвайнард. — А после воплощения уничтожил Ландерика, окончательно исчерпал силу и заснул?

— В целом, ты прав. Но вначале он отравил первородным злом земли от Кезанкии до Немедийских гор — вот в чем истинная причина засухи, неурожая, пожаров, обвалов на рудниках и людского безумия. Понятно, что хуже всего пришлось райдорцам, прочие области королевства и соседних стран задело лишь отчасти.

— И когда же ты понял, что демон начал воплощаться?

— Тело для него являлось своего рода сосудом, в котором можно удерживать оставшуюся силу, — начал объяснять Рэльгонн. — Но где его взять, вот вопрос? Правильно, надо убивать и... скажем так, использовать тела жертв. Мы очень внимательно следили за всем, что происходит в округе пятидесяти лиг от Райдорского замка — люди умирали десятками и сотнями, особенно когда ударили неожиданно ранние и жестокие холода.

— Тоже работа демона? — спросил варвар.

— Разумеется. В первую осеннюю луну уже выпал снег. Но потом внезапно потеплело, а в ба-

ронстве Равен самым жесточайшим образом было убито несколько человек из числа выживших. Понимаете, что это означало и каков был наш дальнейший план?

— Достаточно уничтожить тело воплощения, и у демона не хватит сил воплотиться вновь. Значит, он довольно быстро погибнет... — поразмыслив, сказал Гвайнард. — Боги всеблагие, как же вы умудрились его упустить?!

— Не надо думать, что каттаканы всесильны, — мрачно ответил Рэльгонн. — Мы владеем недоступными человеку способностями, мы сильны, живучи, особой глупостью не отличаемся и можем перемещаться через Ничто, однако противостоять демонам можем далеко не всегда. У нас есть важное отличие — мы живые существа. Живые, ясно? А молберан — не-живой. Это даже не грубая подделка под жизнь, наподобие иранистанских гулей, а полное отсутствие жизни. Разум у него есть, это бесспорно, но понятия «разум» и «жизнь» далеко не всегда совместимы!

— Не кипятись, — махнул рукой Конан. — Упустили, так упустили, что поделаешь...

— Думаете, мы не пытались просить помощи у вашей гильдии? — грустно улыбнулся Рэльгонн. — У магов? Пытались, конечно. Нам не поверили ни Хранители Ночной Стражи, ни глава конclave Золотого Лотоса, ни Тот-Амон, хотя маги Черного Круга очень ревниво относятся к сво-

им соперникам и опасаются демонов Бездны — помнят, что они сотворили с Кхарией...

— Тот-Амон? — изумился киммериец. — Сто шестьдесят четыре зимы назад?

— Твой старый приятель тоже из числа «долгоживущих», — сказал упырь. — Он продлевает недолгий человеческий век с помощью волшебства. Тот-Амон — великий колдун, ты это знаешь не хуже меня.

— Надо же, — хмыкнул варвар, — а я всегда думал, что стигийцу зим пятьдесят... Неплохо сохранился. Почему не поверили-то?

— Возобладало ошибочное мнение о том, что вызвать демона Черной Бездны способен только маг высшего посвящения, а таких во всей Хайбории можно по пальцам одной руки пересчитать. Ни один из этих магов никогда не пойдет на подобный риск, уроки Ахерона не забыты. Волшебники нынешних времен слишком твердо верят в устоявшиеся догмы, не понимая, что из любого правила всегда есть исключения.

Изначальное зло не только разрушительно, оно хитро и изворотливо. Человек, обратившийся ко злу, отдавший ему самое себя и обладающий определенными познаниями в области магии сам того не желая может открыть проход в Нижнюю Сферу...

Что и получилось у Ландерика. Я не уверен, что он искренне хотел этого — в молодом герцо-

ге должна была остаться хоть толика благоразумия! — однако, последствия налицо.

— Могу сказать, что мы с размаху влипли в очень скверную историю, — заключил киммериец. — Чудовища из плоти и крови — это я могу понять. Демоны Сета тоже не особо страшны, с обыкновенной нечистью мы расправляемся без лишних усилий. Но монстр, вылезший пряником из Черной Бездны? Нет ребята, по-моему мы взялись за непосильное дело!

— Разве? — преспокойно сказал Гвайнард. — Вполне достаточно развоплотить демона до времени, пока он снова не наберет силу для следующей спячки. На сложные вопросы всегда можно найти простой ответ.

— Сначала поймайте, а уж потом развоплещайте, — сварливо ответил упырь. — Я не исключаю того, что молберан способен или «прыгать» через Ничто, или использует какую-то другую хитрость. В тот вечер, когда он расправился с Ландериком, его ближними и дружиной, мы устроили на демона «правильную охоту» — удрать из старого замка он бы не сумел. Я подозревал, что молберан обязательно придет к Ландерику, в подвале крепости устроил засаду мой дядя Ритагонн — как только он почувствует чужую магию, все каттаканы Рудны должны немедленно лететь в Райдор. Что мы собирались делать дальше, вы отлично понимаете.

Конан невольно поежился — он однажды видел, как слаженно и быстро нападают каттаканы. Атаку целой семьи упырей отразить невозможно: изменив форму тела на «летучую мышь» рудненские вампиры способны ударить по противнику в полете, поразить его магическими молниями или огненными шарами, каттаканы мгновенно перемещаются через Ничто, оказываясь за спиной врага, рвут его когтями и зубами... Словом, темный ужас. По мнению Конана, Рэльгонн вместе со своими родственниками стоили двух тяжелых легионов Аквилонской гвардии, а варвар не любил преувеличивать.

— ...Мы нагрянули в старый замок в самый разгар резни, — глядя на пламя очага сказал Рэльгонн. Огонь отражался в его круглых золотых глазах, придавая им тревожный багровый оттенок. — Вынырнули из Ничто в главной зале, не рассуждая и не считаясь с возможными жертвами среди оставшихся людей, атаковали... И — ничего.

— То есть как? — изумился киммериец.

— А вот так. Молберан промелькнул передо мной за какое-то мгновение, потом оглушил моего сына, Харагонна, его пришлось немедленно переправить через Ничто в Рудну и сразу вернуться... Монстр действовал с невероятной даже для нас быстротой, умудряясь одновременно убивать людей и уходить из-под наших ударов. Его ничто

не брало — магия, оружие которое делают в мире каттаканов... До рассвета он убил всех слуг Ландерика, а самого герцога загнал в комнатку на вершине донжона. Нам пришлось вернуться домой.

— Неужели вы не сделали второй попытки?

— И вторую, и третью, и пятидесятую... Молберан постоянно находился в замке, заставляя Ландерика умирать от голода и жажды, но мы не сумели не только поймать его, а даже как следует рассмотреть. Хотите знать как он выглядит? А никак. Никакой устоявшейся формы, никаких отличий. Бесформенный бурдюк, мешок... Не могу объяснить!

— Ну и ну, — вздохнул Конан. — Значит, убить его мы не сумеем?

— Не знаю! Просто не знаю.

— Разберемся, — уверенно сказал Гвайнард. — Если демон воплощен, значит его тело можно уничтожить. Придумаем что-нибудь!

Варвар предпочел промолчать.

Глава четвертая

В которой появляется Голодный Посланник, а охотники встречают неожиданного союзника

ак и ожидалось, Астгерд с Эйнаром вернулись сразу после рассвета, затемно выехав из баронства Анвольд, расположенного в трех лигах к Полуночному Восходу от Райдора. Киммериец и Гвай давно проснулись — хочешь не хочешь, а придется отправляться в деревню Витта и попытаться выяснить, что за зверь покушается на тамошних овечек. Если «дракон» действительно опасен, Ночные Стражи постараются отвадить его от человеческого жилья или попросту убьют — охотники единодушно полагали, что запросто управятся с маленьким летучим чудом, а уж потом возьмутся за более сложные проблемы.

— Слегка перекусим и отправимся вместе, — заявила Астгерд. — Заодно расскажем друг другу,

что удалось выяснить за вчерашний день. Надеюсь, вы без дела не сидели?

— Новости такие, что голова кругом идет, — буркнул Гвайнард. — Конан выразился предельно просто и ясно: мы влипли.

— Я тоже так думаю, — согласилась Асгерда, принимаясь за холодное мясо с овощами. — Эйнар?

— Чего?

— Излагай. Ты у нас самый языкастый.

— Объехали пять деревень и хуторов, заглянули в баронский замок, — начал броллайхэн, попутно наливая себе горячего травяного отвара с медом. — Даже навестили знахаря-отшельника, живущего в лесной пещере. Вы его должны помнить, это старый Гупта из Лотара, в позапрошлом году он помогал нам с поимкой болотного ящера...

— Угу, — сквозь набитый рот подтвердил Гвай. — Живописный тип, таких как он осталось мало. Настоящий деревенский колдун. Ему, наверное, зим сто, отлично владеет магией природы, хотя, конечно, Гупту не сравнить с настоящими магами великих конclaveов. Что он сказал?

— Как всегда, много громких и страшных пророчеств, — Эйнар покачал головой. — Сами знаете, что все знахари выглядят даже дурковатее нашего Аделарда. Люди не от мира сего. Если отбросить словесную шелуху, то получается, что

Гупта знает о некоем монстре, просыпающемся через каждый сорок один год и называет его «Голодным Посланником». Он приходит обычно в конце лета, и тогда «земля, небо, огонь и вода пропитываются злом».

— Один в один — слова Рэльгонна, — заметил Конан. — Этот знахарь в точности повторил то, о чем говорил упырь, следовательно никакой ошибки быть не может! Дальше?

— Несомненно, Гупта до смерти боится чудовища, считает его непобедимым и неуязвимым. Знахарь, понятное дело, ни разу не видел самого Голодного Посланника, зато сорок зим назад побывал на Медвежьем хуторе рядом с Анвольдом, где монстр удачно поохотился. Уж на что Гупта крепкий старик, а когда мы начали расспрашивать — стал бледным как смерть, слезы из глаз потекли... Больше ничего путного мы от него не добились. Старейшины в Анвольде оказались более словоохотливы, но тоже боялись до дрожи в коленях: они убеждены, что чудище не только убивает и пожирает своих жертв, но и «забирает души». Память о Посланнике не исчезла, однако люди осторегаются упоминать о нем вслух. Наши слова о том, что Ночная Стража может защитить от монстра, никто всерьез не принимал. Мол, охотники способны избавить от «обыкновенных» чудищ, а этот — «другой». Какой именно «другой», я так и не понял.

— Зато мы поняли, — мрачно сказал Гвайнард. — Сначала герцог, а потом Рэльгонн нам таких ужасов на рассказывали, что волосы шевелятся. Боюсь, не пришлось бы просить подмоги у Хранителей гильдии или магов, вчетвером мы не справимся.

— Почему вчетвером? А Рэльгонн с семейством? — удивился Эйнар. — Кроме того, я хоть и не волшебник, но кое-что умею...

— Рядом с магией демона Черной Бездны твои умения выглядят жалко, — отмахнулся командир охотников. — Рэльгонн вряд ли сможет помочь.

— Черная Бездна? — ошеломленно вытаращился Эйнар. — Демон? У нас, здесь? В Райдоре? Да вы спятили!

Гвай поднялся с лавки.

— Покушали? Отлично, тогда поехали в Витту. Обо всем услышите по дороге.

* * *

После рассказа Гвайнарда заметно погрустнел даже вечно жизнерадостный Эйнар. Асгерд предпочитала отмалчиваться и только брови хмурила — ей, как опытной охотнице, было понятно, что герцог может предложить за голову молбера на хоть все золото мира, но положение от этого не изменится: успешно бороться с монстрами

Бездны Ночные Стражи не могут. Здесь требуется маг высшего посвящения наподобие Пелиаса, или, страшно сказать, самого Тот-Амона. На помочь последнего можно не рассчитывать — глава Черного Круга не сизойдет до просьб гильдии, даже если его попросят Хранители. Слишком горд, слишком высокомерен и чересчур заносчив. А если Тот-Амон услышит среди имен охотников имя Конана — и подавно быть беде, слишком уж насолил неугомонный киммериец верховному колдуну Стигии!

Минувшей ночью Гвай договорился с Рэльгонном о том, что упырь слетает в Коф и попытается договориться с Пелиасом если не о помощи, то хотя бы о добром совете. Пелиас стар и тяжел на подъем, в Райдор он не поедет, однако порекомендовать Ночной Страже, как именно следует вести себя в данной ситуации вполне способен.

Скептически настроенный Конан предположил, что Пелиас ограничится наиболее простым и понятным советом: не встревать, дождаться пока молберан вновь не заснет и тем самым обеспечить себе спокойствие на следующие сорок с лишним зим, когда на смену придут другие охотники.

Гвай только поморщился — он свято почитал уложения Кодекса Стражи, где ясно сказано: следует бороться с враждебными человеку существами.

вами и магией всеми доступными способами. Конан справедливо заметил, что самым «доступным» способом борьбы с Голодным Посланником будет или героическое самоубийство, или куда менее героическая, но зато более надежная игра в прятки. Тварь не смогли убить даже каттаканы, что говорить о людях?

— Между прочим, Рэльгонн неоднократно говорил, что мы, люди, себя недооцениваем, — возразил Гвайнард, — я и ему верю. Знаешь, почему?

— Почему?

— Ты не забыл, что наш отряд — пускай очень маленький! — за все минувшие годы не потерпел ни единого поражения! Мы успешно распугивали самые сложные дела, все чудовища вставшие на нашем пути погибали, никакая магия была нам не страшна!

— Поверь моему опыту, самоуверенность никогда не доводила до добра, — покачал головой Конан. — Смотри, вот и деревня...

Всадники выехали с лесной дороги на обширный луг, рассекаемый надвое узкой мелководной речкой. У самой опушки соснового леса поднимался бревенчатый тын, окружавший дома кметов — в Радоре традиционно обносили частоколом даже крошечные хутора, опасаясь гиперборейских набегов.

Витта оказалась небольшим селением, на двадцать пять дворов. Кметы промышляли охотой,

углежогством, и разведением овец — доход это приносило небольшой, но для безбедной и сытой жизни его вполне хватало. Здесь жили выходцы из Асгарда, чьи дальние предки бежали на Полночь от жадных и несправедливых ярлов: в Райдоре и Пограничье землю можно было получить бесплатно, достаточно принести присягу верности герцогу и не забывать о налогах в казну, взимаемых с каждой семьи. Кстати, идея о свободной раздаче земель всем желающим появилась у працрата его светлости именно после голода 1121 года — тогда в Райдор и потянулись многочисленные переселенцы.

Конан заметил в центре селения деревянного истукана, смахивающего на Доннара-Громовержца. Значит, бывшие асиры хранят дедовскую веру, не желая приобщаться к митрианству распространенному в Бритунии. Ничего страшного, Доннар — могучий и добрый бог.

Охотников встретили двое степенных бородатых старейшин, препроводили в общинный дом и не желали говорить о делах, пока Ночные Стражи не отведают черного эля и кабаньего окорока с приправами. Ничего не поделаешь — по древнему как мир обычай гостей сначала надо приветить и угостить. Гвай втихомолку сердился и жалел о потерянном времени, но выступить открыто против излишне патриархальных нравов не решился: кметы насмерть обидятся!

Старейшины повторили то, о чем рассказывали вчерашние посланцы — крылатый зверь, зубы длиной в человечью руку, овечек жалко. Не извольте гневаться, месьоры охотники. Уплатить сможем овсом, сеном и бараньим жиром (тут помрачнела Асгерд. Именно ей приходилось договариваться с райдорскими купцами, которым приходилось сбывать «вознаграждение» полученное от кметов, редко расплачивавшихся серебром).

Оказалось, что сегодня «летуна» уже видели — кружил над селением, явно рассчитывая на легкую поживу. Утром овец на поле не отправили, а потому оголодавшая зверюга попыталась напасть на принадлежащего здешнему кузнецу мерина, пасшемуся рядом с частоколом. Мерин, не будь дураком, удрал — ринулся к открытым воротам, раздавив копытами двух куриц пронесся через всю деревню и укрылся в родном хлеву.

— Поедем, посмотрим, — вздохнул Гвайнард, но его прервал киммериец:

— Слышали, монстр напал на лошадь!

— На мерина, — фыркнула Асгерд. — Ты о чем?

— Есть предложение: давайте отправим Гнедого погулять по лугу. В качестве приманки.

— Хорошая мысль! — воодушевился Эйнар. — Твое ездовое чудовище не даст себя в обиду. А мы тем временем спрячемся в лесу и понаблюдаем, что произойдет!

Варвар, отлично знавший на какие подвиги способен разгневанный сартак, ничуть не рисковал остаться без скакуна — Гнедой, вооруженный острыми клыками и чутьем настоящего хищника способен убить любое крупное животное, включая медведя. Кроме того, сартак обладает кое-какими магическими способностями и затачками настоящего разума, что также дает серьезные преимущества...

Старейшинам настрого приказали разогнать обитателей Витты по домам — пусть сидят и не высовываются, опасно. Затем Конан расседлал сартака, снял с него узду, громко хлопнул ладонью по крупу Гнедого и приказав ему «смотреть в оба» указал на распахнутые ворота деревни. Сартак приобрел задумчиво-отрешенный облик (ох, хитрец!), вышел на поле и с самым невинным видом принял щипать травку — Гнедой был всеяден, хотя и предпочитал мясо. Засевшие в кустарнике охотники видели, как он лукаво косил в их сторону темно-лиловым глазом.

Спустя два квадранса Ночные Стражи начали скучать — или приманка не действовала, или неизвестная крылатая тварь улетела искать добычу в другие места. Гвайнард с неудовольствием сбросил тетиву с крюка арбалета и ослабил пружину ворота.

— Ничего не выйдет, — сказал предводитель охотников. — Предположительно, «дракончик»

является существом магическим, а значит способен чувствовать магию сартака...

— Интересно, а кто совсем недавно говорил о том, что мы себя недооцениваем? — усмехнулся Конан. — Терпение, дружище! Я однажды просидел день и две ночи в нише под потолком дворца королевского протектора Шадизара, лишь бы добраться до шкатулки со знаменитым алмазом «Луч Митры»!

— Зачем тебе понадобился алмаз?

— Просто люблю красивые вещи. И потом, алмаз можно распилить на несколько частей, продать их, а деньги раздать вдовам и сиротам. Что вы на меня вытаращились?.. — Конан посмотрел в чистое небо и внезапно осекся: — Тихо! Посмотрите-ка! Это, случайно не то, что мы ищем?

Над залитым солнцем зеленым лугом описывало широкие круги существо, похожее на очень крупную птицу или дракона-недомерка — издали не разобрать. Впрочем, охотникам было совершенно ясно: тварь нацеливается на мирно пасущегося сартака и желает плотно отобедать.

* * *

Как и предполагалось изначально, взять Гнедого голыми руками не получилось — сартак учゅял опасность, однако до поры до времени ста-

рался выглядеть безмятежно. Картина самая идилическая: лужок, цветочки, пчелки-бабочки, красивый упитанный жеребец срывает мягкими губами длинные стебли травы...

У Конана сердце сжалось, когда летучее диво сложило крылья и начало камнем падать к земле, надеясь одним ударом оглушить добычу. Гнедой, однако, не сплоховал — он попросту отскочил в сторону за одно мгновение до того, как лапы удивительного зверя вцепились бы ему в холку. Прием донельзя простой и одновременно весьма действенный.

Посыпался глухой удар о землю, сартак победоносно взвизгнул и саданул копытом поверженного противника. Голова человека разлетелась бы как гнилая тыква. Затем Гнедой взглянул на летуна заинтересованно — можно ли это есть?

— Н-да, — кашлянула Асгерд. — Похоже, овес, сено и бараний жир причитающиеся в качестве награды, придется отдать Гнедому. Он выполнил за нас всю работу. Никогда не думала, что охота на дракона, пускай и маленького, окажется настолько короткой и простой.

— Пошли взглянем, что за редкость попалась в наши сети на этот раз, — Гвайнард выбрался из кустов и отряхнул от налипших хвойных иголок и земли полосатые нордхеймские штаны. — Все-таки держите оружие наготове, вдруг зверь еще жив?

Точно, жив. Крылья чуть вздрагивают, грудь поднимается и опускается — дышит.

— И как прикажете такое понимать? — с самым обалдевшим видом спросил Конан, внимательно рассмотрев добычу. — Что это?..

— Понятия не имею, — не менее изумлено ответил Эйнар.

— Можете мне голову рубить, но я полагаю, что мы имеем дело с очередным неудачным опытом месьора Аделарда, — Гвайнард только руками развел. — Других объяснений не имеется. Нарочно такое... такого... такую уродину не создаешь. Наверное, придворный маг опять перепутал магические предметы из своей коллекции. Давайте договоримся: Охранителю короны ни слова, он же старика со свету сживет!

Похититель овец выглядел отнюдь не жутко, а скорее забавно. Эдакая неопрятная помесь курицы, ящерицы и летучей мыши. Крылья кожистые, но с еле заметными чешуйками, туловище покрыто одновременно темным волосом и маленькими перышками, лапы птичьи, с впечатляющими когтями.

— Правы были герцогские гвардейцы, у него две головы, — сказал Эйнар, с трудом сдерживая смех. — Ну надо же! Аделард превзошел сам себя!

Головы были одинаковые, вытянутые, будто у ящерицы, но заканчивались они заостренными клювами в которых росли зубы — не «с челове-

чью руку», конечно, всего лишь с палец длиной. К этому присовокуплялись широкие тонкие уши нетопыря и нарости под ноздрями. Глаза оглушенной твари были закрыты полупрозрачной пленкой.

— Но при чем здесь Аделард? — не понял киммериец. — Вдруг это на самом деле какая-то древняя зверюга? Помните, что Рэльгонн говорил о кхарийцах, создававших самых немыслимых чудищ?

Гвайнард ухмыльнулся и взъерошил левой ладонью шерсть и перышки на груди странного существа, указав на четко пропущенный знак, составленный их переплетения нескольких рун.

— Жизнь, огонь, совокупление, — Конан, не плохо знакомый с руническими символами сразу опознал некоторые значки. — Вот старый мерзавец! Зачем ему это понадобилось?!

— Замыслы мудрых непостижимы для скучного умишка простецов, — очень похоже передразнил Аделарда Эйнар и охотники дружно расхохотались. — Насколько я знаю, алхимик давно интересовался магией природы, хотел создать что-то вроде нового домашнего кота. Известные волшебники частенько забавляются такими опытами. Во-первых, можно хвастаться перед другими людьми удивительным зверем, который одновременно способен исполнять роль телохраните-

ля. Во-вторых, привлекает сложность задачи — объединить в едином теле разных животных. И в-последних, некоторые существа созданные магией предназначаются для того, чтобы исполнять прихоти хозяина: таскают драгоценности из чужих сокровищниц или приносят ему юных девственниц для телесных услад... Предварительно заворожив, разумеется.

— Воображаю Аделарда, обнаружившего однажды ночью в своей постели завороженную овечку или барана, — задумчиво сказал Конан, вызвав очередной приступ бурного веселья у охотников. — Управиться со своим творением маг не сумел и предпочел сделать вид, будто ничего не знает... Все понятно.

— И что нам теперь делать с этим красавчиком? — озадачилась Асгерд. — Отпускать нельзя, а убивать жалко.

— Есть идея, — отозвался Гвайнард. — Давайте отвезем чуду в зверинец герцога, получим причитающуюся награду, а месьору Атрогу скажем, что избавили Райдор от очередной напасти. Алхимик промолчит и впредь будет осторожнее. Если начнет возмущаться, я сумею заткнуть рот Аделарду угрозой рассказать Охранителю короны все подробности этой истории. Как?

— Согласны, — ответил за всех Конан. — Только его связать надо. Может, зверь для человека и не опасен, но ударить клювом или подрать ког-

тями он вполне способен. Хороший подарочек мы привезем его светлости...

— Эйнар, зайдись, — кивнул Гвай и вдруг поднял руку, останавливая готового возмутиться броллайхэн, которому всегда доставалась самая тяжелая и грязная работа. — Слышите? Митра Лучезарный... Что стряслось?

Амулеты охотников внезапно заледенели и начали мелко вздрогивать.

* * *

Конан замер. Он отлично знал, что это за крик: человек вопит подобным образом один-единственный раз в жизни, когда таковая жизнь заканчивается, причем заканчивается жестоко. Вскоре к первому истошному воплю присоединились еще несколько панических голосов — создавалось впечатление, будто людей живьем кромсают на куски. Крики доносились со стороны деревни.

— Надеюсь, это не то, о чем я подумал, — скороговоркой произнес Гвайнард. — Быстрее!

— Гнедой, сторожи! — рявкнул киммериец, имея в виду «дракончика» и ринулся вслед за предводителем ватаги.

Расстояние до ворот преодолели единым духом. Ночные Стражи не рассуждали, мыслей о грозящей смертельной опасности ни у кого не

возникло, только боевой азарт. Эйнар моментально определил в каком из домов происходит неладное и увлек за собой охотников.

Конан пинком вышиб дверь как раз в тот момент, когда надрывные, с привизгом, вопли стихли, превратившись в булькающий стон. Варвар успел заметить краем глаза, что Эйнар сбросил телесную оболочку — броллайхэн, Духи Природы, способны развоплощаться по своему желанию, а потом вновь принимать материальный облик. Отлично, значит Эйнар превратился в разумный сгусток магии Равновесия, способный серьезно помочь людям!

— Ушел, скотина, — зло сплюнул Гвай. — Опоздали!

Открывшееся охотникам зрелище более всего напоминало скотобойню в разгар сезона заготовки солонины. Пол, лавки и столы залиты кровью, капает даже с потолка, видны части человеческих тел и обглоданные кости. Асгерд поморщилась и отвернулась.

— Он невероятно быстр, — выдавил Конан. — Не прошло и четверти квадранса, а... Гвайнард, ты зря надеялся! Голодный Посланник проснулся! Его работа!

Снова раздались крики, на этот раз у соседей. Охотники бросились в дом напротив, потом в третий, в четвертый...

* * *

— Он будто играл с нами! — бушевал Конан. — Скотина! Тешился своим превосходством, неуязвимостью, и силой! Хотел показать — вот вам, господа охотнички! Попробуйте, поймайте! Мразь проклятая!

Киммериец отводил душу больше полутора колоколов, извергая неостановимый поток брани на всех известных ему наречиях. Когда заканчивались аквилонские ругательства, варвар принимался за туранские или заморийские. Никто из Ночных Стражей не возражал и Конана не останавливал: все понимали, что отряд потерпел настолько горькое и сокрушительное поражение, что впору отправляться в Немедию на суд Хранителей, которые будут обязаны отобрать у них амулеты Стражи и с позором изгнать всю компанию из гильдии.

Витта опустела более, чем наполовину — молберан истребил сто шесть человек за очень короткое время, причем умудрился ни разу не попасться на глаза охотникам. Эйнар тоже не пропустил, так как Голодный Посланник отводил его взгляд магией несравненно более мощной, чем волшебство броллайхэн. Чудовище Бездны уничтожало жителей деревни с молниеносной быстротой и пугающей методичностью, переходя из одного дома в другой. Ну а когда монстр насытил-

ся, то попросту исчез — будто прыгнул через Ничто, подобно каттаканам.

— Я не представляю, что делать, — сокрушен-но сказал Гвайнард, когда варвар взял паузу, чтобы отдохнуть. — Перебрал все возможные варианты. Хранители помочь не смогут, они такие же охотники как и мы, самые обычные люди. Рэльгонн, конечно, согласится попробовать еще раз, но я уверен, что результатов не добьется. Маги? Тот-ан-Хотеп не справится, а Великие Колдуны наверняка откажут...

— Может, оставить все как есть? — вяло предположил Эйнар. — Понимаю, это противоречит Кодексу, но Хранители не обязывают нас ввязы-ваться в абсолютно безнадежные дела.

— Нет уж, теперь я не отступлюсь! — рявк-нул варвар. — Мне... Нам бросили прямой вызов! Если мои родичи в Киммерии узнают, что Конан из клана Канах дав клятву Ночной Стражи стру-сил, меня проклянут!

— И что же ты предлагаешь? — совершенно серьезно спросила Асгерд.

— Не знаю! Но я не боюсь попытаться!

...Охотники въехали в Райдор перед самым за-катом, когда гвардия светлейшего уже хотела за-крывать городские ворота. Знакомый десятник, увидев мрачные лица Стражей, предпочел не за-давать лишних вопросов, хотя на телеге запря-женной грустной деревенской лошадкой шевели-

лось и рыкало неизвестное чудище, замотанное в рогожу — Гвай все-таки прихватил с собой «дра-кончика», исходя из своего вечного принципа, что любое дело следует доводить до конца.

— Езжайте домой, дождитесь Рэльгонна, — сказал Гвай киммерийцу и Асгерд. — Мы с Эйна-ром поедем в замок светлейшего, надо погово-рить с герцогом и месьором Атрогом. Ни в коем случае нельзя допустить паники; слухи распрос-транятся моментально. Насколько я понял, де-мон никогда не нападает дважды на одно и то же селение, я уговорю Охранителя короны послать в Витту отряд гвардии и перекрыть все дороги... Заодно отдадим в зверинец этого уродца.

Варвар понимал, почему Гвай взял с собой к герцогу именно Эйнара — броллайхэн отлично умел объясняться, убеждать и заговаривать зубы, а этот талант Духа Природы охотникам сейчас был необходим, как воздух. Варт Райдорский, возмож-но, и поверил бы в бессилие Ночной Стражи пе-ред монстром Черной Бездны, поскольку знал о молберане и представлял каковы его возможнос-ти, но Атрог...

Охотников погубила слава «непобедимых», прямолинейный Охранитель не станет слушать никаких отговорок, понятий «трудное дело», а уж тем более «невыполнимое» для него не сущес-твует. Бессспорно, ссориться с гильдией Атрог не решится, но репутация Гвайнарда и всего отряда

в глазах верного цепного пса его светлости окажется безнадежно испорчена. Глава тайной службы не только не прощает ошибок или просчетов, он полагает, что слово «невозможно» должно на все́гда исчезнуть как из бритунийского наречия, так и всех остальных вместе взятых. На Эйнара вся надежда — три части красноречия, одна часть магии, и десять частей убедительности. Может быть сработает.

— Помнишь упыря из Ронина? — спросил варвар у Асгера. — История похожая: девица была одержима демоном, уничтожить которого можно было только натравив другого демона, триглавого пса жившего на болотах... Подобное лечится подобным, так вроде говорят ученые мужи?

— Я не ученая, и тем более не муж, — огрызнулась нордхеймская воительница, расседливая своего коня. — Конан, сам посуди, откуда мы возьмем еще одного монстра Черной Бездны и как уговорим его напасть на Голодного Посланника?

— Верно, — вздохнул киммериец. — Один мой знакомый по Шадизару, Ши Шеллам, ты его не знаешь, говорил, будто из любого положения всегда отыщется выход. Надо только как следует подумать.

— Вот и займись, если делать нечего, — прохладно отозвалась Асгера. — Пошли в дом, госпожа Тюра наверняка приготовила ужин.

Удивительное дело: степенная пожилая домоправительница исчезла незнамо куда, в комнатах ее не было. Конан обыскал хозяйственные пристройки, заглянул к соседям — ничего. Очень насторожил охотников беспорядок на кухне. Горшки перевернуты, очаг не горит, по полу разлита вода из колодезной бадьи.

— Нас что, пытались обокрасть? — недоуменно спросил киммериец. — Нет, этого просто быть не может! Асгерд, посмотри сундук с деньгами!

Золото и серебро накопленные охотниками за последние годы было на месте. Кроме того, все обитатели Райдора, от благонравных обывателей до рыночных воришек и местного «короля воров» Элама Змеиной Руки знали, что связываться с Ночной Стражей — себе дороже. Гильдию уважают все: наиблагороднейшие дворяне и жулики с конокрадами; украдь у охотников — это как украдь у самого себя, поскольку однажды услуги Стражи могут понадобиться даже распоследним ворюгам. Чудовища не выбирают, на кого нападать. И уж тем более Гвай с Конаном достанут из под земли любого, кто осмелится поднять руку на добро Ночной Стражи.

Асгерд и киммериец обыскали дом от конька крыши до подпола и все-таки добились своего — госпожа Тюра отыскалась в дальней кладовке.

Выяснилось следующее. Примерно через два-три колокола после полудня, домоправительница

услышала звук шагов, доносящийся из «Арсенала» — ходил кто-то большой и тяжелый, аж доски скрипели. Тюра сочла, что вернулись охотники и выглянула с кухни, но вместо знакомых лиц стражей обнаружила в трапезной отвратительное чудище, обликом сходное с человеком и пахнущее рыбой. После чего хозяйка в панике бежала и спряталась в кладовой, где просидела до вечера, надеясь, что монстр ее не найдет.

Как выглядел незваный гость? Скверно он выглядел. Противно. Морда синяя, на руках-лапах по три пальца с перепонками, одет в какие-то немыслимые отрепья...

— Ого! — присвистнул варвар. — Это ведь наш знакомец из старого замка! Точно, он! Только что ему понадобилось?

— Привадили нечистую силу, — недовольно проворчала госпожа Тюра и отправилась прибираться на кухне. — Хотите есть, возьмите копченого мяса, горячее будет готово только к закату...

На полу в «Арсенале» остались следы. Прекрасный иранистанский ковер был попорчен когтями, царапины обнаружились и на досках крыльца. Асгерд, отыскав среди запасов Гвая пузырек с темно-красной жидкостью обрызгала ковер, подождала и недоуменно пожала плечами:

— Тюра ошиблась. Никакой нечистой силы! Этот декокт должен был задымиться в случае, если в доме побывало существо порожденное чер-

ной магией. Интересно, куда подевался наш визитер?

— Пришел один раз, придет и снова, — оптимистично предположил Конан. — Не сомневаюсь, синерожая тварь как-то связана с проклятием Ландерика и Голодным Посланником.

— А ты не думаешь, что это страшилище всего лишь поселилось на развалинах замка? Там тихо, люди не беспокоят...

— Меня однажды научили одному правилу, — усмехнулся Конан. — Звучит оно так: дракона ищи в пещере, сокровища под алтарем, мага в башне, а вурдалака на жальнике. Говоря иначе, некоторые всеобщие законы не изменишь. У Голодного Посланника должно быть логово, в котором он отсыпается. Разумно предположить, что оно находится в старом замке — подвалы завалены, человеку туда не пробраться, однако если демон воплощен, значит есть проход о котором мы не знаем...

— Или молберан прыгает через Ничто, — сказала Асгерд. — Ты к чему ведешь?

— К тому, что два разных монстра не могут обитать в одном месте — это тоже закон. Представь себе дракона — хранителя сокровищ, вынужденного делить свое золотое ложе с другим драконом!

— Передерутся, — хмыкнула охотница. — Драконы всегда были одиночками и никакой

нормальный дракон не подпустит соперника к сокровищнице!

— Именно! В этом отношении демоны похожи на драконов, они не терпят соседства с другими демонами. Спящий молберан наверняка беззащитен, он должен очень хорошо спрятаться. Так, чтобы за сорок одну зиму его никто не нашел и не уничтожил тело воплощения. Людей следует опасаться меньше всего, они слабы и не очень сообразительны, боятся проклятий, магии и вообще предпочитают не связываться с чудовищами. Понятно, что единственным исключением является Ночная Страж... Но вот другой демон — это очень нежелательный сосед!

— Разумное зерно в твоих словах есть, — задумчиво сказала Асгерд. — Однако, найдется и серьезное противоречие. Допустим, Голодный Посланник живет в старом замке, а значит второй монстр там жить никак не может. В то же время вы с Гвайнардом встречаете урода в синих лохмотьях именно на развалинах и предполагаете, что он неким образом связан с демоном Бездны...

— Загвоздочка, — кивнул варвар. — По-моему, ответов на этот вопрос может быть два. Первый: Синяя Морда помогает Голодному Посланнику — нечто наподобие демона-слуги или демона-охранника. Вполне вероятно, что во время сна логово молберана оберегает другое порождение Бездны или подчиненный посланнику де-

мон из других Сфер, вовсе не обязательно являющийся нечистью. Вот, кстати, и объяснение, почему молчат наши амулеты и не подействовал магический отвар! Второй: напугавший госпожу Тюру монстр не имеет вообще никакого отношения к миру демонов.

— Не поняла!

— Нет ничего проще. Рэльгонн живое существо или потусторонняя тварь? Вот-вот! Но и человеком он не является. Могу запросто перечислить полсотни самых разных магических тварей из плоти и крови обитающих под солнцем Хайбории! А если Синяя Морда просто хочет нам помочь? Навести на логово молберана?

— Необоснованный оптимизм, — Асгерд покачала головой. — Я много зим хожу в отряде Ночной Стражи, и никогда не встречала монстра, желающего помочь охотникам истребить другого монстра.

— Повторяю: вдруг это никакой не монстр?

— Тогда кто?

— Откуда я знаю? Воплощеный дух наподобие броллайхэн, оставшийся с древних времен, представитель какой-нибудь вымершей расы. Да кто угодно! Он не агрессивен, в злодействах и убийствах замечен не был, а что выглядит мерзко и неприятно глазу — так и наши каттаканы тоже пленительной внешностью не отличаются!

— Остается дождаться нового визита нашего синего дружка и расспросить его поподробнее, — скептически отзвалась охотница. — Тогда и выяснится, прав ты или нет.

* * *

Военный совет, на котором присутствовали все Ночные Стражи, Рэльгонн и его милость Атрог Гайарнский, устроили поздно вечером. Вопреки ожиданиям Гвайнарда, Охранитель короны отнесся к происходящему с пониманием — спасибо герцогу, объяснившему начальнику своей тайной службы, что нельзя требовать от охотников прыгнуть выше головы.

— ...В казне светлейшего достаточно денег для того, чтобы нанять одного из Великих Магов, — меланхолично говорил Атрог. — Может быть, стоит обратиться к гиперборейскому конclave Белой Руки? Гиперборея совсем рядом, за Граскальскими горами. Лоухи из Халоги считается сильнейшей колдуньей Полуночи, если пообещать ей не менее одного «сфинкса» в чистом золоте, она согласится помочь...

Конан поперхнулся. «Сфинксом» называлась огирская мера золотых монет, равная сотне тысяч денариев Ианты. Гигантская сумма, почти невообразимая! На такие огромные деньжищи можно купить не только благосклонность любого

волшебника, но и немаленькое баронство в Немедии или Аквилонии, с замком, городом, несколькими деревнями и обширными угодьями!

— Мне эта идея не очень нравится, — хмуро сказал Гвайнард. — Во-первых, госпожа Лоухи использует тёмную магию...

— Это ничуть не мешало вам якшаться со стигийцами две седмицы назад, — парировал Атрог. — Чем хуже гипербореицы?

— Хуже, и вот почему. Черный Круг и Белая Рука поклоняются Тьме, это правда. Однако, колдунам Птейона Райдор не интересен — мы находимся слишком далеко от берегов Стиksа. Месьор Атрог прав: Гиперборея является нашим соседом, а значит конclave Белой Руки будет заинтересован в распространении своего влияния к Полудню от своих рубежей. Сами понимаете, мы стоим на перекрестье торговых путей, герцог владеет богатейшими рудниками... Светлейший ничем не должен быть обязан Лоухи — кого-то увяз, всей птичке пропасть. Однажды связавшись с конclave Тьмы, особенно с его главой, уже не выпутаешься.

— А я думал, что Ночная Стража не интересуется политикой, — криво усмехнулся Охранитель.

— Мы обязаны предостеречь вас от ошибок.

— Ладно, согласен, — отмахнулся Атрог. — Другие предложения? Отправить месьора Рэль-

гонна в Стигию, к вашим подозрительным дружкам? Я плохо представляю себе стигийскую армию штурмующую Райдор или поселившегося в замке короны наместника Круга Птейона!

— Подумаем, — наклонил голову Гвайнард. — Голодный Посланник проснулся сегодня, значит убийства будут продолжаться еще минимум восемь-девять дней, пока демон не насытится. На принятие решения у нас одна ночь, иначе больших жертв и паники не избежать.

— Беспокойное лето выдалось, — недовольно проворчал Охранитель. — Такое впечатление, что нечисть со всей Хайбории сбежалась в Райдор, словно у нас тут медом намазано... Даже рыба в реке начала дохнуть!

— Что? — мгновенно насторожился Гвай. — То есть как — дохнуть?

— Обыкновенно. Вы же сами просили, чтобы стража докладывала мне о любых необычных событиях? Прибегает сегодня десятник, говорит, будто на Быстротечной беда. Рыбаки поутру отправились на промысел, хотели ставить сети в затонах на закатном берегу. Очень много мертвых рыбы выброшено на песок, еще больше плывет кверху брюхом по течению. Или мор напал, или кто-то вылил в реку целый поток свиного дерьма... Даже мальки передохли.

— Странно, — протянул командир отряда. — Весьма странно. Сколько живу в Райдоре, а рыбь-

его мора здесь никогда не видел. Вода чистейшая, с горных ледников, выше по течению стоят только небольшие селения. Да и зачем травить рыбу?

— Я назначил дознание, — бросил Атрог. — Вы не о рыбе думайте, а решайте, что делать с Голодным Посланником! Я сейчас поеду обратно в замок, постараюсь успокоить герцога и дам приказ гвардии пресекать любые беспорядки... Если что случится, немедленно сообщайте!

С тем Охранитель короны и дожидавшиеся на улице телохранители его милости отбыли.

— ...Конан, как ты назвал вящего недавнего гостя? — неожиданно осведомился Рэльгонн. — Синяя Морда? Ну-ка, месьоры, ответьте: с чем вы обычно связываете синий цвет?

— Небо, — пожала плечами Асгерд, — сапфиры, цветы....

— Еще?

— У некоторых чудовищ шкура синего цвета, — сказал Гвай. — Например у...

— Не надо перечислять, — поднял ладони упырь. — Конан?

— Море, — не раздумывая сказал варвар, которому едва не каждую ночь снились лазурные волны Полуденного океана. Пять зим Конан был капитаном пиратского карака и любил море всей душой. — На побережье Зингары особенно красиво, жаль вы не бывали...

— Значит, море? — повторил Рэльгонн. — То есть, вода. Реки, озера, верно? Эйнар, что ты знаешь о Духах Рек? Вроде бы, это твои прямые родственники!

— Ты гений! — восторженно заорал Эйнар, вскочив со скамьи. — Да здравствуют все вампиры подлунного мира! Надо было сразу догадаться! Эх, жаль, что это так называемое «чудовище» я своими глазами не видел, сразу бы понял, что к чему!

— Тихо, тихо, не ори, — Гвай легонько стукнул рукой по столу. — Я слышал о никсах, русалках, «водяных хозяевах», но большинство рассказней о Духах Рек оказывались плодами пьяной фантазии рыбаков или плотогонов. Это какая-то разновидность броллайхэн?

— Не совсем. Пойми — вода и глубины являются совершенно иным миром, с другими законами и обитателями! Конан это отлично знает, достаточно послушать его рассказы о морских чудовищах! Да, они могут считаться такими же воплощенными сгустками магии природы, как я или другие броллайхэн, но между нашими мирами существует четкая граница: поверхность воды. Они очень редко выходят на сушу, равно как и я не люблю вторгаться в чужую вотчину. Духи Рек не злые, скорее слишком независимые. Они не топят лодки и не утаскивают на дно купальщиков, но могут пугнуть жадных рыбаков или

порвать сети... Вот, собственно, и все, что я знаю — броллайхэн и водяные духи не общаются уже много тысячелетий!

— Добавим сюда сообщение о гибели рыбы в Быстротечной, — напомнил Конан. — Как рыба воспринимает черную магию Бездны? Вдруг мор начался из-за пробуждения Голодного Посланника?

— Вспомним основы демонологии, — сказал Гвай. — Надеюсь, ни у кого не возникает сомнений в том, что молберан является нечистой силой? Нечисть боится солнечного света, серебра и текучей воды — ни единое порождение Бездны не способно переправиться даже через узенький ручеек!

— Ну, допустим, Голодный Посланник запросто убивает при свете дня, — напомнила Асгерда. — Впрочем, в любых правилах бывают исключения. Гвайнард не ошибся: самой действенной защитой от нечисти являются солнце, серебро и проточная вода.

— Всегда интересовался, почему? — киммериец улыбнулся.

— А почему люди не едят уголь или камень, а в воде не дышат и могут утонуть? Ты сам недавно говорил о некоторых всеобщих законах, на которых держится наш мир? Если сокровища всегда лежат под алтарем заброшенного храма, то глупо спрашивать, почему нечисть боится рек и ручьев! Так положено, вот и всё!

— Подождите, — Гвайнард оборвал готовый разгореться спор. — Мы опять забрались в глухие дебри рассуждений и забыли о главном. Ясно, что вода, особенно речная, враждебна нечисти. Если Голодный Посланник живет в старом замке, то он способен переправиться на наш берег только по мосту.

— Не обязательно, — возразил Эйнар. — Протяни веревочку между берегами, и демон просто окажется здесь. Мост на Быстротечной построили всего тринадцать зим назад, раньше товары и лошадей перевозили на плотах. Необходимо проверить, нападал ли молберан на деревни к Восходу от реки во время прошлых пробуждений!

— С вашего позволения, я займусь этим немедленно, — подал голос Рэльгонн. Внешность упыря начала стремительно меняться — он «превратился» в человека, пусть и слишком бледного. — Сейчас же загляну в библиотеку замка короны и слетаю в деревни, стоящие по этому берегу Быстротечной. Вытрясу из знахарей и старейшин все, что смогу. Ждите к утру!

Упырь запахнулся в плащ и растворился в воздухе, совершив прыжок через Ничто.

— Если уничтожить демона нельзя, то мы вполне способны изолировать его навсегда! — с жаром говорил Эйнар. — Дух Реки, которого Конан так неуважительно назвал «Синей Мордой»

своим появлением дал вполне недвусмысленный намек: помогите мне! Черная магия Бездны убивает реку! Помогите, и я помогу вам!

— Интересно, каким образом? — поинтересовался Конан. — Ни Ночная Стража, ни каттаканы, по понятным причинам не в состоянии убить Посланника, а значит и помочь Речному Духу освободить Быстротечную от влияния злой магии. Следовательно, Синяя Морда ничем не может помочь нам. Получается замкнутый круг.

— Уши помой! — разозлился Эйнар. — Что я сказал? Не надо никого убивать! Только изолировать! Запереть монстра на острове, окруженном проточной водой! Он оттуда никогда не вылезет, силенок не хватит! Подпитки от истекающей из Бездны магии нет, убивать людей, питаться их плотью и душами нельзя — просто не добраться до добычи!.. Поняли, наконец?

— На Быстротечной нет островов, — туповато ответил киммериен.

— Старый замок... — очень медленно и внятно сказал Гвайнард. Командир отряда просиял и восхликал: — Эйнар, золотая голова! Ну конечно же! Старый ров вокруг крепостишки Ландерика! Он наполнялся водой из реки! Текущая вода! Эйнар, решение найдено! Бегом к Охранителю короны, пускай завтра же герцог поднимет всех здоровых мужчин в Райдоре. Ров будет восстановлен!

— Один момент, — броллайхэн поднял палец

к потолку. — Мы не уверены, что Голодный Посланник обитает именно в старом замке. Мы не знаем, что хочет сказать нам Дух Реки. И мы готовы совершить непростительную ошибку!

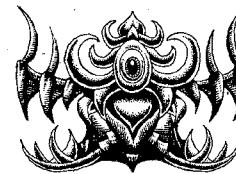
— Какую же? — удивился Конан.

— Допустим, ров будет вырыт заново и холм с развалинами старого замка превратится в остров. Подумайте, что мы будем делать, если в этот момент Голодному Посланнику взбредет в голову поразбойничать в десятке лиг от своего логова? Бывшего логова...

— Ой-ой, — Гвайнард откинулся на спинку кресла. — Молберан попросту избежит ловушки в которую его можно загнать! У кого какие соображения?

— Кажется, главное соображение стоит у дверей и ждет, пока мы обратим на него внимание, — тихо сказал Конан и на всякий случай незаметно положил ладонь на рукоять кинжала. — Эйнар, вы, кажется, сородичи? Попробуй с ним объясниться!

Жутковатое синекожее существо появилось незаметно и остановилось у входа в «Арсенал», вглядываясь точками зрачков в охотников. Разлился острый запах реки — пахло тиной, водой и рыбой.

Глава пятая

В которой придворный алхимик показывает себя с наилучшей стороны, а демон Черной Бездны попадает в ловушку.

ередохнуть ночью не получилось и в доме на Волчьей улице не гасили свечи. Гости следовали один за другим. Едва разобрались с Духом Реки, как снова появился Рэльгонн, упирая заставили слетать за месьором Атрогом, каковой был доставлен в «Арсенал» через Ничто. Затем каттакан вернул Охранителя короны в замок и снова умчался по своим делам.

— Голова кругом идет, — пожаловался Гвайнард. — Ничего, если дело выгорит, отоспимся завтра. Иштар Добросердечная, кого еще принесло?

В дверь тихонько постучались. Киммериец, выругавшись под нос, пошел открывать. На пороге стоял месьор Аделард, облаченный в непривычный для придворного алхимика темный плащ с капюшоном.

— Прошу простить, что пришел к вам тайно, под покровом ночной тьмы, — быстро прошептал маг. — Месьор Конан, мне необходимо срочно переговорить с уважаемым Гвайнардом.

Варвар постарался сдержать улыбку.

Аделард выглядел подавленным и напуганным, а причиной тому наверняка являлась удивительная зверюга, сданная охотниками с рук на руки смотрителю герцогского зверинца и немедля помещенная в самую надежную железную клетку.

Гвайнард встретил алхимика с прохладцей — старику неоднократно советовали вести себя потише и не привлекать внимания рискованными опытами.

Охотникам вполне хватило недавней истории с «королем крыс», перепугавшим половину города, а ведь это существо появилось на свет только благодаря недосмотру Аделарда.

— Приветствуя тебя, почтенный, — Гвайнард указал магу не на привычное гостевое кресло, а на лавку.

Аделард послушно присел.

— Надо полагать, тебя заинтересовала наша добыча? Забавная тварь. Крылышки, две головы, подозрительный рунический символ на груди. И, разумеется, ты доселе ничего не знаешь о монстре, напавшем на крепость светлейшего прошлым утром?

— Да, я виноват! — в сердцах воскликнул старики. — Надо было сразу все вам рассказать!

— Жаль, что эта великолепная мысль не посетила тебя во время предыдущего разговора, — сказал командир Стражей. — Надеялся, что обойдется? Что зверь улетит подальше от человеческого жилья и о нем больше никто ничего не услышит? Месьор Аделард, ты мудрый человек, известный волшебник! Как можно было допустить столь непростительную ошибку?

На «мудрого» и «известного» алхимик отреагировал положительно — слегка успокоился, перестал вздрагивать и стрелять глазками вправо-влево, словно ожидая, что из темного угла вдруг выскочит Охранитель короны, сжимающий в правой руке плеть, а в левой арбалет.

— Вот рукопись, — Аделард извлек из рукава затрапанный пергаментный свиток. — Датируется приблизительно шестисотым годом по основанию Аквилонии, ей больше половины тысячиелетия. Купил по слухам в лавке собирателя древностей, когда последний раз ездил в Пайрогою.

— Давайте, посмотрим, — Эйнар хозяйски придинул к себе манускрипт. — Руны асгардские, однако язык довольно странный. Конечно, один из диалектов Гипербореи, использующийся на побережье Ледяного океана! Всё как я и предполагал!

— И что же ты предполагал? — подозрительно осведомился маг.

— Ты хотел создать Исполнителя Желаний?

— М-м... Не совсем.

— Можно поточнее? Рукопись ясно говорит о том, что совместив несовместное и «вложив в плоть огонь» колдун... Тут непонятная формулировка: некое «единственное могущество». Что это может значить?

— Выполнение единственного желания, — уныло подсказал Аделард. — Потом волшебство исчезнет и тварь распадется на составляющие.

— Не понял? Каким образом?

— От стихии воды взята ящерица, от воздуха — летучая мышь, от земли — собака. Стихия огня с жизнью несовместима, но в рукописи есть заклинание способное на время примирить стихии, объединив в едином теле. Когда они смешиваются, появляется волшебство не имеющее отношения к Тьме или Свету.

— Проще говоря — Равновесие, Алое Пламя, — отозвался Эйнар. — Дорогой месьор Аделард, ты являешься магом Света, и потому ничего не знаешь о Равновесии...

Конан закатил глаза.

Герцогский алхимик вообще не был магом, ни тёмным, ни светлым. Немудрено, что он снова перепутал все, что только можно было перепутать!

Эйнар, как воплощенный Дух Природы, отлично знал, что такое Равновесие и теперь пытался вразумить бестолкового Аделарда:

— Каково было твое желание, почтеннейший?

— Кхм-кхм... — алхимик смущенно закашлялся. — Я человек беззлобный, месьоры. Но когда тебя окружают враги, злодеи и завистники, невольно задумаешься о своей дальнейшей судьбе! Я стар и немощен, мне осталось жить недолго, так почему я не могу спокойно провести страсть, посвятив ее ученым трудам на благо Райдора? Вы бы смогли безропотно терпеть непрестанную травлю со стороны...

И так далее. Аделарда понесло. Стариk припомнил Атрогу Гайарнскому все обиды и несправедливости, жаловался на свою тяжелую жизнь и самые черные злодейства Охранителя короны, единственной целью которого является безвременная и лютая погибель единственного волшебника Райдорского герцогства. Остановить поток обвинений в адрес Атрога удалось с трудом.

— Неужели ты приказал убить Охранителя? — пораженно спросил Гвайнард. Если эта догадка верна, Аделард начал становиться опасным. — Вот почему она напала на замок короны? Разве так можно?

— Неправда! — чуть не плача простонал алхимик. — За кого вы меня принимаете? Проклятого Атрога надо было всего лишь унести как мож-

но дальше от Райдора! В Кхитай или Паган! И там бросить, пусть сам выпутывается, если он такой умный!

Киммериец подумал о том, что люди наподобие господина Охранителя «выпугиваются» и не из такой ситуации, но предпочел вслух эту мысль не высказывать.

— Существа, исполняющие желания, действуют быстро и безошибочно. Атрог должен был очутиться в Кхитае еще сутки назад...

Эйнар почесал во лбу и вдруг широко улыбнулся.

— Месьор Аделард, я знаю, почему твое желание не выполнено! На каком языке составлен манускрипт?

— На гиперборейском.

— А приказ ты отдавал на бритунийском?

— Совершенно верно.

— Так вот: древний колдун предполагал, что свитком либо воспользуется самостоятельно, либо изготовил его для какого-нибудь вождя племени гиперборейцев. Разве ты не знаешь, что в магии очень важны сочетания звуков? Произнеси заклятье Оридата не на языке Стигии, а по-бритунийски, и оно никогда не подействует! Вот где ошибка! Дракончик тебя не понял и попросту улетел... А поскольку он отчасти живой, ему требовалась пища — вот зверь и принялся жрать деревенских овец!

Охотники дружно отвернулись, скрывая непроизвольные улыбки. Аделард вновь блестяще продемонстрировал свои способности, а точнее, полное их отсутствие.

— Кроме того, — продолжал Эйнар, — магия Равновесия предусматривает взаимодействие с природой, тварным миром, а вовсе не выполнение любых желаний. Пожелай ты открыть золотоносную жилу в горах или мгновенно вырастить вековой лес среди чистого поля, это было бы исполнено. Дракончик своротил бы скалу, а ты получил множество золотых самородков! Но приказывать ему сделать тебя королем Аквилонии или отправить месьюра Атрога за много полетов стрелы бесполезно — над людьми магия природы не властна только потому, что они владеют разумом и свободой воли, которой, согласись, нет у бездущных камней или металлов!

— Какой ужасающий просчет, — Аделард сник. — Я опозорен! Боги, покарайте безумца!

Варвар хотел было высказаться в том смысле, что последнее восклицание алхимика весьма справедливо и богам действительно следовало бы обратить пристальное внимание на месьюра Аделарда, но снова удержался от лишних слов.

Еще со временем приключений в Шадизаре Конан знал, как легко обидеть человека словом, а обижать полоумного старика не было никакого

желания. В конце концов, Аделард не хотел ничего плохого. Рядом с кровавыми бесчинствами Голодного Посланника выходки алхимика выглядели столь же безобидно, как смех невинного дитяти.

Постойте-ка! Молберан? Магия Природы?

Конана осенило. Озарение снизошло внезапно, как только все частицы мозаики встали на свои места.

— Послушайте меня! — вскричал варвар, боясь упустить мысль. — Желание не исполнено, правильно?

— Насколько я понял — да, — пожал плечами Эйнар.

— Дракончик, как ты говоришь, может свернуть целую гору?

— Вполне, — броллайхэн кивнул. — Впрочем, зачем тебе...

— Дослушай, болван! Ты только что упомянул о взаимодействии с тварным миром! Зачем просить Атрога собирать всех способных держать в руках лопаты райдорцев и копать ров вокруг старого замка? Зачем? Созданное месьором Аделардом существо может сделать это за несколько мгновений! А Синяя Морда пустит проточную воду! Он же Дух Реки!

— Вот так киммерийский варвар... — Эйнар только рот раскрыл от удивления. — Невероятно просто, очень красиво и удивительно изящно!

Конан, искренне жму руку! Но мы обязаны точно знать, что в этот момент Голодный Посланник находится в логове!

— Луна взошла недавно, — проговорил Гвайнард. — У нас впереди почти вся ночь. Если успеем, к утру посланец Бездны окажется в ловушке, из которой уже никогда не выберется!

— Посланец Бездны? — округлил глаза Аделард. — Черная магия здесь, у нас? Демон? Настоящий? Тот, о котором говорится в летописи?

— Потом расскажем! — Гвайнетерпеливо махнул рукой. — Главное, не вызвать подозрений у Посланника! Месьор Аделард, хочешь заслужить великую славу избавителя Райдора от древнего ужаса Кхарии?

— Я... Да!

— Отлично! Ты создал дракончика, и он обязан исполнить одно-единственное твое желание! Эйнар, растолкуй магу его светлости как произнести формулу заклятия на гиперборейском диалекте! Конан, мы с тобой немедленно едем в замок герцога! Асгерд, когда вернется Рэльгонн объясни ему наш план!

— Разве у нас есть план? — вздернула точечные брови нордхеймская воительница.

— Конечно! Месьор Аделард, оставайся здесь, нам потребуется помочь настоящего волшебника!

Алхимик выпрямил спину и надул щеки. Ему нравилось быть полезным.

* * *

Конан с раннего детства отлично знал, что человек отнюдь не является безраздельным и единственным повелителем Хайбории.

Рядом с людьми обитало множество самых невероятных тварей, чаще всего относившихся к двуногим с абсолютным безразличием.

Общительные и веселые броллайхэн являлись приятным исключением, но духи, оберегавшие горы, леса, реки и даже крошечные ручейки никогда не стремились поближе познакомиться с человеческой расой — ушли альбы и змееногие, вымерли ктулхи и обитатели Лемурии, рано или поздно сгинут и люди, а бессмертные духи останутся навсегда, пока существует этот мир...

Синяя Морда озадачил даже Эйнара — броллайхэн мог похвастаться удивительно долгим сроком жизни, каттаканы рядом с ним выглядели сущими младенцами, однако понял речи Духа Реки с огромным трудом. Он изъяснялся на невыразимо древнем диалекте, наверняка появившемся в ту эпоху, когда первые острова поднялись над волнами океана и велением богов, на них зародилась жизнь.

— Он жалуется, на зло, убивающее реку, — растолковывал Эйнар, морща лоб и стараясь подобрать верные слова. Дух Реки стрекотал, си-

пел и булькал, издавая самые неожиданные звуки, размахивал когтистыми лапами, скалил зубы и всем своим обликом выражал неудовольствие. — Зло появлялось уже несколько раз, просыпалось и снова уходило... Он не может справится самостоятельно, хотя и пытался... Он чувствует мою магию броллайхэн и магию наших амулетов; полагает, что если мы объединим силы, то изгоним зло...

— Изгоним? — с недоверием проворчал тогда варвар. — Я бы не торопился с подобными утверждениями! Лучше спроси, что он знает о Голодном Посланнике, где он прячется?

— Как мы и предполагали, — сказал Эйнар, выслушав очередную порцию булькающих звуков. — Под руинами замка находятся... В общем, там или сохранился подвал с печально знаменитым колодцем Ландерика, или есть нечто вроде пещеры. Из леса туда ведет старый подземный ход, о котором никто не знает, именно так зло покидает свое логово...

— Значит, Посланник действительно воплощен, — сказала Асгерд. — Но как вытащить его из подземелья и прирезать, я не знаю. И никто не знает...

Только по дороге к замку герцога Конан понял, что удача снова улыбнулась охотникам: Обстоятельства сложились благоприятно — алхимик очень вовремя решил испробовать старую

магию гиперборейцев, породив к жизни Исполнителя Желаний, Дух Реки покинул глубины Быстроходной, а Рэльгонн точно выяснил, что в прежние времена на левом берегу реки молберан не появлялся — некоторые законы магии не обойдешь, нечисть не выносит текущую воду!

Оставалось только реализовать идею Конана, а рано или поздно Голодный Посланник сам сдохнет от голода и черное волшебство Бездны исчезнет!

Хранитель зверинца давно спал и поднялся с постели очень неохотно.

Потом долго ворчал, на охотников, которые сами не знают, чего хотят — сперва привезли удивительного зверя, получили награду от господина Охранителя, теперь забирают обратно без дозволения его милости.

— Хватит болтать, лучше отдай месьюру Гвайнарду ключи от клетки, — в дверях неожиданно появился Атрог, собственной персоной и сразу устремился к Ночным Стражам. — Десятник стражи доложил, что вы приехали, значит дело сдвинулось с мертвоточки?

— Нам просто очень-очень повезло, — отозвался Конан. — Если боги окажутся благосклонны, в Райдоре больше никогда не услышат о демоне голода!

— Я не сомневался в вашей сообразительности, — кивнул Атрог, наблюдая, как варвар отпи-

рает клетку в которой недовольно шипело крылатое чудо, еще не до конца очухавшееся после дневных приключений и сильнейшего удара о землю. Будь дракончик хоть стократно магическим, сейчас он был не опасен.

— Наши заслуги невелики, — незаметно усмехнулся Гвайнард. — Благодарить следует месьюра Аделарда, без его участия ничего бы не вышло!

— Что-о? — Охранитель едва не упал. — Как ты сказал? Этот ненормальный? Этот бесполезный шарлатан и мошенник? Ушам своим не верю!

— Тем не менее, это совершеннейшая правда... Конан, помоги вытащить зверя! Месьюр Атрог, помнишь я тебе говорил, что Аделард неплохо разбирается в так называемой «предметной магии»? Он не в состоянии создавать собственные заклинания и пользуется чужими артефактами, но при необходимости способен направить действие заключенных в них заклятий в нужное русло. Аделард нашел способ, как использовать этого зверя против Голодного Посланника, мы лишь помогаем старику.

— Невероятно, — выдохнул Охранитель. — Попомните мои слова: в самый ответственный момент все пойдет наперекосяк, а молберан сожрет и Аделарда, и вас вместе с ним! Мне плевать на алхимика, но лишаться единственного на весь Райдор отряда Ночной Стражи я не желаю!

— Все получится как нельзя лучше, — успокоил Гвайнард месьора Атрога. — Верь моему слову!

— Верю, — сокрушенно вздохнул Охранитель. — Не могу не верить. Если проклятый колдун и на самом деле отличится, обещаю оставить его в покое!

— Приятно будет увидеть достойное обеих сторон окончание многолетней вражды, — фыркнул Конан, обматывая один из клювов дракончика крепким ремнем. — Ты обещал!

— ...И выполню свое обещание, если старый дурак ответит тем же! Надеюсь, мое присутствие на охоте за демоном не требуется?

Атрог всегда был осторожен и ценил свою жизнь.

— Конечно нет, мы управимся самостоятельно еще до восхода солнца.

— В таком случае — утром жду с докладом. Заодно прикажу казначею отсчитать требуемую сумму. Кстати, сколько вы попросите за голову молберана?

— Вполне хватит обычного вознаграждения, — сказал Гвайнард не обращая внимания на яростные жесты киммерийца, отлично помнившего о «сфинксе», который герцог с Атрогом хотели уплатить колдунье Лоухи из Халоги. — Однако, если его светлость окажется более щедр, от лишнего золота мы не откажемся!.. Конан, потащили зверя к повозке!

* * *

Нельзя сказать, что этой ночью было очень светло — луна давно пошла на убыль, больше половины неба закрывали облака.

Охотники решили использовать декокты Ночной Стражи — отвары из редких трав, благодаря которым человек мог видеть в темноте не хуже каттакана.

— Мне это напоминает эдакий дворцовый заговор, — пытался шутить варвар, когда охотники, месьор Аделард и Рэльгонн выехали за городские ворота, открытые для Стражей по личному приказу Атрога. Маг и упырь восседали рядом на передке крытого фургона, правил тяжеловозом Рэльгонн. — Помню, зим десять назад в Султанапуре свергали тогдашнего эмира, все было в точности как сейчас! Крадущиеся в темноте злодеи с обнаженными мечами, таинственный свист ветра...

— Какой еще ветер? — сплюнул Гвайнард. — Погода тихая, ни один листик на деревьях не шелохнется! Учтите, мы отправились на самую опасную охоту за все последние годы: если ничего не выйдет, наша репутация будет погублена. А если Голодный Посланник поймет, что происходит — молберан чувствует магию не хуже Эйнара или Духа Реки! — наши обглоданные косточки завтра обнаружат на берегу Быстротечной.

Аделард громко всхлипнул, а Рэльгонн поморщился и предложил охотникам держаться поближе к нему — в самом крайнем случае упырь перенесет людей через Ничто в безопасное место.

Перед самым мостом охотники свернули налево — было решено атаковать старый замок с другого берега реки, от большой глубокой заводи расположенной прямо напротив Черного холма. Киммериец и Гвай с кряхтением притащили тяжелого дракончика на прибрежный песок (дохлая рыба, выброшенная из Быстротечной, уже начинала пованивать), вода внезапно забурлила и показался Дух Реки, поджидавший охотников. Опять зачирикал, обращаясь к Эйнару.

— Он говорит, что воплощенное зло пока не вернулось в логово, — перевел броллайхэн. — Боги бессмертные, воображаю какие новости придут завтра из соседних деревень!

— Объясни, что затопить надо будет не только ров, но и подземный ход, — сказал Гвайнард. — Причем сделать это придется очень быстро, чтобы Посланник не выскоцил из капкана!

— Он сделает, — кивнул Эйнар. — Магия стихии воды, которой владеет наш приятель весьма могущественна. Однако, вся надежда на месьора Аделарда и волшебство гиперборейцев... Почтенный, ты не забыл формулу повеления?

— Н-нет, — заикнулся алхимик. Он смертно боялся, а значит мог допустить ошибку и сорвать великолепный план Ночной Стражи. — Все помню, затвердил наизусть...

Гвайнард с сомнением покачал головой.

Ждали очень долго, не менее трех колоколов. Рэльгонн озабоченно поглядывал в сторону Кезанкийских гор, небо над которыми начало светлеть — перед восходом солнца упырь будет обязан улететь в Рудну, чтобы избежать ожогов, а то и гибели от лучей светила.

В этом случае помочь охотникам каттакан уже не сумеет.

— Мне показалось, или амулет становится холодным? — подал голос Конан, пощупав пальцами висящую на цепочке серебряную волчью голову.

— Все правильно, — тихо отозвался Эйнар. — Наши обереги чувствуют приближающуюся нечисть... Стойте спокойно, я попробую укрыть нас заклинанием, не позволяющим различать магию, хотя оно вряд ли отведет взгляд демона.

Ночная тьма постепенно замещалась синими предрассветными сумерками, и без того обостренное декоктами «ночное зрение» теперь позволяло различить самые отдаленные объекты — киммериец видел царапины на камнях старого замка и даже иголки на вершинах елей, растущих на противоположном берегу.

Высоко в небе за рекой показалась темная точка. Птица? Нет, чересчур быстро движется, да и никакая птица не движется таким невероятным зигзагом! Конан присмотрелся и понял: это он, Голодный Посланник! Тварь не походила ни на одно известное варвару существо. Амулет начал мелко колотиться в грудь.

— Эйнар, развязжи дракончика! — шепотом скомандовал Гвайнард. — Месьор Аделард, не подведи нас. Второго шанса не будет!

Старик мелко кивнул.

Молберан сделал круг над старым замком, теперь его можно было хорошо рассмотреть — тело небольшое, размером с человека.

Крылья не кожистые, как у нетопыря, а покрытые черными перьями, круглая голова, которая, как казалось, состояла только из зубов и точек отсветывающих ядовитой зеленью глазок — таковых оказалось не меньше десятка, а то и двух десятков.

Но самое удивительное было в том, что демон постоянно менял форму тулowiща — оно то вытягивалось, будто арбалетный болт, то снова превращалось в поддерживаемый крыльями мешок, растекалось в воздухе подобно огромному слизню, выбрасывало извивающиеся шупальца как морская звезда. Конан понял, отчего Рэльгонн говорил о том, что у Посланника нет устоявшегося облика — он изменялся каждое мгновение...

Охотников демон не видел или предпочитал делать вид, что не замечает. Сейчас, после долгой и несомненно удачной охоты, монстр утерял свою стремительность. Впрочем, спешить ему было некуда — насытившаяся тварь кувыркалась в воздухе, падала и снова взлетала к небу, а спустя половину квадранса попросту исчезла за кронами сосен.

Дух Реки коротко пискнул и нырнул в волны.

— Посланник вернулся в логово, — скороговоркой бросил Эйнар. — Аделард, начинай. Быстрее!

* * *

Конана слегка мутнило — пускай Быстротечная и защищала охотников от истечения черной магии, вокруг замкового холма словно бы возник туманный ореол, некая аура зла куполом накрывающая берег реки.

Киммериец начал понимать, отчего Синяя Морда чувствовал себя до крайности неуютно — яд Бездны пропитывал воздух, землю и реку, хотя только проточная вода могла сопротивляться натиску чужеродного волшебства. Когда демон просыпался и вновь набирался сил, его присутствие чувствовалось даже людьми, не владеющими колдовским искусством.

— Сейчас, сейчас... — алхимик глубоко вдохнул, зажмурился и произнес первые слова повелевающего заклятия.

Нахохлившийся дракончик, доселе безучастно сидевший на прибрежном песке, вдруг оживился — вытянул обе головы, расправил крылья и подался вперед.

Похоже, заклинание действовало: появился запах грозы и засверкали маленькие светлые искорки.

Охотники на всякий случай отошли подальше — когда сосредоточенная в дракончике магия высвободится, это может быть опасно.

— Прекрасно, — когда Аделард закончил, Эйнар едва в ладоши не захлопал. — Сработало!

Конан оттащил задыхающегося от волнения алхимика в сторону.

Дракончик начал преображаться. Теперь он вовсе не напоминал уродливое живое существо, пристрастившееся к нежному овечьему мясу — его окутал теплый золотистый кокон, глаза загорелись алыми огнями, будто рубины под солнцем, крыльшки рассыпали тысячи огоньков, падавших в песок и воду реки.

Мгновение спустя над Быстротечной грянуло. Ночные Стражи не удержались на ногах — их повалил резкий порыв ветра, земля плавно качнулась и в уши протолкнулся устрашающий громовой раскат.

Киммериец, бывавший на Огненных островах возле полуденного побережья Кхитая, сравнил происходящее с извержением вулкана. Никто не

ожидал, что магия Равновесия окажется настолько мощной!

Волшебное существо оранжевым метеором взмыло к небу, описало плавную дугу и ринулось к камням у подножия Черного холма. Фонтан жгучих искр поднялся выше крон самых старых деревьев, возвышенность с развалинами замка внезапно оказалась окружена раскаленным огненным кольцом.

Шипел и трещал плавящийся гранит, ревели струи пара, по всей окружности разнесся тяжелый низкий грохот, наверняка переполошивший обитателей Райдора.

Со стороны противоположного берега волнами накатывал сухой жар — магия вгрызлась в скалу, окружая не просто рвом, а широченным каналом, сейчас заполненным жидким пламенем. Природное волшебство стихий вырвалось на свободу.

Конан невольно покосился на Аделарда. Конечно, старик никогда не создал бы заклинание подобной силы, но сумел использовать могущество сгинувшего во мгле веков гипербореца, все-го-навсего купив у собирателя древностей магический свиток! Будь у алхимика чуть больше знаний и опыта, но запросто мог бы снести Райдор до основания. Н-да, за Аделардом глаз да глаз нужен, а подобные манускрипты нельзя продавать сумасшедшим!

Людям показалось, что буйство огня продолжалось очень долго, хотя заклятие четырех стихий действовало всего несколько мгновений. Как только пламя начало меркнуть, в действие вступил Дух Реки и наглядно доказал, что списывать со счетов седую древность пока рановато:

Стихия воды не менее разрушительна, чем стихия огня — недаром говорят о капле, точащей камень.

Послышился глухой рокот, напоминающий шум морского прибоя, киммерийцу даже показалось, что он вновь очутился где-нибудь в Зингаре или на Барахас.

Вначале посреди реки образовался бурлящий водоворот, затем со стороны гор пришла огромная волна, едва не снесшая мост через Быстроочную, расположенный всего в полулиге к Полуночи.

Водоворот заместился огромным водным куполом, вспухшим над рекой, внутри него загорелось тревожное синеватое пламя, а затем огромная масса воды накрыла холм. Почва под ногами людей вновь содрогнулась, охотников окатило брызгами.

Конан ощущал, как амулет Стражи дважды ударил в грудь и начал постепенно успокаиваться.

Серебро уже не было ледяным, а просто холодным.

— Ну и таарам мы устроили, — Гвайнард вытер рукавом мокрое лицо. — Перебудили весь город, зарево наверняка видели даже в Пограничье и Полуночной Немедии! Как прикажете объясняться с Атрогом?

— Придумаешь что-нибудь, — отмахнулся Рэльгонн и вновь посмотрел в сторону восхода. Небо начало окрашиваться в золотисто-багровые краски. — Очень скоро я буду вынужден уйти, а поэтому следует взглянуть, насколько успешно мы справились с делом. Подождите недолго!

Упырь переместился через Ничто и вернулся на берег спустя четверть квадранса, улыбаясь во всю ширь своей зубастой пасти.

— Поздравляю! У нас все получилось! Говорил ведь: не стоит себя недооценивать! Вы, люди, способны вывернуться из самого сложного и безвыходного положения, стоит как следует подумать и отыскать путь к победе. Старый замок окружен водой со всех сторон, Быстроочная разделилась на два рукава огибающих новый остров — слово «ров» сейчас кажется мне неуместным. Голодный Посланник не сообразил, что происходит и оказался заперт в своем логове.

— Я всегда помнил о невероятной ограниченности и недальновидности Первозданного Зла, — важно изрек алхимик, про которого на радостях все позабыли. Старик попытался приобрести величественно-надменный вид и явно

считал себя главным героем событий уходящей ночи. — Я не требую награды месьоры. Настоящие великие маги трудятся бескорыстно, только во благо находящихся под их покровительством смертных!

«Не требуешь? — подумал Конан. — Вот и отлично! Герцог и без того осыпает тебя золотым дождем, хотя давным-давно должен был выпороть придворного мага плетью на рыночной площади Райдора!»

* * *

— Полагаю, этого будет достаточно, — его светлость Варт Райдорский указал на дюжину тяжелых кожаных мешочков, лежащих на столе. — Половина в золотых немедийских ауреях, вторая — серебром и драгоценными камнями. Я счел необходимым утроить награду.

«Всего лишь утроить? — киммериец мысленно сплюнул. — А говорил — озолочу!»

Впрочем, Конан зря жаловался самому себе на скучность герцога. Сумма получилась очень внушительная, не меньше годового дохода от средневекового баронства. Не «сфинкса», конечно, но жить можно — варвар уже прикидывал, во сколько обойдется праздничный вечер в «Синей розочке», единственном на весь Райдор веселом доме.

— Признаться, нам едва удалось избежать паники в городе, — хмыкнул Атрог, так же приглашенный на разговор в покоях светлейшего. — Столб огня над лесом, грохот, землетрясение — Я подозревал, что магические поединки могут привлечь к себе внимание посторонних, однако получилось излишне шумно.

— Наши извинения, — криво усмехнулся Гвайнард.

— Во-первых, никто не пострадал. Во-вторых, Голодный Посланник уже четыре дня как не появлялся за пределами старого замка, а следовательно наш расчет оказался верен: текущую воду нечистой силе не преодолеть. Мы нарочно провели одну ночь на берегу, наблюдая за развалинами — чудовище пыталось вырваться с острова, но река его не пропускала.

— Очень жаль, что убить молберана не получилось, — вздохнул герцог. — Придется завещать наследникам присматривать за Черным холмом и под страхом смерти запретить подданным плавать на остров. Через сорок одну зиму мне будет восемьдесят, если доживу, сам понаблюдаю за окончанием этой истории. Вы уверены, что демон погибнет?

— Если он уморил голодом половину жителей Райдора и злосчастного Ландерика сто шестьдесят лет назад, почему бы не отплатить монстру той же монетой? — сказал Эйнар. — Не знаю, как

много силы он получил этим летом и сможет ли протянуть до следующего пробуждения, но то, что однажды демон навсегда развоплотится, сомнению не подлежит. Надо лишь подождать.

— Одного не понимаю: какова была роль месьора Аделарда в этой истории? — Варт взглянул на поджавшего губы Атрога и снова перевел взгляд на охотников. — И откуда взялся двоеглавый дракон, напавший на замок? Это как-то взаимосвязано?

— Отчасти, — не краснея соврал Гвайнард. — Дракончик являлся порождением магии четырех стихий, Алого волшебства Равновесия — скорее всего он был создан гиперборейцами, сбежал от хозяина и прилетел к нам, в Райдор.

Мы зверя поймали и привезли в замок, его увидел Аделард и сразу понял, что дракончик может оказаться полезен — алхимик пробудил дремлющую в нем магию... Остальное вы знаете. Так что, месьор Атрог, тебе придется мириться с магом.

— Мириться? — взвился Охранитель короны. — Благодарю покорно! Я обещал впредь не обращать внимания на выходки старого идиота и только!

Хорошо, вы меня убедили: иногда Аделард может принести определенную пользу, но это происходит слишком редко. Нет, не так — маг оказался полезен один-единственный раз на моей

памяти! Мы разоримся, если и впредь будем потакать прихотям этого олуха!

— Атрог, прекрати считать мои деньги, — поморщился светлейший. — И представь себе, какие серьезные неприятности могли ожидать Райдор, не окажись в замке придворного мага! Он очень помог месьору Гвайнарду и его отряду, Ночные Стражи сами это признают!

— И теперь алхимик ходит по двору задрав нос выше донжона, кичась своими заслугами перед конюхами, поварятами и прачками, — Атрог позволил себе улыбнуться. — Хорошо, пускай живет, я больше не стану требовать его изгнания и...

Внезапно послышался громкий хлопок, треск ломающихся досок и в открытые окна потянуло зловонным дымом, пахнувшим серой и земляной смолой.

Со двора донеслись изумленные возгласы, а затем и крики о помощи.

Киммериец в один прыжок очутился возле узкого оконного проема, выглянул наружу и непринужденно пропел под нос несколько строк из старой пиратской песенки о пожаре на корабле.

Разумеется, горела лаборатория мэтра Аделарда, а привычная прислуга уже начала таскать воду из бочек.

— Я его убью! — взревел Атрог. — Убью собственными руками! Зарежу, как свинью на бойне!

Охотники обменялись понимающими взглядами.

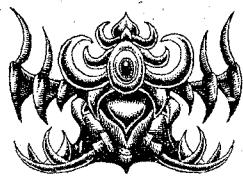
— Полагаю, нам следует вмешаться, — тихо сказала Асгерд. — Иначе Аделарду и впрямь не сносить головы...

Лилиан Трэвис, Мартин Шерр

ПРОПАВШИЙ КАРАВАН

В двадцатый или двадцать первый день второй осенней луны первого года царствования Конана Первого произошло событие, которое удостоилось быть занесенным в дворцовые хроники, как официальные, так и те, что велись по собственному почину королевским библиотекарем.

Почтенный Арчибалд, прослуживший много зим управителем замка короля Аквилонии, поднял голову от груды исписанных пергаментных листов. Разумеется, его повествование куда скромнее, нежели официальные хроники и уж, само собой, не может претендовать на громкую славу записок хранителя дворцовой библиотеки. Скорее всего, они так и останутся занимательным чтением для внуков, уже сейчас не дающих ему покоя своими расспросами о короле Конане, коего он удостоился чести лицезреть довольно близко.

— Что же тогда произошло? — раздался из угла нетерпеливый мальчишеский голос.

— Не спеши, память у меня не та, что раньше. Кажется, как раз эти знаменательные события, я и перенес на бумагу не далее как вчера ве-

чером. Где же эта страница? Ах, да, я же держу ее в руках...

Итак, его величество Конан Каннах Первый, войдя к госпоже Эвисанде, за глаза называемой «Ночной Владычицей», впервые увидел ее в слезах. Это вовсе были не те воспетые поэтами сверкающие капельки, которые, проливаясь из глаз любимой женщины, вдохновляют на самые немыслимые подвиги представителей сильной половины человечества — от короля до попрошайки. Слезы лились из ее глаз подобно горному водопаду, который низвергается каждую весну с южных склонов Карпашских гор, смывая все на своем пути и вызывая ужас у тех, кто оказался достаточно безрассуден, чтобы отправиться путешествовать в это время года. Госпожа Эвисанда была настолько огорчена, что даже не сразу заметила, что король почтил своим посещением ее покой.

— Но позволь... — снова перебил рассказчика самый нетерпеливый из слушателей. — Разве королева перестает ей быть в зависимости от времени суток?

— Разумеется, нет — ответил старик, придвигаясь поближе к огню, ярко пылавшему в очаге, несмотря на то, что день был не по-зимнему теплый.

— Разумеется, «нет» — повторил он — если речь идет о ее величестве королеве Зенобии,

и, разумеется, «да», когда дело касалось тех, кто пользовался расположением его величества лишь в ночные часы. Мне частенько случалось видеть этих красавиц, многих из которых, будь моя воля, я не позволил бы пустить даже на порог кухни.

Управителю королевского дворца по долгу службы приходится быть свидетелем того, что обычно предпочитают скрывать... Подлей-ка мне еще вина, Раус. Именно такое, розовое оффирское, предпочитала госпожа Бригитта, которая продержалась при его величестве не более двадцати дней. Она вообразила, что сделалась настоящей королевой... После нее была госпожа Лайле откуда-то из Турана; она была бесконечно опечалена, покидая дворец, несмотря на то, что прощальных подарков его величества было столько, что оказалось мало даже самой вместительной из повозок.

Сколько их было, этих ночных королев — дворянок и самого простого происхождения, теперь даже и не упомянуть. Когда Эвисанда появилась при дворе его величества, все считали ее не более чем одной из бесконечной вереницы тех, кто скрашивал часы его досуга. Слуги и воины из дворцовой охраны, несмотря на то, что это было строжайше запрещено, потихоньку бились об заклад, называя различные сроки ее пребывания в королевском дворце. Вскоре слова «Ночная

Владычица» в применении к ней превратились едва ли не в почетный титул.

— Она была очень красива? — перебил рассказчика старший внук, почти превратившийся из мальчика в стройного юношу.

— Не красивее прочих. У нее были прекрасные волосы, которые она иногда распускала и тогда они лежали на ее плечах подобно золотому плащу; глаза, похожие на поверхность чистейшего водоема в солнечный день. Но госпожа Эвисанда обладала гораздо более полезными качествами, чем красота, полученная как дар богов при рождении — у нее был острый проницательный ум и знание человеческой природы. Она не стремилась блесстать своими знаниями, не изводила всех истериками и капризами и не демонстрировала безграничную любовь, она... Я и сам не могу понять — почему, но прошло не так много времени, как она бесцеремонно вытеснила всех прочих: и тех, кто, покинув дворец, лелеял надежду вернуться; и тех, кто прилагал все усилия, чтобы занять место ночной королевы. Появляясь, они покидали дворец едва ли не в тот же день, а госпожа Эвисанда — осталась. И положение ее при дворе день ото дня становилось все более и более незыблемым.

— Хотела бы я обладать таким умением! — воскликнула молодая девушка, отложив в сторону вышивание.

— Вечно ты о каких-то глупостях как все девчонки! — произнес в сердцах ее младший братишка, который, усевшись прямо на полу, ловил каждое слово рассказчика. — Что же было дальше...?

— Дальше... о чём это я говорил? Ах, да, его величество застал госпожу Эвисанду в слезах...

* * *

— Что случилось? — встревожено произнес Конан, обнимая возлюбленную и пытаясь заглянуть ей в лицо. — Ты потеряла украшение? Если так, не огорчайся, у тебя их будет столько, сколько пожелаешь.

Но златокудрая красавица в ответ лишь всхлипнула, прижав к лицу платок из тончайшей огирской ткани.

— Может быть, потерялся твой любимый зверек, этот, прозрачный, у которого можно разглядеть все потроха? — продолжал допытываться варвар. — И это — не беда, я отправлю кого-нибудь в Ярмулак и тебе доставят нового. Говорят, что там обитает много занятных тварей. Хочешь настоящего скайфа или золотую эристрему, которая может выдыхать пламя? Или змею-ленту, чешуя которой переливается всеми цветами и светится в темноте? Рассказывают, что большую часть года она спит, тогда ты сможешь носить ее

на шее или в прическе как обычную драгоценность. Хотя, должен признаться, больше всего я люблю тебя без всяких украшений...

— Я так благодарна тебе — произнесла госпожа Эвисанда, не убирая от глаз платка и продолжая сидеть спиной к своему царственному возлюбленному, чтобы не оскорбить его взор видом своего заплаканного лица — но произошло и в самом деле нечто ужасное. Сын моей сестры — он живет в Пограничье, помнишь, я тебе рассказывала, — отправился с караваном куда-то в сторону Бритунии и исчез.

— Мало ли, что может произойти с молодым парнем — попытался успокоить ее Конан. — Засмотрелся на красивую девчонку, заигрался в кости, а может, перебрал в каком-нибудь из придорожных трактиров. Найдется, никуда не денется. В Пограничье теперь так же безопасно, как и здесь, — в столице. Даже разбойников не осталось. Эрхард сообщает, что забрели, было, какие-то пришлые; но сразу попались на глаза пограничному отряду. Те гнали их как оленей до самых пиктских земель.

— Пропал весь караван, до последнего человека — ответила Ночная Владычица и, забывшись, убрала платок и повернулась к его величеству. — Там просто негде было потеряться, но все же они исчезли — и люди и повозки с товарами.

Эти слова оказали на могучего киммерийца

поистине магическое действие. В глазах вспыхнули веселые огоньки. Мощная спина распрямилась, а мускулы, хорошо заметные под простым домашним одеянием, прямо на глазах налились силой. Король Конан Первый стал похож на дикого зверя, готового к прыжку.

— Не позволю, чтобы в пределах дружественного государства пропадали целые караваны! — загремел его голос подобно раскатам грома во время весенней грозы в горах северной Киммерии. — Кто бы ни был злодей, учинивший такое, клянусь Кромом, он дорого поплатится за такие штукки!

— Ты так великодушен, мой король — прошептала Эвисанда и улыбка показалась на ее лице, подобно солнцу, которое радует моряков после самой ужасной бури посреди Закатного океана.

* * *

Посланец был полон гордости. Еще бы, ему, только недавно принятому в младшие ученики одного из видных магов Гипербореи, доверили важное и ответственное дело. Ему нужно было, особенно не привлекая к себе внимания, доставить мудрейшему собрату, живущему в полуденной части Хаурана, ценный манускрипт. Свиток кхитайского пергамента представлял собой полный перевод Пропавшей Книги, не написанной

ни одним из живых существ, с толкованиями и комментариями, оставленные самим Светлым Архимагом. Учитель счел целесообразным не пользоваться для этой цели магическим каналом, который, как известно, прекрасно подходит, когда требуется переместить предметы или даже живых существ на довольно большое расстояние, но неизбежно вызывает колебания эфира, что не может не остаться незамеченным для вражеского ордена стигийских чернокнижников.

Между ними и Орденом Белой Руки существовало многовековое соперничество, которое большую часть времени тлело подобно углям в костре, время от времени, вспыхивая небольшими язычками пламени, но, несмотря на взаимную неприязнь, никогда не доходя до настоящей вражды. От открытого противостояния и тех и других удерживало разумное опасение, что равновесие темных и светлых сил будет неминуемо нарушено, и мир окажется ввергнут в пучину хаоса. Что бы ни говорили приверженцы возникшей сравнительно недавно Аloy Магии, о всемирном равновесии пеклись и те и другие, всякий раз во время останавливаясь, не дойдя нескольких шагов до опасной черты.

Но такой пустяковый случай, как пропажа манускрипта, не мог повлечь за собой сколь-нибудь серьезных последствий, тем более таких, что представляли бы угрозу для всемирного равновесия.

сия. Все это говорило о том, что доставить по назначению драгоценную посылку следовало с наибольшей скрытностью и осторожностью.

* * *

Юный Адриан в который раз украдкой засовывал руку в дорожную сумку из кожи водяного ящера, который если верить рассказам моряков, обитает в Закатном море и запросто может проглотить галеру вместе с гребцами, а удар его мощного хвоста без особых усилий способен обратить в щепки даже военное судно. Убедившись, что за последние четверть колокола с драгоценным манускриптом ничего не случилось, посланец вертел головой по сторонам, чтобы удостовериться, что его движение осталось незамеченным для окружающих и, только успокоившись, продолжал путь. Четверо храмовых охранников, которых дали ему в провожатые — это, конечно, хорошо, но кто знает, что может произойти, стоит лишь на мгновение отвлечься...

Дорога, ведущая по землям Пограничья и дальше на восход, была оживленной. Туда-сюда сновали одинокие путники. Попадались и отряды светловолосых воинов, в которых внимательный взгляд опознал бы оборотней. По дороге путешественники обогнали неспешно ползущий купеческий караван, везущий драгоценный груз.

смолы изумрудной ели, которую используют в благовониях с особенно тонким ароматом и золотых украшений, созданных подгорным народом — неутомимыми тружениками, для которых не существовало недоступных подземных глубин и с легкостью бравшихся за самый утомительный труд. Неподалеку от тракта попадались постоянные дворы, где можно было при желании дать отдох лошадям и людям, перекусить или задержаться на несколько дней. Многие из них были построены совсем недавно и толстые бревна, из которых по традиции Пограничья складывали дома, еще источали аромат свежего дерева. Неусыпными стараниями короля Эрхарда Пограничные земли из территории, куда люди опасались совать нос без крайней нужды, превращались в зажиточный процветающий край.

В одну из таких придорожных таверн и решили заглянуть путники. Тем более хозяйка, стройная светловолосая женщина, казавшаяся живым воплощением начала изобильной осени, с улыбкой предложила им отведать самые знаменитые блюда этих земель.

После обильной трапезы отправляться в путь не хотелось. Когда же на следующее утро после не менее плотного завтрака, они снова выбрались на дорогу, то увидели далеко впереди тот самый купеческий караван, который обогнали накануне.

Дорога, которая до сих пор была прямой как

полет стрелы, внезапно сделала резкий поворот. Стоило последнему всаднику скрыться из виду, как произошло нечто такое, что не может быть вызвано ничем иным как магией — это Адриан знал наверняка. Сперва в воздухе замерцало множество светящихся искорок, которые некоторое время кружили наподобие метели, сбивающей с пути безрассудных, решивших, что зимнее путешествие через Киммерийские горы им по силам. Порыв ветра, возникший непонятно откуда, сбил шапки с путешественников и едва не запорошил им глаза песком. Когда же они достигли поворота, то глазам их предстала поразительная картина: дорога впереди была абсолютно пуста. Купеческий караван растаял в воздухе до последнего человека.

Но это оказалось далеко не все. Ни Адриан, ни его спутники отчего-то теперь не могли вспомнить, куда и зачем они ехали. Наконец после множества усилий им удалось припомнить, что они должны доставить Учителю редчайшую рукопись, дар его ученого собрата. Ту самую, что удобно покоится в дорожной сумке из кожи водяного ящера.

* * *

В замке, стоящем посреди безжизненной равнины, где обитали только одетые в чешую песча-

ные ящерицы и тени мертвых, все было приготовлено для магического ритуала. Зал, стены и потолок которого были сложены из матового черного базальта, а потолок терялся в полумраке, — был полон крохотных огоньков. На полу из темно-красного камня стояло множество причудливых светильников, рядом с которыми в воздухе висели язычки пламени. Полированная поверхность пола казалась озером крови, над которым парят призраки невинных жертв.

Хозяин замка — высокий старик, настолько худой, что, казалось, на его костях нет ничего кроме высохшей кожи — не сводил черных глаз с выложенного светлым камнем круга. По его внешней границе было расставлено множество плошек с горящим жиром арвана — морского животного, обладающего голосом невероятной силы. Рыбаки, заслышав в тумане его низкий утробный рев, принимали его за рык демона морской стихии и в ужасе падали на палубу, затыкая себе уши...

Нет, на этот раз черный маг, аколит Сета — стигиец Яхмос не замышлял ничего основательного вроде вызывания демона или перехода в полуторонний мир. Речь шла всего-навсего о небольшом развлечении. Один из гиперборейских мечтателей решил преподнести другому в дар перевод старинного манускрипта со своими жалкими комментариями. И этот глупец не приду-

мал ничего лучшего, как отправить подарок с гонцом, простодушно полагая, что эта простая хитрость останется незамеченной для хайборийских чернокнижников...

Яхмос рассмеялся и смех его напоминал скрип сухого дерева.

Разумеется, он вовсе не нуждается в этом свертке исписанного пергамента; ведь его колдовская библиотека по праву вызывает зависть у всех, практикующих магию. Нет, он просто позволит себе небольшую забаву — добавит пару своих комментариев к списку гипербореца. Ведь Светлому Архимагу будет любопытно прочитать слова, продиктованные мудростью Черного Сета и он лишний раз вспомнит о том, что настоящий владыка всего сущего — это Великий Змей и нет ничего на хайборийских землях, что происходило бы без его ведома. Отчего же не доставить себе удовольствие и ненадолго похитить гонца? Сет, его всесильный повелитель, позволяет своим последователям не так уж много радости, справедливо считая, что грядущая власть над миром, которую обретет Великий Змей после победы над Солнечным Богом, с лихвой окупит былое отсутствие низменных удовольствий...

Тусклые синие огоньки, едва виднеющиеся над плошками с жиром чудовищного создания морской стихии, вдруг ярко вспыхнули и выросли втрое.

Время пришло.

Не сводя глаз с середины освещенного круга, Яхмос раскинул руки и, даже не заглянув в лежащую перед ним книгу, содержание которой давно знал наизусть, пропел завершающее заклинание.

Вздрогнули стены, как будто от сильного подземного толчка, в закрытом помещении пронесся порыв холодного ветра, и закружилась метель ослепительно-белых искорок. Огоньки разом погасли и в зале воцарилась темнота, но, даже не прибегая к сумеречному зрению, Яхмос уже знал, что больше не один.

Раздавшиеся звуки подтвердили его правоту. Посыпалось испуганное лошадиное ржание и несколько мужских голосов, вопрошавших, куда это к Эрлику их занесло и каким демонам вздумалось шутить шутки.

Черный маг щелкнул пальцами и под потолком повис светящийся шар, ярко осветив каждый уголок. Яхмос взглянул на тех, кто появился в середине круга из светлого камня и тут же ощутил сильнейшее желание заскрипеть зубами и выругаться на всех известных ему языках, включая те, на которых давно не говорит никто из ныне живущих.

В хитроумную ловушку попались совсем не те, кого он ждал! Вместо младшего ученика гиперборейского выскочки, именующего себя ма-

гом, и нескольких храмовых стражей черный маг увидел повозку, запряженную двумя мохнатыми низкорослыми лошадками туранской породы. Не слишком красивые с виду, они ценились за то, что могли почти без отдыха преодолевать огромные расстояния, почти не завися от жары или холода...

Рядом беспокойно перетаптывались, пытаясь успокоить своих лошадей несколько всадников. Один из них — молодой мужчина, одетый богаче других, сделал над собой усилие и, тщетно пытаясь подавить дрожь, небрежно поинтересовался у чародея:

— Скажи, почтеннейший, где это мы?

— Все было так, как будто снежный гигант из Ванахейма сгреб нас на ладонь и переставил на другое место — вступил в разговор мужчина постарше в простых кожаных доспехах. — Клянусь Митрой!

— Вы в царстве Сета, смертные — ухмыльнулся Яхмос, обнажив мелкие заостренные зубы. — Иначе говоря, вы в Стигии, в моей скромной обители. Боги решили посмеяться над нами и помешали моим замыслам. Вы не те, кто мне нужен, а посему я отправлю вас на то же место, откуда вы были перенесены сюда. Но это произойдет не сейчас. Ритуал может быть повторен не раньше чем через полторы седмицы. Но раз Великому Сету было угодно, чтобы именно вы попали сюда — то

так тому и быть! Все это время вы не будете испытывать нужды ни в чем. Но кто вы? Назовите свои имена!

— Я Миэлин, купец из Вольфгарда — ответил тот, кто начал разговор — а это мои охранники. Мы следовали в Британию... Но, проклятье Эрлику, где все остальное? Где люди, где обозы с товаром? Куда ты подевал мой караван, стигиец?

— Не тревожься, купец, они продолжают свой путь и пребывают в заблуждении, что тебя задержали важные дела и впоследствии вы их нагоните. Мое имя — Яхмос, и это имя известно многим в Хайбории. А что в твоем караване, купец? Какой товар ты везешь?

— Яхмос?.. Ты сказал — Яхмос?

Имя мага произвело впечатление на Миэлина: ужасная слава некроманта долетела даже до Пограничья.

— Мы везем золотые украшения работы киммерийских кузнецов и смолу изумрудной ели — закончил купец, стараясь не выказывать страха.

Довольный произведенным впечатлением, Яхмос ударил в миниатюрный гонг из блестящего красноватого металла, непонятным образом появившийся в его руке.

В ответ на высокийibriующий звук открылись двери, которые до этого казались частью стены, и на пороге появилось несколько высоких фигур, отдаленно напоминающих челове-

ческие. Но от людей их отличали огромный рост, кожа, покрытая серо-зеленой чешуей и немигающие глаза рептилий.

— Мои подручные помогут вам сполна ощутить наше гостеприимство, — произнес чернокнижник. — Здесь в пустыне невозможно найти слуг-людей, а посему приходится очеловечивать песчаных ящеров. И, кстати, купец, я желаю взглянуть на твою еловую смолу. — Как знать, может быть вам не придется сожалеть о том, что вместо Бритунии вы оказались в наших краях. Но мне очень важно знать, как далеко от Киммерийских гор она была собрана и в какое время года. Было бы также неплохо чтобы мне поведали, как выглядело тогда ночное светило, но, боюсь, вряд ли вам это известно...

— Как приятно видеть живых людей в этой обители скорби! — раздался капризный девичий голосок:

Прямо из толщи стены появилась девушка, едва разменявшая свою пятнадцатую зиму. Даже не самый внимательный зритель заметил бы в ней бесспорное сходство с хозяином замка. Вшедшая была одета в ослепительно-желтое шелковое одеяние, отчего казалась ярким цветком, непонятно как оказавшимся в этом мрачном помещении. Ее фигурка была увешана множеством блестящих украшений: в угольно-черных волосах, на шее, руках и даже ногах было столько

драгоценностей, что с избытком хватило бы, чтобы обеспечить всех многочисленных жен иранистанского владыки. Лицо девушки было покрыто причудливым черно-белым рисунком, изображающим магические символы.

Девушка завертелась на месте, отчего все ее украшения издали мелодичный звон. После этого она за считанные мгновения успела обежать вокруг группы потрясенных гостей, погладить одну из лошадей, чмокнуть в нос другую, вскочить на самый верх повозки, послав оттуда всем присутствующим приветственный жест, и легко спрыгнуть оттуда, едва не наступив на хвост одного из слуг-ящериц.

— Какие они нелепые! — расхохоталась озорница. — Нелепые люди, на нелепой повозке с нелепыми животными. Впрочем, эти забавные существа привезли много золотых украшений, а это так славно! Мне скучно, а эти дешевые побрякушки позволят мне слегка развлечься....

Черный маг, именем которого пугают детей от Гипербореи до Аквилонии, о котором вполголоса рассказывались леденящие душу истории, смотрел на все происходящее, ласково улыбаясь.

— Не стоит вести себя как ребенок, ведь ты уже взрослая... Это моя дочь, путники, моя единственная дочь Файонарана. А это, дитя мое, Миэлин, купец из Пограничья и его спутники. Некоторое время они пробудут у нас.

— Из Пограничья, как интересно! Купец, раз ты оттуда, то, стало быть, должен уметь превращаться в волка? Нет? Какая жалость! А у меня был ручной волк, но он удалился на Серые Равнины, хотя я о нем заботилась: мыла душистой эссенцией, расчесывала шерсть и кормила сладостями. Теперь мне не с кем играть. Ведь ситты слишком глупы для этого! А еще они боятся, что я наступлю им на хвост. Хотя меня так и подмывает это сделать: ведь он так потешно отваливается. Но дело в том, что им лень отращивать новый, а без хвоста ситам трудно удерживать равновесие...

— Успокойся, дитя мое. Ты утомила гостей. Они нуждаются в отдыхе. Ты ведь не хочешь, чтобы они закончили свои дни так же, как твой волк?

— Конечно, нет, особенно купец, он выглядит совсем неплохо!

— Иди к себе, — поморщился черный маг и, обращаясь к несколько оторопевшим жителям Пограничья, добавил: — ступайте, слуги проводят вас.

* * *

Невольные гости, потрясенные увиденным зрелищем, покинули зал, испуганно косясь на сопровождающих их полуящеров. Устроив лошадей

в конюшне и проследив, чтобы тюки с товаром были аккуратно сложены в кладовой, люди собирались в одной из комнат, и принялись делиться впечатлениями. Особое место в разговорах заняла дочь хозяина замка и то внимание, которое она оказала молодому купцу.

Купец не разделял общего веселья и мрачно сидел в стороне. Ему очень не нравилась та история, в которую они невольно оказались вовлечеными. Как и любой простой житель Хайбории, он старался держаться подальше от любых проявлений магии, и ему даже в страшном сне не могло присниться, что боги уготовят ему столь жестокое испытание.

До самых дальних пределов Пограничья долетали слухи о ужасном чародее Яхмосе и его избалованной дочке, которой дозволялось все. О ней рассказывали такое, перед чем бледнели самые причудливые из фантазий бродячих песнопевцев.

Ходили слухи, что некромант Яхмос тяготился той одинокой жизнью, которую вынужден был вести. Даже приверженность к культу Сета не убила в нем человеческие чувства, которые под спудом запрета лишь приобрели причудливые черты. Но, несмотря на все приложенные им усилия, ни одна женщина добровольно не пожелала связать судьбу с черным магом, имя которого обросло множеством кошмарных легенд. Даже рабыни, которых покупали по его поручению в са-

мых глухих уголках, предпочитали сводить счеты с жизнью, лишь бы не оказаться на его ложе. По непонятной причине Яхмос не хотел прибегнуть к помощи магического искусства, дабы заполучить расположение кого-то из женщин. Поговаривали, что такова была цена, заплаченная Отцу Тьмы в обмен на покровительство.

Впрочем, Яхмос недолго горевал об этом. Однажды, он, в сопровождении своих неизменных спутников — полулюдей-полужещер — проник в одну из древних гробниц, построенных, если верить легендам, еще до начала времен, когда мир был молод, а боги жили среди людей. Там в каменном саркофаге, покрытом магическими символами, он нашел мумию верховной жрицы Деркэто, чье рвение в служении своей богине давно стало легендой.

Взглянув на покоящуюся там безжизненную мумию, в которой вряд ли можно было угадать черты самой прекрасной и соблазнительной из женщин, Яхмос в тот же миг потерял покой. Душа некроманта, в которой нежные чувства даже в молодости были такой же редкостью как снег в столице Офира, преисполнилась самой настоящей страстью.

Много зим приучая себя к мысли, что союз с настоящей, полной жизни женщиной будет серьезным отступлением от культа Сета, он не смог устоять перед высохшими останками.

Несколько суток провел он в древней гробнице, но богиня сладострастия не желала расставаться со своей преданной служанкой, поэтому ни одно из заклинаний не возымело действия. Тогда Яхмос с величайшими трудностями и бесстрашно преодолев возникшие на его пути бесчисленные препятствия, доставил предмет своего вожделения в свою обитель и потратил много сил на то, чтобы оживить красавицу.

Несколько лун спустя, женщина все же открыла глаза и заговорила; а спустя еще пару седмиц, она уже смогла ответить на пылкие чувства своего обожателя. Но вопреки всем ожиданиям и чаяниям, это не принесло Яхмосу счастья. Ведь ожив, новоявленная спутница жизни утратила всякое сходство с мумией, что лишило ее в глазах некроманта былой привлекательности. И потом: то ли верховная жрица Деркэто слишком долго пробыла за порогом смерти, то ли заклинания, оказали не то действие, какое требовалось, но характер у ожившей жрицы оказался совершенно не соответствующий ее миловидной внешности.

Женщина, прекрасная как солнечный день на берегу Закатного моря, испытывала величайшую любовь к интригам и сплетням, рассказывая их за неимением слушателей даже пустым стенам. Она находила огромное удовольствие в том, чтобы устраивать скандалы, изыскивая причину для ссор с величайшей изобретательностью. В довер-

шение всего, ёдва оправившись после рождения дочери, жрица богини сладострастия ухитрилась за краткий промежуток времени изменить Яхмосу почти со всеми его слугами-ящерами, несмотря на разницу в анатомии между человеком и рептилией.

Поэтому некромант, не желая уничтожать творение рук своих, перенёс истощившую его терпение бывшую мумию, в замок одного из мелких гандерландских дворянчиков. Судя по долевшим до него потом отрывочным сведениям, там ей понравилось гораздо больше...

А дочь их осталась жить в замке отца на попечении ситтов и прочих магических существ, которых в жилище некроманта всегда было более чем достаточно. К счастью, нравом она пошла не в собственных родителей: она не унаследовала ни вздорность матери, ни угрюмость отца. Но причины для огорчений у Яхмоса все же имелись. Девочка питала нездоровую страсть к огню, а также ко всему прочему, что только блестело, сверкало и переливалось. Кроме того, она с юных лет была не по-женски упрямая и привыкла любыми путями добиваться всего, чего ей хотелось.

Привыкнув, что для нее не существует запретов, дочь некроманта и верховной жрицы Деркэто порой вела себя так, что от ее выходок приходили в ужас даже покрытые чешуей няньки. К досаде отца, она не проявила никакого интереса

к чтению и изучению наук, а в магическом искусстве ее интересовало лишь то, что может повторствовать ее шалостям. Нельзя сказать, чтобы Файонарана была ленива или лишена усердия, просто она привыкла получать то, чего ей хотелось безо всякого труда.

Так продолжалось много зим... Но время шло и дочь мага наконец достигла того возраста, когда покой юных дев начинают смущать мечты о прекрасном принце. И тогда она решила, что ее всесильный отец, с детства потакавший всем ее желаниям, предоставит ей требуемое с той же легкостью, с которой до сих пор доставлял игрушки и украшения.

* * *

Юная особа с аппетитом уплетала сладости, развалившись на узорчатом султанапурском ковре в своей комнате, похожей на большую птичью клетку. Ее щебетание не утихало вот уже пару поворотов клепсидры. Тугоухие ящеры стояли у дверей и равнодушно внимали болтовне своей госпожи.

— Он посмотрел на меня и влюбился с первого взгляда, ведь в древних легендах всегда бывает именно так. Ясно, что теперь он не находит покоя и мечтает просить у отца моей руки. Кстати, во время вечерней трапезы я нарочно не ста-

ну смотреть в его сторону, чтобы немного его помучить. И поутру, когда приду выбирать украшения, тоже буду вести себя так, будто ничего не замечаю. Препятствия лишь усиливают любовь, разжигая ее от крохотной искорки до степного пожара. Но следует позаботиться, чтобы в мужчине теплилась надежда, иначе чувство может угаснуть... Не помню, кто мне об этом говорил, может, вообще никто... Я стану незаметно подглядывать, как этот несчастный умирает от любви. Это так же забавно как привязывать бечевой за лапки зеркального эстрамуса, всякий раз держая за нее назад, когда тот уже пребывает в уверенности, что свободен.

— Но свободным людям не свойственно проявлять чувства по заказу, юная госпожа — послышался в ответ слабый шипящий голос.

— А его вообще никто не будет спрашивать! — топнула ножкой дочь мага. — Воспылает страстью, когда мне захочется и не разлюбит, пока не прикажу. Но вообще не буду я ему этого приказывать, пусть мучается вечно!

Служанка-ящерица в ответ лишь сокрушенно покачала головой почти человеческим жестом и на всякий случай спрятала под лавку длинный хвост, покрытый крупными серо-зелеными чешуйками. Ах, если бы это взбалмошное создание, поток неразумных речей которого похоже неиссякаем, не было любимой дочерью Хозяина...

* * *

Король Конан, вошел в малый тронный зал, где приказал собраться первым лицам государства. Киммериец был хмур и озабочен. Таким его давно уже не видели. Чаще всего повелитель Аквилонии чурался рутины государственного управления, предпочитая пустым разговорам реальные дела.

Северянин уселся, положив руки на резные подлокотники трона, и некоторое время оставался неподвижным подобно статуе Исполина Льдов, восседающего в своих нордхеймских чертогах. Придворные, глядя на своего короля, в ужасе терялись в догадках, какая напасть готова обрушииться на их головы в самое ближайшее время.

— Землям Пограничья пользующимся нашей защитой и покровительством, брошен вызов, — наконец мрачно заявил Конан, пристально оглядывая свиту. — Кто-то злонамеренно похитил цепный караван, следовавший в Британию. Клянусь Кромом, если никак не ответить на это неслыханное оскорбление, то все вокруг будут считать, что держава наша ослабла, и не может защитить тех, кто считает себя в безопасности под ее мощным крылом! А посему я желаю, чтобы сотворивший это получил по заслугам, но, прежде всего я жажду услышать имя виновного, дерзнувшего сотворить такое. Для этого злодея нужно разы-

скать и изобличить. Кто из вас готов взять на себя эту нелегкую, но почетную миссию?

Среди придворных прошел шепоток, но вперед никто не вышел.

— Значит ли это, — продолжил Конан мрачным и торжественным голосом, — что обида, нанесенная дружественному государству, сойдет негодяям с рук? Что ж, если аквилонские дворяне не желают отрываться от мягких подушек и объятий наложниц, то их король сам отправится в поход, чтобы восстановить справедливость! Я все сказал!

Облегченный вздох был ему ответом: мало кто из изнеженных аквилонских нобилей был готов пару седмиц трястись в жестком седле только для того, чтобы расследовать исчезновение какого-то безвестного каравана.

— Владыка Тарантии прав, да благословит Митра его судьбу. Честь Аквилонии требует, чтобы любое, даже самое мелкое злодеяние не оставалось безнаказанным, — выступил вперед сенешаль, — Слава Великому Конану, справедливому и мудрому королю!

Его последние слова были заглушены ревом труб герольдов и бряцанием обнаженных мечей дворцовой стражи. От воздушной волны пламя факелов на стенах заколебалось.

— Слава Аквилонии! — варвар ударил кулаком по своей мощной груди, — клянусь Солнце-

ликом, — я найду виновного и накажу по справедливости. Выступаем завтра утром. Эскорт небольшой: дюжина гвардейцев из Серебряного Отряда. Вряд ли дело стоит того, чтобы снаряжать целую армию...

* * *

Ранним утром следующего дня небольшой отряд, под предводительством Конана из Киммерии, отправился в путь.

* * *

До столицы Пограничных земель они добрались без особых приключений, встреча с королем Эрхардом также не была отмечена никакими особыми событиями. Старый друг был очень рад увидеть своего царственного собрата и после вечерней трапезы, властители решили размять кости и прогуляться по улицам Вольфгарда.

Оставив гвардейцев развлекаться во дворце, Конан с Эрхардом сели на коней и, в сопровождении свиты из семи воинов, посетили рынок, потом заглянули в недавно построенный храм Владыки Света. К концу прогулки аквилонский владыка уже откровенно начал скучать. Несспешное передвижение по мощеным улицам города было не для него. Стоило покидать Тарантию то-

лько для того чтобы вот так, подобно пожилым жрецам Асуры, еле плестись по закоулкам Вольфгарда.

Копыта коней размеренно цокали по камням мостовой, как вдруг варвар прислушался и слегка приподнялся в седле.

— Музыка, Кром! Я слышу музыку. И Нергал меня забери, если это не звуки рамбутов, которыми в придорожных тавернах услаждают слух усталых путников.

— Твой слух тебя не подводит, Конан, — усмехнулся Эрхард, — за поворотом есть хорошее местечко, куда я был не прочь заглянуть в бывшие годы.

Конан натянул поводья.

— Пожалуй я не прочь бы был отведать доброго унганского вина, которым, как утверждают, славятся твои края, Эрхард!

— А еще хвалят жаркое из оленины, — широко улыбнулся в ответ король и хлопнул северянина по мощной спине, — годы не берут тебя Конан, видно, что сидеть на троне тебе нравится куда меньше, нежели отплясывать с девками, пить вино и махать мечом.

В ответ Конан расхохатился, обнажив крепкие зубы.

— Ты знаешь, чем угодить своему гостю, король!

Они уже поворачивали на улицу, в конце которой располагалась таверна, как вдруг лошадь

первого всадника заржала и шарахнулась в сторону. Прямо под ноги ей выскочил какой-то темный комок. Забрякали мечи, но Конан поднял вверх руку, успокаивая гвардейцев.

Прищурившись он разглядел прямо под копытами лошадей, небольшого волчонка со спутавшейся шерстью. В пасти его что-то белело, похожее на свиток. Волчонок разжал зубы и аккуратно положил свою ношу на мостовую, а потом облизнулся и сел, посмотрев варвару прямо в глаза. Спешившись, Конан нагнулся и поднял свернутый в рулон пергамент, на котором болтлась зеленая восковая печать с изображением птицы-ворчуна, сидящей на алтаре. Развернув письмо, киммериец прочитал вслух:

«Маг Гристиан считет за честь присоединиться к Конану королю Аквилонии и оказать помощь в его поисках».

Киммериец внимательно посмотрел на юного оборотня.

— Передай своему хозяину, что я ценю его заботу, но воины Крома не нуждаются в советах колдунов!

— Знаешь, Конан, я бы не стал чураться помощи одного из сильнейших магов Гипербореи, — крякнул Эрхард, — и уж тем более ссориться с ним.

— Гристиан — это не гиперборейское имя, — нахмурился киммериец и повернулся к владыке

Пограничных земель, — впрочем, какая разница, как зовут этого слугу Лухи.. Что ж, ты здесь хозяин и долг гостя не спорить с добрыми советами. Если Огненноликому угодно, чтобы король Аквилонии принимал помочь северных чернокнижников, значит так тому и быть!

— Ты не пожалеешь о своем решении, король! — раздался голос слева от Конана, — с помощью магического искусства я сумею узнать — куда деляся караван.

От неожиданности рука Конана дернулась к мечу, но остановилась на полпути.

Гвардейцы обнажили мечи. Вспыхнули факелы. Сумерки на мгновение сгостились и приобрели очертания человеческой фигуры. Затеплился неяркий зеленый свет и перед киммерийцем появился худощавый бритоголовый мужчина с ключим взглядом.

Пришелец был одет в темный хитон, отороченный рысцым мехом. По ткани его одеяния в отблесках огня струились угловатые знаки гиперборейских октограмм. Крепкие пальцы незнакомца сжимали посох из красного аргосского дуба, навершие которого было украшено шаром с изображением Руки Лухи — Владычицы Похиолы.

Гвардейцы Эрхарда медленно обступили мага, но тот, казалось, не замечал ни круга острых мечей, не чувствовал жара факелов, — он смотрел в глаза варвару.

Их взгляды скрестились, но киммериец не отвел глаз. И лишь отметил про себя, что этот маг не походит на тех некромантов, чья черная кровь не единожды стекала по лезвию его меча. И, как знать, может быть капризная судьба не зря послала им такого спутника...

— Ты едешь с нами маг! — наконец сказал Конан и, раздвинув стену из гвардейцев, зашагал в сторону таверны.

* * *

Файонарана увлекала своего гостя вглубь цветущего сада. Сначала Миэлин пришел в восторг при виде куртин, пестреющих всевозможными цветами, кустов, ветви которых были не видны за одуряющие пахнущими лепестками, свисающими с деревьев лиан, увешанных капельками темно-красной ароматной смолы. Но скоро восторг его сменился неподдельным ужасом.

Стоило молодому человеку наклониться, чтобы получше рассмотреть растущий на мягкому изумрудном мху цветок, формой напоминающий оранжево-желтую бабочку, как тот, подпрыгнув на внезапно удлинившемся стебле, вцепился в его ухо крохотными, но необычайно острыми зубками. Отпрыгнув подальше от хищного растения, купец почти наступил на куст мохнатых бело-зеленых цветов, на вид совершенно безобид-

ных. Но, стоило к ним нечаянно прикоснуться, как изящные лепестки намертво приклеились к одежде, стремясь добраться до тела. Лиана, покрытая крохотными клейкими листочками, опустилась ему на плечи и стала обвиваться вокруг тела гостя из Пограничья, как будто пробуя его на прочность.

— Ты им нравишься! — залилась беззаботным смехом дочь колдуна. — Они только с виду такие ласковые, а на самом деле это хищники, которые обожают лакомиться человечиной. Отец отобрал этот сад у колдуна Сайлемуса, которого победил в магическом поединке. Этот несчастный жил на острове посреди океана в каком-то ином пространстве? А чтобы кормить растения, он прививал к своему острову проплывающие мимо корабли. Когда те разбивались в щепки о рифы, люди добирались вплавь до острова, где их уже ждали вот эти крошки... Но в нашей пустыне нет моря и людей тоже мало, разве что иногда забредают купеческие караваны. Но тебе не грозит их участь, ведь я решила, что тебе уготована честь стать моим возлюбленным...

— Прости, госпожа — произнес Миэлин после того, как не менее четверти колокола вяло рассматривал лиану, которая старательно силилась обвиться вокруг его талии. — Вряд ли я достоин такой чести. И сомневаюсь, что твой уважаемый отец оценит такой выбор...

— Отец не станет препятствовать моим желаниям — глубокомысленно заявила очаровательная хозяйка сада, усевшись на резную скамью под дерево и болтая ногами. — Тебе здесь понравится, вот увидишь. Будем вместе развлекаться с этими плотоядными цветами, и играть с ящерами. А теперь я хочу, чтобы ты меня поцеловал! Словно на миниатюре в шемском манускрипте:

Непутевая дочь мага кинулась к нему в объятия и потрясенный Миэлин, не ожидавший такого напора, не устоял на ногах и шлепнулся на землю. Длинные синеватые травинки, цветом напоминающие нити офирских мастерниц, живо отпрянули в стороны и купец из Пограничья остался лежать на жесткой земле. Над ним, подбоченясь, стояла Файонарана и заливалась смехом. Купец, проклиная свою судьбу, поднялся на ноги и выпалил:

— Я не собираюсь ни жениться на тебе, госпожа, ни становиться твоим возлюбленным. Я не ручная ящерица и к тому же меня в Вольфгарде ждет невеста. В ближайшее время, если Митра будет милостив, я, вместе с моими провожатыми, навсегда покину угодья твоего отца. Не держи на меня зла, дочь чародея, но мое сердце принадлежит другой!

— А она... красивая? — растерянно спросила девушка, — красивее меня?

— Несомненно! — в сердцах ответил купец, пытаясь отодрать от себя один особенно настырный цветок, который ухитрился прокусить ткань на рукаве и намертво присосался к телу, причиняя жжение. — И, что особенно важно, умнее! К тому же, ей достает вкуса не обвешиваться побрякушками как водонос в Заморе и не мазать лицо подобно шаману Похиолы!

— Ах, так! — воскликнула отвергнутая девица. — Значит, я для тебя недостаточно красива и достаточно глупа! Что ж, ты сам выбрал свою судьбу! Если я тебе не гожусь, то и твоей девке тебя не видать. Не хочешь жениться на мне — отправляйся к рабирийским гулям. Думаю, что их поцелуи доставят тебе больше удовольствия!

Она пропела что-то непонятное, начав почти басом и постепенно повышая голос, который превратился в царапающий уши пронзительный визг. Миэлин хотел было возразить и уже открыл рот, как внезапно вокруг молодого человека сгустилась тьма, голова закружилась, а в ушах раздался звон, будто кто-то разом привел в движение множество колокольчиков.

Когда, наконец, все стихло, купец из Пограничья открыл глаза и тут же в ужасе закрыл их снова. Не было ни назойливой девицы, ни сада с плотоядными растениями. Всюду, куда ни посмотрел, виделись горы, покрытые лесом.

И он был совершенно один.

* * *

Они ехали всего пару колоколов, когда Гристиан спешился и сделал знак всем остальным остановиться.

Местность вокруг ничем не отличалась от той, которую они имели возможность видеть с того момента, как за ними захлопнулись городские ворота. Утоптанная высохшая земля, на которой отпечатались глубокие следы от колес повозок и копыт, оставшиеся еще с ранней весны, когда дорога была настоящим подобием непролазного болота, в котором согласно учению оффирского жреца Альвиндо, будут вечно барахтаться после смерти те, кто не нашел в себе силы сопротивляться превратностям судьбы...

Ничего примечательного не было ни в виднеющихся за деревьями бревенчатых строениях, ни в лесной чащбе. Было непонятно: что могло насторожить гиперборейца.

Чародей некоторое время бродил по обочине, словно слепец или человек, который никак не может отыскать потерявшийся предмет. Кони фыркали и нетерпеливо перетаптывались, но Конан и его стража никак не проявляли нетерпения. Наконец маг остановился посреди дороги и, покачивая бритой головой, принялся чертить посохом на земле неровные круги и волнистые линии.

— Дальше они и не поехали — бормотал он себе под нос — да, хорошая работа, такое количество народа и на таком расстоянии... Нет, не такая уж хорошая... хотя... ясно, вот в чем тут дело, клянусь вратами Халоги.

— Может быть, ты поведаешь нам, гипербореец, что так заинтересовало тебя в придорожной пыли? — не выдержал Конан.

— Сейчас, сейчас, — отмахнулся чародей, который в этот момент походил на человека внезапно разбуженного посреди ночи. — Вот на этом месте — он снова провел своим посохом черту поперек дороги — была поставлена магическая ловушка.

— Ловушка, на купеческий караван? — расхочатся черноволосый Ёвдис, опытный боец, на чьем теле было немало шрамов от пиктских стрел, — какому безумному чернокнижнику могло прийти такое в голову? Очнись, старик, если ты хороший маг, то знаешь сколько сил нужно потратить вашему брату, чтобы учинить такое... Да и кому под силу, рога Нергала, утянуть с дороги несколько повозок запряженных лошадьми и всадников сопровождения?

Гвардейцы дружно расхочатся.

Конан нахмурился.

— Мой боец говорит дело, маг. Может на пустотах Сигтоны это возможно. Ведь там сильны чары Белой Руки, но здесь, в Пограничье нет ма-

гов которые способны на такое. А если бы были, то я первый позаботился бы о том, чтобы они не могли навредить добрым людям.

Гипербореец усмехнулся.

— А кто сказал, король, что ловушка ставилась на караван? Та схема, которая здесь была установлена, именуется Квадратом Сиптха. У квадрата четыре угла, а это значит, что любой, кто хотя бы в состоянии пересчитать пальцы на собственной руке, поймет что ловушка была нацелена на четверых. Из чего следует, что четверо тех, кто рысил впереди, были перенесены туда, куда было угодно ловцу.

— Тогда где же остальные?

— Остальные испытали на себе действие закона равновесия и противодействия, верного для всех подлунных явлений. Они были отброшены на расстояние, зависящее от того, насколько велика была их разница в весе с попавшими в магическую ловушку. Если к тому же принять во внимание действие закона обратного воздействия и вспомнить, насколько был к нам повернут лик ночного светила...

— Короче, маг, — перебил его Конан, — говори короче, если хочешь, чтобы мы сохранили добрые отношения. Я хорошо знаю язык стали и огня, но у меня сводит скулы, когда я слышу такую трескотню!

— Для этого нужно время, киммериец. Рань-

ше наступления нового рассвета я вряд ли еще что-то узнаю.

— Хорошо. Быть посему. Но ты можешь изобличить злодея? Назвать нам имя чернокнижника, дерзнувшего бросить вызов двум могущественным владыкам Хайбории?

Гристиан молча вынул из дорожной сумы небольшой шар из горного хрусталя. Размахнувшись, чародей швырнул его прямо на дорогу, так как делают это дети, когда ради забавы пытаются как можно точнее закатить круглые камни внутрь нарисованных на земле фигур. Но то, что последовало за этим, отнюдь не напоминало детскую игру.

Внутри прозрачного шара возникло нечто, напоминающее крохотное облако, затем шар внезапно покернел и мгновением спустя разлетелся на множество крохотных осколков.

В воздухе вспыхнули огненные письмена. Вспыхнули и тотчас погасли.

Гристиан наморщил лоб.

— Его имя — Яхмос! Это стигийский колдун, служитель Змееголового Сета. Как гласит предание, его владенья находятся в нескольких полетах стрелы от Небтху, города Бога-Шакала. Это плохая новость, король. Яхмос — могущественный некромант, которому подвластно самое черное колдовство. Боюсь, моего магического искусства недостанет, чтобы противостоять его чарам.

— Но ты попробуй, колдун, — встряхнул гривой черных волос Конан, — не зря же владыка Эрхард говорил, что ты сильнейший маг по ту сторону Иглофийских гор. Сейчас мы разобьем лагерь, разведем костер, выпьем доброго вина и зажарим олений бок, а утром ты сообщишь нам что-нибудь новенькое...

* * *

На следующее утро гиперборейский маг, который выглядел свежим и бодрым, словно он не провел бессонную ночь, поведал собравшимся:

— Тот, кто интересует тебя более всего, Конан, и его трое охранников находятся во владениях Яхмоса. Местность, где стоит его замок, называют Долиной Смерти.

— Он жив?

— Пока жив. Более того, с ним обращаются как с желанным гостем но, тем не менее, ему грозит опасность. Что же касается остальных, то они отброшены в пределы Асгарда. Насколько я могу судить, у них осталось некоторое количество товара, а именно золотые украшения, которые помогли им добиться расположения северян. Этих я могу вернуть без труда. Для этого мне понадобится несколько помощников и...

— А как выручить тех, кто оказался во владениях стигийца? — перебил его Конан. Ты ска-

зал — они в опасности. Пока мы доберемся до Небтху, лишь богам известно, что может произойти.

— Я не могу вернуть их назад или явиться за ними сам. Это было бы равносильно объявлению вызову на магический поединок, а подобное может принести вред не только нам, но и поколебать колдовскую ткань бытия. Все что я могу сделать — перенести туда равное число смертных: тебя, король Конан, и трех твоих воинов. Дальнейшее зависит от вас. Там, где не поможет грубая сила, может пригодиться хитроумие и изворотливый ум.

— По мне, так грубая сила куда надежнее, — буркнул Конан и повернулся к гвардейцам. Евдис, Арген, Каврат, вы пойдете со мной! Не забудьте захватить арбалеты, веревки и факелы. Еще нам понадобятся пресные лепешки и вода. Кроме Всемогущий — воды берите побольше, мы отправляемся в теплое местечко.

* * *

Когда приготовления были завершены, Конан и три его гвардейца представали перед колдуном.

Гристиан пристально посмотрел на них, как будто хотел лучше запомнить их лица, перед расставанием, потом резким движением выбросил руку вперед и рассыпал над стоявшими горсть

серебристого порошка. Когда улеглась метель, подобная тем, которые неистовствуют зимой в горах Северной Киммерии, путешественники увидели вокруг совсем не ту местность, которую созерцали несколько мгновений назад.

Они стояли посреди бесконечной равнины, усеянной камнями. Некоторые из них напоминали колонны рухнувшего храма, очертания других были до странности похожи на человеческие силуэты, были и такие, при одном взгляде на которые в душе путешественников поднимались волны отвращения.

Пару колоколов они двигались под палящим солнцем, уверенные, что силуэт, мерцающий в мареве у окоема — не что иное, как замок владельца здешних мест. Но то, что они приняли за обитель Яхмоса, оказалось всего лишь скалой, которая по причуде местных ветров и песчаных бурь приобрела очертания строения.

Солнце начало клониться к закату и путешественники расположились на отдых там, где сочли себя в наибольшей безопасности. Это была ровная площадка, покрытая клочками сухой травы, посреди которой лежал большой плоский камень. Когда они подошли ближе, то увидели на его гладкой поверхности две круглые дырочки. Все это выглядело так, как будто какой-то неведомый великан ненароком потерял пуговицу от своего платья.

Киммериец рассудил, что этот камень вполне подойдет на роль стола для вечерней трапезы и воины, разложив на гладкой поверхности свои нехитрые припасы, воздали должное рабам, принеся в жертву кусок лепешки и семь капель воды.

Наскоро перекусив, воины стали устраиваться на ночь. Евдис и Каврат расположились рядом с камнем, рассчитывая слегка удлинить свой утренний сон в его тени. Конан, напротив, отошел поодаль, рассудив, что камни слишком правильных форм не валяются беспричинно на песке и во владениях Черного Сета не место для безрассудства.

Окружив место ночлега жесткой веревкой, чтобы уберечься от ядовитых гадов, киммериец положил рядом с собой обнаженный меч, скороговоркой испросил милости у Митры (чего никогда не делал в Аквилонии), отвернулся и захрапел.

Через пару колоколов, Арген, улыбчивый черноволосый уроженец Гандерланда, которому первому выпал жребий охранять покой спящих, вдруг заметил, что из дырочек камня-пуговицы начали подниматься легкие струйки дыма. Охваченный страхом, он попытался разбудить своих товарищ, чтобы предупредить их о неведомой опасности, как вдруг тело отказалось повиноваться и он упал близ коварного камня, не в силах

даже пошевелить языком, чтобы предупредить товарищей.

На этом спасательная экспедиция могла бы и закончиться, если бы не звериное чутье Конана, которое уже не раз выручало его из беды.

Услышав звук падающего тела, варвар мгновенно открыл глаза и попытался вскочить на ноги. Но это ему не удалось.

Поняв, что сейчас обнаженный меч ему вряд ли поможет, северянин попытался хотя бы поднять голову, непонятно отчего ставшую тяжелой, как если бы он в течение многих дней воздавал должное крепким винам. Через пару десятков ударов сердца ему удалось слегка оторвать голову и с трудом оглядеться вокруг. Неподалеку он увидел хрипевшего Аргена, который конвульсивно дергался, не в силах подняться. Евдис и Каврат, казалось, не просыпались, но дыхание их было слабым — было понятно, что оба воина находятся в глубоком забытьи.

Северянин напряг все мышцы тела и колоссальным усилием воли заставил себя встать на четвереньки, а затем и подняться на ноги. Его зоркие глаза, хорошо видевшие в темноте мгновенно узрили, что круглый камень источает белесый дымок, который стелился по песку, окутывая спящих подобно покрывалу.

Поняв, что их спасла лишь его привычка держаться подальше от непонятных предметов, Ко-

нан, не теряя времени схватил Евдиса и поволок его за бархан, куда дым еще не дополз. Потом, наполнив легкие ночным воздухом, варвар задержал дыхание и бросился за оставшимися.

Убедившись, что его спутники в относительной безопасности, Конан вернулся за сумками и оружием, а потом начал приводить в чувство своих воинов. Прошло немало времени, пока, наконец, они не заворочались и не открыли глаза.

Удостоверившись, что аквилонцы приходят в себя и его присутствие подле них пока не требуется, Конан, порывшись в сумке, извлек оттуда боевой ванахеймский молот, который прихватил с собой выросший на севере Каврат. Дым около камня стал потихоньку рассеиваться и варвар мог почти без опаски подойти к месту недавней остановки. Камень по-прежнему выглядел безобидно и ничем не напоминал колдовской предмет, едва не погубивший их жизни.

Конан помянул Крома, широко замахнулся и уже вознамерился опустить молот на поверхность камня, но тот, словно учаяв опасность, задрожал словно был живой, и принял издавать неясные жалобные звуки.

На мгновение Конан отпрянул. Доселе ему не приходилось иметь дело с такими удивительными камнями.

Стоило ему замахнуться вторично, как за спиной киммерийца раздался голос:

— Не делай этого!

Стремительно развернувшись, Конан заметил неподалеку высокий темный силуэт. От него веяло угрозой, поэтому северянин поступил так, как ему подсказывал инстинкт уроженца Киммерии, — он метнул молот в темную фигуру. Изделие ванахеймских кузнецов пролетело сквозь стоявшего, не причинив тому никакого вреда и бухнулось сзади на песок, подняв тучу пыли.

Казалось, стоявший не придал случившемуся никакого значения. Отрицательно покачав головой, он протянул руку и варвар рухнул на песок, мгновенно погрузившись в сон.

* * *

Воинов разбудил запах жареного мяса. Они сели на песок и недоуменно огляделись по сторонам.

В первый момент гвардейцы не могли понять, как они оказались валяющимися посреди пустыни, хотя точно помнили, что ложились спать возле камня. Конан кратко описал им происшедшее, хотя и сам не был уверен, что его ночные приключения не более, чем грэза, навеянная жарой и усталостью.

Но запах жареного мяса говорил об обратном. Никто из них не разводил костра, тем более, что и жарить то на нем был нечего. Путники взяли с

собой лишь пресные лепешки и воду, не желая отягощать себя ненужными пожитками.

Значит кто-то находился неподалеку от них и этот кто-то позаботился о завтраке.

— Кром, этот аромат будоражит мое воображение, — прорычал Конан, — кто бы это ни был, надеюсь он не откажется от пары монет, чтобы накормить своей стряпней голодного короля Аквилонии и его подданных.

Перевалив за бархан, путники увидели странную картину. Камень исчез, а вместо него прямо посреди пустыни лежала циновка из речного тростника, которая была в ходу у стигийцев. На нее кто-то заботливо поставил громадное бронзовое блюдо с жареным мясом, нарезанным крупными ломтями, чаши со сладкими плодами пальмы и свежими лепешками. Прямо посредине возвышался глиняный кувшин, явно для того, чтобы можно было запить обильное угощение. Но самое удивительное было не это — у самого края циновки прямо на песке белела стрела, выложенная из светлых камней.

Воины вопросительно посмотрели на Конана. Тот махнул рукой, разрешая отведать явства. Вряд ли неизвестный колдун решил умертвить их, отравив вино и пищу. Если бы в его планы это входило, то куда проще было бы расправиться с чужаками во время сна. Впрочем, существо, способное простым взмахом руки сбить с ног

мускулистого северного варвара, явно не нуждалось и в этом...

Насытившись, воины собрали свой скарб, проверили оружие и отправились в том направлении, куда указывала белая стрела.

* * *

Прошагав расстояние равное пяти полетам стрелы, путники заметили вдалеке очертания колосального строения, сложенного из темного камня.

Когда они подошли поближе, то остановились в изумлении: вблизи мрачная цитадель напоминала небольшую гору, по прихоти Сета, спрятанную в сердце стигийской земли. Трудно было понять, как посреди песка неизвестным зодчим удалось воздвигнуть столь внушительное сооружение. Каким образом были доставлены сюда огромные каменные блоки, и сколько нужно было рабов, чтобы сложить из них стену.

— Колдовство, — сплюнул Евидис и проверил: хорошо ли выходит меч из ножен, — клянусь Митрой, эти камни никогда не знали прикосновения рук человека.

— Это так, — согласился Конан и встрихнул гривой черных волос, — но мы пришли сюда с миром. По крайней мере, до тех пор, пока кто-то не захочет проверить остроту моего клинка. Бу-

дьте начеку, но сами не лезьте в драку. Мы пришли сюда чтобы вызволить наших подданных, а не для того, чтобы сложить головы в самом сердце вражеского края.

При их приближении ворота распахнулись и им навстречу вышли слуги в черных хитонах. При виде них варвар чуть было не забыл о собственных предостережениях, и рука его сама потянулась к мечу.

Неведомый хозяин замка держал у себя в услужении полуящеров-ситтов. Несколько зим назад в оном из своих самых опасных приключений киммерийцу уже приходилось сталкиваться с этими тварями, и тогда их встреча была отнюдь не дружеской. Однако сейчас удивительные существа были абсолютно бесстрастны и лишь жестами показали, что приглашают путников пройти внутрь.

Похоже, хозяин замка питал особенное пристрастие к матовому черному камню. Пока варвар и его спутники поднимались по лестнице, Конан не утерпел и провел рукой по поверхности стены.

На ощупь она оказалась теплой и мягкой, словно плоть. Из похожего материала были выложены и коридоры, освещаемые узкими окнами, больше похожими на щели, им же оказалась отделана зала, где путешественников ожидал хозяин замка.

Конан и его спутники вошли в огромное помещение. Звуки их шагов гулко отдавались в тишине. Вдалеке варвар заметил трон темного дерева, напоминающего пирамиду из костей. На нем сидел высокий худой старик. Северянин чувствовал, что сам воздух вокруг непонятного старика полон чужой недоброй магии, которая клубится вокруг него подобно тяжелому удущивому дыму над костром, в котором еле тлеют сырье дрова.

Конан сделал несколько шагов по направлению к трону. Гвардейцы шли чуть поодаль, держа руки на рукоятях мечей и настороженно озираясь по сторонам. Их раздувавшиеся ноздри и напряженные жилы на лбу говорили о том, что они начеку и готовы отдать жизнь, чтобы защитить своего короля.

Старик коснулся лба, что в северной Стигии означало приветствие.

— Рад приветствовать в своих владениях короля Конана, — произнес он скрипучим голосом, похожим на звук, который издает при порыве ветра незапертая дверь заброшенного дома. — Чему обязан столь высокой чести?

Конан ответил на приветствие по киммерийскому обычью: он ударил се́бя в грудь кулаком и слегка наклонил голову.

Гвардейцы подняли вверх мечи, приветствуя хозяина замка.

— Я пришел за своими подданными, которых обманом завлекли сюда и удерживают против их воли, — сказал он смотря прямо в глаза чародею.

— С каких это пор Пограничье стало частью Аквилонии? — усмехнулся Яхмос. — И потом, Миэлин из Вольфгарда и его охранники — гости в моих владениях и покинут их, когда на то будет их воля. Удостоверься в этом, Конан из Кимерии, если у тебя достанет мужества заглянуть в Темное Стекло Сета.

Варвар кивнул, и в то же мгновение откуда-то из темноты медленно выплыло треугольное кварцевое зеркало в жутковатой раме из странной шевелящейся бахромы и застыло в воздухе перед невозмутимым киммерийцем.

Чародей начертал в воздухе спираль, возвращающуюся к своему началу. Зеркало слабо засвело и вместо своего отражения Конан и его спутники увидели пышный сад с яркими цветами. Но вместо любимого племянника Эвисанды, посреди лужайки рыдала и топала ногами девушка, напоминавшая своими нарядами язычок пламени.

* * *

Миэлин не имел ни малейшего представления, где оказался. Слова мстительной красавицы стерлись из его сознания и теперь он с недоумением озирался вокруг.

Освежив в памяти рассказы старых воинов, которым случалось попадать в переделки и похуже, купец из Пограничья запретил себе предаваться унынию и попытался сбраться с мыслями.

Через пару терций он уже окончательно пришел в себя и начал думать, что все складывалось не так то уж и плохо. По крайней мере, теперь он был избавлен от натиска любвеобильной красавицы и угрозы стать родственником стигийского колдуна. Было непонятно, как будет обстоять дело с его товаром, но Миэлин вознес молитву Митре, прося Огнеликого защитить свое имущество. Колдун проявлял интерес к смоле, а его дочка к золотым побрякушкам. Как знать, может если Митра будет милостив, то колдун окажется человеком чести и расплатится сполна с его спутниками.

Миэлин проверил: все ли его вещи на месте и не потерялось ли что-нибудь во время очередного магического переноса. Так: пояс с золотыми монетами при нем, тяжелый гандерландский нож — тоже. Не слишком богатый скарб, но на первое время хватит!

Купец внимательно огляделся — похоже свою-нравная девица забросила его не в Жилище Лухи или джунгли Кхитая. Пейзаж вокруг несколько напоминал его родные земли, по крайней мере ничего не заставляло предполагать, что он находится где-нибудь на задворках Хайбории.

Внезапно в памяти молодого человека вспыхнули последние слова Файонараны и его прошиб холодный пот.

«...отправляйся к рабирийским гулям...»

Значит эти скалы вокруг — Рабирийская гряда? Проклятое место, разделяющее Аргос и Зингару и своим южным концом почти упирающееся в Мессантию. Да, чтобы вернуться обратно в Пограничье ему понадобится немало времени, если к тому времени он вообще не отправится на Серые Равнины.

«...к рабирийским гулям».

Миэлин стал вспоминать, что он слышал об этих тварях. Болтали, что земли гулей располагались где-то неподалеку от устья реки Хорот. Большинство рассказчиков сходилось на том, что гули — голые серокожие твари, которые слегка напоминали людей.

Но, в отличие от последних, гули передвигались на четвереньках, однако быстро бегать им мешали огромные когти. Некоторые утверждали, что у гулей черные языки, но на этот счет не было единого мнения. А вот то, что твари имели круглые головы с остроконечными ушами и свиные пятаки, вместо носов — в этом разночтений не было. Во всяком случае, Миэлин утешил себя мыслью, что повстречай он эти создания — скорее всего он узнает их по такому описанию.

Но как выглядят гули не так уж и важно. Куда важнее придумать, как им помешать поживиться незадачливым купцом из Пограничья.

Миэлин решил, что, по меньшей мере, до заката находится в безопасности. Солнечный свет губителен для такого рода созданий, а с приближением темноты он должен успеть подыскать себе безопасное убежище.

Вдруг прямо над его головой что-то просвистело. Молодой человек инстинктивно пригнулся и увидел, как неподалеку от него длинноухого пущистого зверька к земле пригвоздила стрела. Осторожно выпрямившись, невольный путешественник заметил вдалеке человека с луком, который поднял руку в приветственном жесте.

Миэлин повторил жест и как мог постарался дать понять местному жителю, что не питает враждебных намерений, а желал бы поговорить.

Мужчина, одетый в темную одежду, сшитую из звериных шкурок платье, двинулся ему на встречу, изящно перепрыгивая с камня на камень. Его движения не затрудняли даже охотничий лук и тушки дичи на поясе.

Незнакомец оказался невысоким — на голову ниже Миэлина, который и сам не мог похвастаться ростом. Житель Пограничья обратил внимание на бледное лицо и светлые широко расставленные глаза незнакомца.

Попытки заговорить с лучником на языке Пограничья, туранском и аквилонском ни к чему не привели. Наконец мужчина сам обратился к нему на одном из оффирских диалектов:

— Ты заблудился?
— Да — оживился Миэлин — я оказался здесь случайно. Я не знаю эти места. Где я нахожусь?

Незнакомец сдержанно улыбнулся.

— Отсюда недалеко до реки Хорот. А по ней можно переправиться в Аргос. А если двигаться на закат, то меньше чем через седмицу можно прибыть в Зингару.

— Значит это все-таки...

— ...Рабирийские горы и с заходом солнца здесь будет небезопасно. Но долг каждого честного человека помогать одиноким путникам. Меня зовут Ганн и я приглашаю тебя под свой кров. Это недалеко.

Страх с наступлением темноты оказаться один на один с ужасными гулями оказался настолько силен, что Миэлин без лишних сомнений последовал за невысоким охотником.

Они спустились по склону, поросшему густым лесом, затем поднялись на невысокий пологий холм и наконец, в небольшой лощине, житель Пограничья увидел бревенчатую хижину, окна которой были так узки, что скорее напоминали бойницы. Миэлин лишний раз напомнил себе, что жизнь в здешних местах отнюдь не проста.

Они попали как раз к ужину. Семейство, собравшееся за столом, оказалось довольно многочисленным. Ганн, как представился хозяин дома, его жена, три сына и две дочери. Все они, так же как и глава семейства, были невысокого роста, изящного сложения и, что особенно удивило гостя, по их щекам была разлита такая же ужасающая бледность, как и у хозяина. Нежданного гостя приняли очень радушно, можно было подумать, что общество незнакомца, появившегося из ниоткуда, особо никого не поразило.

За ужином завязалась беседа. Хозяева, обрадовавшись появлению нового человека, непременно хотели вызнать, что творится в мире за склонами Рабирийских гор. Купец как мог удовлетворил их любопытство. Когда же наконец жаркое поспело и его стали раскладывать по глиняным тарелкам, то в неясных отсветах пламени очага Миэлину на мгновение показалось, что мясо плохо прожарено и сочится кровью. Но тут девушки отвлекли его внимание расспросами о короле Конане и обычаях тарантийского двора, и молодой человек забыл об увиденном.

Через пару поворотов клепидры вконец измученный купец наконец оказался в крохотной комнате под самой крышей, на постели, застелленной простым домотканым полотном.

Миэлин вознес хвалу Солнцеликому за то, что он не обделил его своей милостью и приготовил

ся ко сну. Но многолетняя привычка постоянно держаться начеку, заставила его подняться, подойти к двери и просунуть в скобы двери ножку грубой скамейки.

Так будет спокойнее, успел подумать он, засыпая.

* * *

— Ты должен вернуть его назад, колдун! — прорычал Конан. — Вернуть в целости и сохранности! Тогда, быть может, я забуду о том, что ты оскорбил моих подданных, перенеся их в сердце Стигии, как стадо овец. И еще я забуду, что ты опрометчиво нарушил магическое равновесие и смогу сдержать ответный удар северных магов, которых ты очень огорчил своим безрассудным поступком! И, наконец, я не буду спрашивать тебя: почему ты хотел отравить нас ядовитым дымом из камня и кто сегодня ночью обманом погрузил меня в сон, испугавшись честного боя!

— Эти камни охраняют мои границы от не прошенных гостей, — усмехнулся Яхмос. — В конце концов я не приглашал вас к себе и то, что я оказал вам гостеприимство как раз говорит о моем расположении к вам и уважении к аквилонской державе. Но я не хочу ссориться с тобой, король, непобедимый воитель и искусный охотник за ценностями, — вымолвил, наконец, чаро-

дей. — Клянусь Сетом — я сделаю все, чтобы вернуть твоего подданного назад!

— Всех моих подданных, — уточнил Конан.

— Всех, всех, — отмахнулся колдун. Те три воина, которые сейчас пьют вино в гостевых покоях, могут хоть сейчас отправляться с тобой. Дай мне время, киммериец. Я должен подготовиться к сложному ритуалу — ведь ты понимаешь отыскать человеческое существо на огромных просторах Хайбории ничуть не легче, чем песчинку в пустыне Шема. Пока я буду пытаться исправить результат сумасбродства собственной дочери, ты сполна сможешь насладиться ее обществом и прогулкой в наших чудесных садах.

Он хлопнул в ладоши.

— Файонарана!

При этих словах прямо посреди зала из воздуха сгустилась заплаканная юная особа в ярких одеждах. Несмотря на печаль в глазах и общую растерянность, она не смогла скрыть интереса при виде статного черноволосого киммерийца и его гвардейцев.

— Кто эти люди, отец?

— Это моя дочь Файонарана, — торжественно сказал маг не обращая внимания на вопрос девушки. — А это король Аквилонии Конан и его воины: Авген, Евдис, Каврат.

Конан поднял бровь. Он не припоминал, чтобы произносил вслух имена своих людей. Воисти-

ну чернокнижник знал больше, чем хотел показать.

— Ты должна развеять скуку наших гостей, — строго сказал Яхмос, — покажи им наш замок, свои висячие сады, а когда они сполна насладятся лицезрением этих чудес, прикажи накрыть стол и предложи доблестным воинам самые изысканные вина и явства.

Конан с интересом посмотрел на дочку колдуна, отметив про себя, что девица недурна и вполне могла бы послужить украшением женской половины Лурда. Внезапно он спохватился и метнул взгляд на Яхмоса — кто знает, не умеет ли колдун читать чужие мысли.

Но чародей был бесстрастен и варвар успокоился.

Дочь стигийского некроманта тоже не осталась равнодушной к мускулистому, покрытому шрамами, воину. Воспоминания о купце из Пограничья в тот же миг исчезли из ее памяти.

Когда воины и Файонарана удалились, некромант Яхмос закрыл глаза и мысленно возвзвал к своему Темному Покровителю.

* * *

Девушка болтала без умолку. Казалось, что она не закрывает рот ни на мгновение. Авген, Евдис, Каврат давно уже морщились от этой трес-

котни, но киммериец вел себя так, как будто в своей жизни он не слышал ничего прекраснее.

— Тебе нравятся наши сады, северный король? Вот эти лилии светятся в темноте, а вон те зеленые кувшинки могут ловить мелких птичек. Впрочем, такие скучные создания не смогут поразить воображение такого знаменитого воина, как Конан из Киммерии. А, верно говорят, что ты голыми руками задушил гигантского морского кракена, зажарил его на костре и съел даже без приправ?

— Не совсем так — усмехнулся варвар. — На самом деле я позвал друзей и угостил их на славу. В одиночку мне было бы трудновато справиться с таким огромным куском жаркого, тем более без приправ.

На круглой полянке, выложенной мозаикой из разноцветных камней и золотыми плитками, девушка остановилась и посмотрела прямо в глаза Конану:

— Если ты и твои спутники устали, то мы можем приступить к трапезе.

Гвардейцы одобрительно закивали, но Конан не привык терять время даром.

— Мы очень ценим ваше гостеприимство, Файонарана. Твое и твоего отца. Но мы здесь лишь для того, чтобы вернуть назад наших людей. Твой отец обещал провести ритуал и отыскать купца. Быть может уже наступило время,

когда он сможет переместить его обратно или хотя бы скажет нам — где его искать.

— Где его искать могла бы сказать вам и я, — захихикала девушка, — но делать этого не буду. Мне так скучно, а если вы узнаете, где сейчас этот глупый хайбориец, то тчас же отправитесь на его поиски.

Конан заскрежетал зубами. Будь они в Аквилонии, уж он не пожалел бы парочки крепких оплеух, чтобы вразумить эту несносную девицу. Но здесь он вынужден был сдерживать свой гнев. Вряд ли колдун остался бы безучастным к тому, что какой-то киммерийский варвар взялся воспитывать его единственное дитя. Тем более, без помощи слов.

— Ты бы очень помогла нам, Файонарана, если бы рассказала — куда перенесла купца Миэлина. Но если ты упорствуешь, то может быть твой отец уже достиг успеха и по нашему возвращению в тронный зал порадует нас добрыми вестями?

— Ну нет! — хихикнула в кулачок девушка. — Исправить одному мату действие, произведенное другим, не так то просто. А кроме того, аколит Сета не может совершать магические действия не получая за это платы. Иначе Темный Властелин лишил его колдовской силы, поэтому тебе и твоим друзьям еще потребуется выполнить то, о чем попросит вас мой отец!

— Но ведь ты закинула купца в какую-то глуши совершенно бесплатно? Кто тебя отблагодарил за это действие?

— Ты плохо знаешь структуру магии, варвар. Кто знает, чём мне будут обязаны те, кто получит его себе на ужин!

— На ужин? — зарычал Конан.

— Ну, может быть на завтрак, — поджала губы юная колдунья.

— Думаю, что ты лжешь, женщина! Просто ты сделала нечто, чего не можешь исправить. Но признаться в этом тебе мешает твоя гордыня, вот ты и рассуждаешь о разных там законах магии. Признайся честно: купец чем-то раздосадовал тебя, и ты проделала то, о чем теперь сожалеешь? Так?

— Я.. но он меня ужасно оскорбил... он не захотел...

— Не захотел по достоинству оценить такую красавицу, — усмехнулся Конан. — Что ж, парень слишком молод, к тому же Митра поспешился, когда отмерял ему разум. Ты и впрямь хороша собой. И, как можно убедиться, к тому же умна, а значит должна понимать, что этот глупец не стоит твоего гнева и уже изрядно наказан. Не пора ли вернуть его назад?

— Я вспылила и заклинание вышло чересчур сильным, — покраснела девушка, — поэтому я не смогу вернуть его, даже если очень захочу. Но я

ли этот несчастный окажется на вершине Горы-Купола, до того, как на нее упадет последний луч солнца, то он вернется сюда сам. Хотя, что это я говорю — он ведь не знает, что должен это сделать... А может быть, король, не стоит тревожиться из-за этого невежи? В конце концов, что такое какой-то купец для могущественной Аквилонии? Взамен его отец подарит тебе две сотни отборных рабов из Черных Королевств!

— Боюсь такой обмен не придется по душе Эвисанде, — проворчал Конан. Он схватил девушку за руку.

— Послушай, красотка, а ты сможешь отправить туда же меня и моих спутников? Мы отыщем купца, а потом вместе поднимемся на Гору-Купол и вернемся.

— Я не смогу — смутилась дочь стигийского некроманта, — перемещать больше одного человека под силу только очень могущественным магам.

Варвар вспомнил слова Гристиана. Похоже, девица не лгала.

— Хорошо, тогда одного меня, — нашелся варвар. — Эти люди, — он кивнул в сторону стоявших поодаль гвардейцев, — пока погостят у вас. Отведешь их к тем, кто прибыл с Миэлином, и пока их король отсутствует, эти бездельники славно скоротают время за игрой в кости и вином.

— Хорошо, — наморщила носик Файонарана, — пожалуй я смогу это сделать. Но при одном условии...

— Каком? — насторожился варвар. С этими стигийскими чернокнижниками нужно быть настороже — никогда не знаешь чего от них ожидать.

— В одном старинном манускрипте я видела миниатюру, изображающую возлюбленных, — смутилась девушка, — и с тех пор мне очень хочется познать: что такое сладость поцелуя. Поцелуй меня, варвар, и я выполню твою просьбу!

Конан крякнул и бросил быстрый взгляд в сторону гвардейцев. Те сделали вид, что ничего не слышали.

Киммериец ощущил легкие угрозыния совести. Одно дело — брать то, что само падает тебе в руки, и совсем другое дело — кружить голову ребенку, который не ведает, что творит? Но и возвращаться к Эвисанде, не выполнив обещанного он тоже не мог... Но если ждать, пока Яхмос сможет распутать магический узел своей ненаглядной дочери, да еще потом выполнять поручения чернокнижника — спасать будет уже некого.

— Ладно, — махнул рукой Конан. — Но учти, что поцелуй будет одним-единственным!

— Конечно, конечно, — лукаво улыбнулась девушка, и ресницы ее затрепетали.

* * *

— Становись сюда, на черную плиту.

Конан осторожно наступил на возвышенность в центре огромного гулкого зала, туда, куда указывала юная колдунья, и еще раз проверил снаряжение.

Меч. Боевой молот. Гандерландский нож. Баклажка с водой. Лук с запасом стрел через плечо. Кремень и трут из распущенной веревки..

— Ты, Конан, будто собираешься на войну! — не удержавшись съязвил Евдис, раздосадованный тем, что он вынужден оставаться в замке вместо того, чтобы размять кости в поисках незадачливого купца.

Гвардейцы, стоявшие чуть поодаль фыркнули.

— Хороший воин не тот, кто машет мечом направо-налево, а тот, кто готов к любым сюрпризам, — отрезал Конан. — Ты, Евдис, остаешься за старшего. Отвечаешь головой за гвардейцев и спутников купца. Если через три дня не вернусь, то... Да ты сам знаешь, что тогда нужно делать!

— Не беспокойся, мой король — сверкнул глазами воин, выразительно поглаживая рукоять меча, — мы сумеем сполна рассчитаться с некромантом за его гостеприимство.

— Не отвлекайся, — надула губки дочь чародея, — очень важно хорошенъко запомнить все, что я тебе сейчас скажу. — После того, как я произнесу заклинание, ты почувствуешь сильное

движения эфира вокруг себя. Лучше держи глаза закрытыми, чтобы сохранить зрение. Когда ощущишь, что стоишь на твердом, то отсчитай пять десятков ударов сердца и можешь открывать глаза. Ты должен будешь оказаться неподалеку от вершины Горы-Купола в Рабирийских горах. Запомни это место, киммериец, потому что именно туда ты должен вернуться вместе с купцом. И сделать это надлежит до того момента, когда на нее упадет последний луч солнца на исходе вторых суток. У тебя есть вечер, ночь и следующий день, мой воин. Но если ты не найдешь этого глупца, то прошу тебя — не медли, а приходи один. Если ты не вернешься, то сердце мое будет разбито, — голос девушки предательски задрожал.

— Ох, не надо было тебя целовать, — пробурчал варвар, — совсем рехнулась девка в этом царстве змеепоклонников. Ладно, принесите обильную жертву Солнцеликому, воины, и попросите его даровать нам милость.

— А ты попроси Крома, чтобы он спас тебя от всех напастей, — неожиданно горячо произнесла девушка.

— Крома? — хохотнул варвар. — Нет, дитя мое, Кром суровый бог. Он дарует мужчине право родиться, пару крепких рук и храбрость. Все остальное воин должен добыть сам. Больше он не интересует северного бога!

Девушка начала медленно раскачиваться и бормотать заклинания.

Последнее, что успел почувствовать Конан — был порыв ледяного ветра, непонятно откуда взявшийся в этом царстве зноя.

* * *

Когда шум в ушах наконец стих, а разноцветная метель перед глазами перестала кружиться, киммериец пожал плечами, а потом несколько раз мотнул головой, стряхивая морок. Кром, вот так голова не гудела с того времени, когда он на спор осушил двадцать больших кувшинов золотистого аргосского вина.

Вспомнив наставления юной ведьмы, Конан отсчитал нужное число ударов сердца и открыл глаза. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались зубчатые горные пики, с нанизанными на них облаками.

Варвар понял, что дочь Яхмоса не просчиталась — он стоял на вершине высокого холма, поросшего остролистым колючим кустарником. Прямо перед ним виднелась гора и в самом деле напоминавшая купол храма Митры в Танасуле. Сходство было тем более полным, что на вершине этой растрескавшейся каменной полусфера не росло ни единого деревца. Даже сам воздух здесь был совершенно другим — удивительно

чистый и свежий, напоенный ароматами трав. Однако он попал сюда не для того, чтобы любоваться местными красотами. И северянин поправил лук на плечах и начал спускаться вниз.

Если купец попал сюда тем же путем, то он должен быть где-то поблизости. Вряд ли неопытный горожанин из Пограничья, сумеет быстро отыскать нужное направление, чтобы достичь обитаемых земель. Кроме того, ночью в Рабирийских горах передвигаться невозможно — одинокого путника караулят плотоядные гули, поэтому купец должен был позаботиться о ночлеге. Не свил же он гнездо и не выкопал нору. Вернее предположить, что он пустился на поиски очага и крова — должны же здесь где-то быть люди.

В молодости Конану приходилось встречать гулей. Однажды, когда он еще плавал с Белит на «Тигрице» ему довелось побывать в разрушенном стигийском городе Птейоне, населенным демонами. Там ему пришлось сражаться с колпмарными серокожими тварями, которых Фалко называл гулями. Но это было за много лиг отсюда, пожалуй, ближе к Небтху из которого он прибыл, нежели к тому, где он сейчас находился.

Конан наморщил лоб. Про рабирийских гулей ему тоже приходилось слышать. Говорили, что они то ли потомки древнего народа, жившего еще до Начала Времен, то ли падшие асиры, поклонившиеся Темному Властелину и в наказание

за это лишившиеся человеческого облика. Вроде бы, в отличие от нежити, избравшей местом своего обитания самые необжитые области Стигии и Иранистана, местные твари могут почти без вреда для себя выходить на солнечный свет, и умеют отращивать крылья и парить в воздухе, выискивая очередную жертву... Впрочем, сведения о тех, кто в незапамятные времена поселился в Рабирийских горах, были отрывочны. Ибо мало кто из путников смог вернуться обратно, чтобы поделиться впечатлениями...

Сам он сталкивался с этими созданиями только раз — много зим тому назад. Тогда в небольшом заморийском городке судьба свела его с девушкой-гулем Рингой, которая потом пала от руки немедийских заговорщиков.

Варвар сделал рукой солнечный знак и погладил рукоять меча. Кром, в этих местах стоило держаться начеку.

* * *

После всех злоключений, выпавших на его долю, ночь в этом уютном доме показалась Миэлину из Вольфгарда величайшим из наслаждений. Под утро, когда сон стал менее глубоким, он внезапно почувствовал жажду и решил спуститься вниз — поискать вина или воды. Будить радушных хозяев не хотелось, поэтому купец старался

передвигаться как можно тише, чтобы под ногой не скрипнула ни одна половица.

Осторожно спустившись по лестнице вниз, Миэлин услышал негромкие голоса. Несколько человек разговаривали, сидя у почти потухшего очага.

— Хорошо, теперь у нас есть свежая пища.
— Тише, тише, наш гость может услышать!
— Не тревожься, этот человек спит как убитый.

— Мне не терпится узнать, какова на вкус его кровь.

— Тебе всегда недоставало терпения, дитя мое. Чужак никуда от нас не денется...

Холодный пот прошиб Миэлина. Его былые страхи начали обретать реальность. Неужели его добрые хозяева вступили в сговор с рабирийскими гулями и призвали их в свой дом? Или гули настолько хозяйничают в этих местах, что жители, в обмен на собственную жизнь даже готовы поступиться законами гостеприимства и налечь на себя гнев Солнцеликого?

Затаив дыхание, молодой человек подошел к полуоткрытой двери и осторожно заглянул в щель. Прямо на полу, рядом с очагом сидел один из сыновей Ганна, а сам глава семейства мешал кочергой в очаге, вороша мерцающие угли. Вдруг лунный луч проник в окно и осветил собеседников.

Купец едва сумел сдержать крик, при виде их острых клыков, белеющих в полумраке.

* * *

— Кто ты, незнакомец? — раздался голос совсем рядом.

Конан мгновенно обернулся. Кром, как же он не услышал шагов...

Неподалеку стояла старуха и безо всякого смущения или опаски, рассматривала варвара своими странными желтоватыми глазами.

— Я Конан, король Аквилонии, — коротко ответил северянин. — А скажи-ка, не случалось ли тебе встретить здесь заблудившегося путника? Чужака?

— Сама не видела, но может быть соседям что-то известно, — ответила старуха — Я пошлю к ним внука, а пока предлагаю тебе отдохнуть с дороги в моей хижине.

Конан подумал, что времени рассиживаться нет, но лучше подождать, пока старуха пораспрашивает своих соседей, чем без толку прочесывать окрестности. Тем более, если поблизости деревня, то купец явно направился туда.

— Хорошо, добрая женщина, — кивнул варвар, — я согласен. Но у меня мало времени, поэтому прошу тебя побыстрее разузнать: не встреча ли кто-нибудь чужеземца. Вы живете в уединенном краю, поэтому каждый пришелец здесь должен быть на виду.

ненном краю, поэтому каждый пришелец здесь должен быть на виду.

— Не беспокойся, король Конан — произнесла женщина, — это не займет много времени...

Вторую часть фразы женщина произнесла мысленно и, если киммериец смог бы каким-то образом услышать эти слова, они бы вряд ли ему понравились.

* * *

Миэлин почувствовал, как его прошиб холодный пот, несмотря на то, что в доме было довольно прохладно. В это мгновение молодому человеку показалось, что сердце его готово выскочить из груди, а его стук разносится по всему дому. Бежать. Как можно скорее бежать отсюда!

Но то ли пол предательски скрипнул под его ногами, то ли кошмарные создания сами почувствовали его присутствие, но разговор внезапно прервался.

Хозяева разом повернулись в его сторону. Охваченный ужасом молодой человек в несколько прыжков преодолел расстояние до лестницы на второй этаж и взлетел по ней с прытью, повергнувшись в изумление его самого. Что ж, до рассвета он найдет приют в своей комнате, а потом отыщет способ покинуть этот ужасный дом. Но слабый шум, донесшийся из-за двери, убедил его

в том, что пытаться укрыться именно здесь, было бы верхом неблагородства.

В отчаянии он огляделся по сторонам, моля Солнцеликого показать ему путь к спасению. Вдруг в глубине коридора возник какой-то неясный силуэт. Это оказалась Тина, младшая дочь хозяина дома, которая за ужином все время спрашивала о кружевах и вышивках, которыми украшают нынче свои платья благородные дамы при тарантийском дворе. Загадочно улыбаясь, девушка поманила его к себе. Миэлин на мгновение замешкался, но в следующее мгновение сомнения разрешились сами собой.

Непостижимым образом Тина оказалась рядом с ним, так близко, что он чувствовал на себе ее дыхание, а тонкие руки с бледной почти прозрачной кожей сомкнулись на его шее. На мгновение купцу показалось, что опасности нет и девица просто решила заполучить на свое ложе заезжего гостя, но в этот самый момент что-то острое царапнуло шею.

Он дернулся головой как лошадь, которая отгоняет назойливых насекомых. Но существо, которое еще недавно представлялось ему очаровательной девушкой, и не подумало оставить свои притязания. Ротик с пухлыми губками слегка приоткрылся, и Миэлин с ужасом увидел острые клыки. Глаза девушки, намного крупнее, чем у обычного человека, теперь не выглядели полны-

ми воспетой бродячими поэтами и музыкантами романтической печали; теперь они горели желтым огнем как у дарфарской пантеры, подбирающейся к добыче. Миэлин напряг все силы, чтобы освободиться из смертоносных объятий, но тонкие девичьи руки держали его не хуже стального капкана.

Купец шаг за шагом отступал назад, чтобы хоть ненамного отдалить то, что казалось таким неотвратимым. Но тут нога его вместо ровного пола ощущила под собой пустоту. Покачнувшись, молодой человек рухнул и покатился вниз по лестнице, увлекая за собой вцепившуюся в него любительницу чужой крови. По дороге они врезались во что-то мягкое, покатившееся вместе с ними, сыпля проклятиями на непонятном Миэлину языке. Оказавшись на первом этаже, они сбили еще кого-то из кошмарной семейки; судя по голосу, самого Ганна.

Воспользовавшись тем, что внимание любезных хозяев было слишком поглощено выяснением, что произошло и кто именно все испортил, лишив всех остальных удовольствия, Миэлин на четвереньках пробрался в ближайшую комнату, надеясь выбраться наружу через окно. Воспользовавшись тем, что выяснения отношений в семействе гулей было отнюдь не самым мирным, странник с большим трудом, притиснулся через узенько оконце.

Снаружи уже светало. Золотая колесница Митры вот-вот должно было подняться из-за горизонта и в неверном утреннем свете Мартин увидел покрытый стелющимся по земле кустарником склон, уходивший круто вниз. Молодой человек никогда не отличался любовью ко всяkim опасным трюкам, даже в детстве ему не доставляло удовольствия лазить по деревьям как большинству мальчишек Пограничья. Но сейчас у него не было ни времени, ни возможности предаваться страху.

Он выпрыгнул и покатился по склону, стараясь не расцарапать лицо острыми шипами и колючками. Едва остановившись, он вскочил на ноги и устремился прочь от этого ужасного места. Некоторое время спустя он решил, что убежал достаточно далеко и преследователи потеряли его из виду.

Но вскоре он понял, что недооценил гулей. Твари совершенно не собирались смириться с тем, что непонятно как попавшая им в руки добыча, в самый последний момент ускользнула. Нелюди двигались почти бесшумно, подобно бесплотным теням и если бы не солнечный луч, отразившийся от пряжки на поясе одного из сыновей Ганна, Миэлин так бы их и не заметил.

Он стремительно сбежал еще вниз по склону, а потом взобрался по почти отвесной скале. Преследователи не отставали. Наконец, вдалеке он

увидел нескольких мужчин и женщин, собиравших хворост в редком лесочке.

Собрав все силы, молодой человек устремился к ним.

— Умоляю вас, ради Митры, спасите меня! За мной гонятся гули!

— Сюда, незнакомец, — произнесла одна из женщин, поднимая голову. — У нас ты будешь в безопасности, как дитя на руках у матери.

Купец в ужасе замер на месте, увидев ее бледное лицо; большие широко расставленные глаза, похожие на две горящие плошки и клыки, напоминающие иголки для починки упряжи.

Она сделала знак рукой и двое молодых мужчин, стали с двух сторон приближаться к незадачливому путешественнику, рассчитывая взять его в кольцо. Миэлин в отчаянии обернулся и увидел своих преследователей, поднимающихся по склону.

Две группы нелюдей встали друг напротив друга, скаля клыки и гортанно рыча.

— Оставьте его, он наш! Он сам к нам пришел! — наконец произнес Ганн.

— Он убежал от тебя, — возразила ему женщина, бросив вязанку хвороста на землю, — он попросил защиты и теперь принадлежит нам.

— Прочь с дороги, я хочу забрать свою добычу!

— Попробуй!

В полном отчаянии Миэлин поворачивал го-

лову то в одну, то в другую сторону, потеряв всякую надежду на спасение.

* * *

— А что было дальше? — дернул за рукав Арчибалд младший из внуков.

— Дальше? Ах, да, дальше... Разумеется, я не был свидетелем тех событий, а по крупицам собрал сведения о них из рассказов самого Конана и тех, кому посчастливилось быть его слушателями. Ведь король не всегда пребывает в настроении повествовать о своих великих подвигах.

— Так как же он поступил? — вмешался другой внук.

— Его величество Конан, да продлит Солнце-ликий зимы его жизни, моментально понял, с кем столкнулся по воле провидения. Но, тем не менее, он не стал нарушать законы гостеприимства и последовал в хижину старухи. И как только за ним захлопнулась дверь, пожилая женщина, утратив благопристойный вид, набросилась на своего гостя.

— Он справился с ней одним движением руки, правда? — перебила рассказчика юная особа.

— Именно так! Не успел он оторвать от себя это отвратительное создание, как отворилась дверь, и на пороге возникло множество гулей. Все они алчно взирали на пришельца подобно то-

му, как бродячие псы смотрят на товар, разложенный в мясной лавке. Целая толпа кровожадных тварей пыталась добраться до него, проникнув в дом через окна, печную трубу и даже через подпол. Но все это не вызывало ни малейшего замешательства у того, кто привык один на один встречаться с самыми ужасными монстрами Хайбории. Схватив за шиворот шипящее и пытающееся дотянуться до него острыми, как немедийские кинжалы когтями создание, он швырнул его в тех, кто готов был ворваться в дом через дверь. После этого могучий северянин схватил тяжелую скамью и обратил в бегство тех, кто силялся подобраться сзади. Множество ужасных созданий нападали на него со всех сторон, но разве могли они сравниться с Конаном из Киммерии? Вскоре хижина, которая чуть не стала для него смертельной ловушкой, обратилась в груду развалин. Гули, которые полагали, что количество послужит им преимуществом, разбежались подобно мелким рыбешкам при появлении рыбы-капканы. Оставшись в одиночестве, его величество отправился на поиски тех, кто мог бы поведать ему о судьбе молодого купца из Пограничья. Он никогда не забывал о тех, кто нуждался в его заботе и покровительстве. Подобное благородство должно жить не только в сердце короля...

* * *

Вскоре Конан услышал шум и отправившись туда, откуда он раздавался, через несколько терций, увидел того, кто послужил причиной его появления в Рабирийских горах.

Родственник госпожа Эвисанды стоял посреди небольшой поляны, беспомощно озираясь по сторонам. Гули продолжали переругиваться из-за своей добычи.

Крики постепенно сливались в многоголосый шум. Еще немного — и перебранка переросла бы в настоящее сражение. Внезапно рядом с дрожащим от страха чужаком выросла мощная фигура.

— С какой стати вы делите то, что вам не принадлежит? — раздался голос, от которого в страхе вздрогнули окрестные горы, а с ближайшего склона скатилось несколько камней.

Природный ум и варварская хитрость подсказали киммерийцу, что удачнее всего будет появиться перед толпой кровожадных созданий таким образом, чтобы солнце оказалось у него за спиной.

Хитрость удалась: черный силуэт, обрамленный ослепительно-яркими лучами дневного светила, поверг гулей в смятение. Не сам ли это Нергал, чей покой они потревожили, поднялся из глубин преисподиен.

Не давая нелюдям опомниться, северянин энергично встряхнул совершенно растерявшегося купца и толкнул его вперед.

— Беги! Иначе, клянусь мечом Крома, тебе может не поздоровиться! Беги, а я задержу этих тварей!

Но подгибающиеся от страха и пережитых волнений ноги плохо служили Миэлину из Пограничья. И тогда Конан, крякнув от досады, схватил его, словно куль с мукою и, перекинув через плечо, бросился прочь.

Пробежав полполета стрелы, варвар приостановился. Его грудь вздымалась, как кузнецкие меха.

— Мало кто из королей носит своих подданных на руках, — проворчал варвар и встряхнул свою ношу, — эй, купец, я понимаю, что тебе нравится ездить на мне, но, рога Зандры, будет неплохо, если ты все-таки слезешь и попробуешь передвигаться сам!

Миэлин медленно соскользнул на землю, поморщился, стукнувшись локтем о камень, и неуверенно встал на ноги.

— Кто, ты? — пролепетал он, — испуганно глядя на своего спасителя, — и почему ты говоришь о подданных и королях?

Конан хмыкнул.

— Ты не поверишь, но я и есть король Конан. Думаю, что ты слышал обо мне. А здесь я только

потому, что женщина по имени Эвисанда, просила за тебя. Но, Кром, если бы она хотя бы словом обмолвилась о том, что мне придется таскать тебя на руках, спасаясь от толпы разъяренных рабирийских гулей, то я бы еще крепко поразмыслил!

Сзади послышался треск — преследователи настигали беглецов.

— Вот упрямые твари, — покачал головой Конан, — никак не угомонятся.

Он вынул из-за спины лук. Согнул, накинул тетиву. Положил стрелу.

Щелк. Раздался звук спущенной тетивы и первый выскочивший на поляну гуль с воем покатился по земле.

— Слегка промазал, — поморщился Конан, — целил в горло, а попал в грудь.

Щелк. Щелк. Щелк.

Конан послал сразу три стрелы.

— Говорят, что боссонские лучники могут стрелять с такой скоростью, что когда первая стрела поражает цель, вторая в это время висит в воздухе, а третья уже покидает тетиву. Мне никогда не удавалось это проделать, — вздохнул северянин, наблюдая, как три кровожадных создания с треском рухнули в кусты, — хотя, может быть когда-нибудь мне и доведется овладеть этой премудростью? Как думаешь, купец?

Миэлин стоял, как завороженный, открыв рот. Широко раскрыв глаза он с восхищением

смотрел, как мускулистый черноволосый гигант, скорее похожий на наемника, чем на короля, с небрежной меткостью поражает стрелами врагов.

— Ну вот, — удовлетворенно, сказал Конан, опуская лук и снимая тетиву, — несколько терций мы выиграли. Сейчас твари затаились, но скоро они сообразят, что не стоит лезть напролом, и попытаются напасть на нас одновременно с разных сторон. Но за это время, если Солнцеликий вспомнит о нас, мы уже будем далеко отсюда.

Варвар сощурил синие глаза и осмотрелся по сторонам.

— Нам туда, — махнул он рукой и Миэлин, вздохнув, поплелся за своим спасителем.

* * *

Хотя колесница Митры уже почти подошла к кромке окоема, преследователи не думали отставать. После недавнего побоища они не осмеливались нападать открыто, но надеялись взять путников измором. Кроме того, ночью преимущество явно было бы на их стороне.

Между тем Конан стал сомневаться: правильно ли он выбрал направление. Похоже они все-таки сбились с пути, после гонки по Рабирийским горам, когда им пришлось петлять, чтобы сбить с толку преследователей. Северянин тщет-

но пытался вспомнить, в какой стороне он оставил спасительную Гору-купол, но каменная полу-сфера упорно отказывалась появиться перед его взором.

— Пламя Зандры, где же эта проклятая гора? — прорычал он, утирая пот со лба.

Миэлин участливо посмотрел на воина.

— О какой горе ты говоришь, мой король? — спросил он, — я думал, что мы ищем твой отряд с которым ты прибыл в эти края.

— Отряд, — усмехнулся Конан, — если бы я добирался сюда с отрядом, то, боюсь ты бы уже не смог порадоваться подмоге.

— Почему?

— Да потому что эти твари уже успели бы высосать тебя досуха, а пустую шкуру набить соломой и поставить отгонять птиц, — рявкнул варвар. — Хватит болтать. Лучше залезь вон на то дерево и расскажи мне о том, что увидишь.

Миэлин с сомнением посмотрел на толстые сучья ели.

— Может ты поторопишься, — нахмурился северянин, — или ты надеешься, что твой король станет лазать по веткам, словно древесная куница?

Купец покраснел и, схватившись руками за толстый сук, попытался подтянуться.

— Живее, я сказал! — рявкнул Конан, и, сграбастав незадачливого торговца за шиворот, од-

ним движением закинул его на ветку. — Постепе-ши, если не хочешь познакомиться поближе со своими бледнорожими друзьями.

Конан успел вынуть точильный камень и хо-рошенько подправить меч, который затупился после схватки в хижине старухи, когда сверху раздался голос.

— Тут кругом вершины.

— Хорошо сказано, — проворчал Конан, — мы в Рабирийских горах, приятель, если ты этого до сих пор не заметил.

— Слева гора, похожая на седло с высокой лу-кой, — продолжал купец, — чуть правее пик, на-поминающий остроконечный колпак турецких...

— Довольно, — рявкнул Конана и стукнул ку-лаком по стволу. Посыпалась сухая хвоя. — Нет ли горы, похожей на купол храма Митры в Тана-суле?

— Я никогда не был в Танасуле, — ответил Миэлин, — так я продолжу. Дальше идет гора, которая формой напоминает ухо заморийского виверна.

— Кром, ты посылаешь мне испытания, — простонал Конан. — Эй, купец, всмотрись полу-чше, нет ли там горы, похожей на половинку ша-ра?

— А, так ты ищешь гору, напоминающую оп-рокинутый котел? — оживился голос сверху, — так бы сразу и сказал. Да, есть такая. Если по-

смотреть на солнце и мысленно отсчитать от него два локтя вправо, то она будет как раз там. А для чего она нам? Там что: можно спрятаться от гулей?

— Если мы успеем попасть на ее вершину до захода солнца, — прорычал в ответ Конан, — тогда наше пребывание в этом негостеприимном месте сильно сократится. Спускайся быстрее, пока я не начал трясти ствол, чтобы тебе помочь!

Вдалеке послышался торжествующий вой гулей.

Конан поморщился.

Если твари опять затеют схватку, то они рискуют не успеть к сроку. Варвар прикинул — сколько времени им потребуется, чтобы оказаться у подножия горы, а потом посмотрел на небо. Если им удастся избежать битвы, то есть шанс успеть. По крайней мере, попытаться стоит.

Сверху раздался шум, посыпались поломанные ветки, и под ноги варвара шлепнулся купец из Пограничья, который почти у самой земли потерял равновесие и все-таки сорвался вниз.

— Может стоило сказать прекрасной Эвисанде, что ее племянника найти не удалось, — поскреб в затылке варвар, — Кром, иногда я начинаю думать, что лучше не иметь родственников.

* * *

Эти хрупкие на вид создания двигались удивительно быстро и Конан понял, что их слишком много и одним добрым мечом тут не обойдешься. На купца же рассчитывать нечего — он не воин — это ясно! Конан пожал плечами и повертел головой по сторонам. Внимание варвара привлек большой замшелый валун, который как нельзя лучше подходил для того, чтобы несколько охладить пыл любителей свежатинки. Кроме того, тропа по которой они взирались наверх была узкой и свалившийся валун мог перегородить ее и тем самым ненадолго задержать гулей. Конан обхватил камень, его огромные мышцы напряглись, но валун почти не дрогнул.

— Эй, купец, — крикнул киммериец, — помоги-ка мне столкнуть вниз вот эту штуку.

Миэлин опасливо подошел и вздернул брови:

— Ты полагаешь, что нам вдвоем будет под силу совладать с этой громадой?

— Еще одно слово и я сброшу вниз тебя! — рявкнул Конан, — думаю, что это несколько развлечет наших рабирийских друзей. В конце концов, Пограничье ничего не потеряет, если лишится одного безмозглого торговца!

Миэлин обиженно надул щеки:

— Ну, если ты думаешь, что так будет лучше... Он подошел к Конану и схватился за камень.

Конан искоса наблюдал за ним.

— Ты толкаешь валун или держишься за него?

— Толкаю, толкаю, — запыхтел купец, поднужившись.

Киммериец удовлетворенно заметил как вздулись жилы на бледном лбу юноши и тоже удвоил усилия. Через пару терций камень зашатался как гнилой зуб.

Варвар дождался, пока гули выйдут на узкую тропу, и издал боевой клич киммерийцев.

Гули ответили ему истощным воем.

Варвар толкнул плечом валун и тот с гулким грохотом, сшибая кору со стволов и с треском подминая под себя кустарник, ринулся вниз. Через несколько мгновений, оттуда послышался визг и вопли. Преследователи брызнули во все стороны.

— Пожалуй, наш подарок пришелся этим тварям по душе! — хмыкнул варвар. — Эй, купец, прибавь ходу, а то мы не успеем к сроку!

Миэлин зачарованно наблюдал, как камень, докатившись почти до конца склона, застрял между двумя толстыми стволами, чудом выдержавшими удар такой силы, и намертво перегородил тропинку...

— Что, приятно хоть раз в жизни увидеть результат собственной работы? — расхохотался варвар, — да, уж — это тебе не в лавке честных хайборийцев дурить, подсовывая им лежалый товар.

— Мой товар очень хороший, — насупился Миэлин, — а караваны...

Договорить он не успел, потому что от оплеухи варвара покатился кубарем по склону.

— Ну почему эти торгаши никогда не понимают человеческого языка? — вздохнул киммериец.

* * *

Им оставалось до вершины каких-нибудь десять десятков шагов, как вдруг прямо перед ними что-то рухнуло на тропинку, подняв тучу пыли и мелкого щебня. Купец охнул и сел, а варвар мгновенно встал в боевую стойку и выхватил меч.

Но меч не понадобился, потому что варвар узнал дочь чародея, которая стояла на четвереньках и ошалело вертела головой.

— Что, захотелось подышать горным воздухом? — прищурился варвар. — Кром, ну почему ты посылаешь мне такие бессмысленные создания? Эй, девица, вставай! Вставай, а то гули не посмотрят, что ты дочь великого чародея! Уверяю тебя, что кровь на вкус у всех одинаковая. Хотя, кто знает, может эти твари и впрямь способны почувствовать разницу...

Файонарана, которая наконец начала приходить в себя, ухитрилась подняться с четверенек, села и попыталась отряхивать парчовое платье.

Ее многочисленные монисты и ожерелья зазвенели. Миэлин подошел и протянул руку.

— Вставай!

Та непонимающе посмотрела на него, а потом встретилась взглядом с варварам и съежилась.

— Ты слышишь, что говорит тебе твой воздыхатель? Вставай! — рявкнул Конан. — Это первые разумные слова, которые я услышал от него! Вставай, а то, рога Нергала, всем нам придется несладко!

Видя, что Файонарана медлит киммериец подошел к ней и рывком закинул к себе на плечо. Дочь мага, висящая вниз головой подобно охотничьей добыче, заверещала и принялась громко возмущаться, колотя варвара по спине крохотными кулачками.

— Сегодня неудачный день, — вздохнул варвар, — мне все время приходится носить кого-то на руках. Можно подумать, что Митра не дал этим лентяям собственных ног и не научил их ими двигаться... Эй, женщина, лежи там тихо и прекрати меня щипать! Слышишь?

Дойдя до вершины, Конан взял девчонку за шиворот и не самым деликатным образом поставил на ноги.

— Что тебе здесь понадобилось? — прорычал он. — Ты что, не могла найти другого развлечения, кроме того, что вмешиваться в дела, которые тебе не по силам?

— Я хотела помочь, — захныкала Файонарана и слезы потекли по ее лицу, превращая в грязные разводы узоры, которыми оно было разрисовано.

— Ты хочешь сказать, что я, Конан из Киммерии, нуждаюсь в помощи женщины?! — сдвинул брови варвар.

— Я не хотела обидеть тебя, просто мне было очень одиноко, мой король, — всхлипнула стирийка, вытирая лицо подолом платья.

— Обидеть меня? — расхохотался Конан. — Дитя мое, все те, кто пытались обидеть меня уже давно гуляют по Серым Равнинам. Скажи лучше, что нужно делать, чтобы мы перенеслись обратно? И, кстати, если ваш чешуйчатый Сет еще не окончательно забрал твой разум, то ты заметила, что нас теперь трое? Ты что-то говорила о том, что можешь переносить на расстояние только одного человека?

— Гора-Купол одно из магических мест Хайбории. И благодаря этому мое чародейство будет усилено. В крайнем случае, мой король, если волшебной мощи не будет хватать, мы с легкостью сможем оставить здесь этого смертного, — она дернула подбородком в сторону купца.

Конан задумчиво посмотрел на племянника Эвисанды и поскреб в затылке.

— Познакомившись с ним поближе, я начинаю думать, что в твоих словах много правды. Но

было бы досадно совершить путешествие в Рабирийские горы и вернуться с пустыми руками. Поэтому ты уж постараися, чтобы в Стигию вернулись все трое.

— Как скажешь, северянин!
— Что нам нужно делать?
— Ничего, — пожала плечами дочь мага. — Помнишь, что я говорила тебе в прошлый раз: закрой глаза и отдайся воле богов!

Киммериец уже открыл рот, чтобы высказать все, что он думает о чародеях и их детях, как вдруг в глазах у него потемнело, голова закружилась и, он почувствовал, как стремительно куда-то проваливается. В ушах раздался звон, будто кто-то разом привел в движение множество колокольчиков

Через несколько мгновений он ощутил под ногами вместо каменной поверхности мягкую землю, а вместо злобных воплей преследовавших их жутких созданий — щебетание птиц. Конан отсчитал нужное число ударов сердца и открыл глаза. Вокруг зеленел сад юной ведьмы. Варвар вздохнул и понял, что перемещение очередной раз завершилось удачно.

Рядом стоял Миэлин и с испугом глядел на ту, что играла его судьбой, забыв поинтересоваться его собственным мнением на этот счет. Не успел молодой человек подумать, что общество гулей не худшее, что может случиться с путни-

ком на дорогах Хайборийского мира, как юная осoba в запылившемся и помятом наряде даже не удостоив его взглядом, радостно взвизгнула и повисла на шее у обескураженного варвара.

— Ты всех победил! И сровнял с землей Рабирийские горы? Ведь правда?

— Ну, зачем же с землей? — сдержанно ответил Конан, осторожно отрывая неразумное создание от шеи. — В горах водится много всяких зверей и птиц, где было бы неправильно лишать их приюта.

— А гули, отчего ты не перебил их всех до единого? Ты ведь всегда так поступаешь с врагами, я знаю!

— В этом не было никакой нужды, — произнес уже вконец растерянный киммериец, — я явился туда не воевать, а вернуть назад вот этого любителя пеших прогулок. Кроме того, я воин, а не мясник. Зачем убивать без нужды?

Файонарана обернулась, окинула взглядом поникшего купца и поморщилась.

— А все-таки следовало оставить его там. Посмотри на него: разве ради такого стоило рисковать жизнью? Хотя, раз уж так все получилось, я дарю ему свободу, и он может отправляться на все четыре стороны! А ты, мой король, ты ведь еще побудешь у нас?

Не успел Конан отрезать, что он не игрушка для стигийских чернокнижников, как внезапно

Конан услышал голос Яхмоса так же ясно, как если бы некромант находился неподалеку.

— Прошу извинить мою дочь, она очень любит принимать гостей. Я вижу, тебе удалось вернуть твоего человека, король.

— Ты удивлен, маг? Заметь, я сделал это, не вступая в сделку с некромантами. Поэтому я ничем не обязан тебе, колдун!

— Не всем удается вернуться целыми и невидимыми из Рабирийских гор... Надеюсь, ты не откажешь нам с Файонараной в милости и погостишь у нас вместе со своими спутниками? Ведь в любой момент, как только ты пожелаешь, я смогу перенести вас обратно.

— Нет уж! — отрезал Конан, — пусть дорога из Стигии не близка и чревата опасностями, но по мне это куда лучше, чем летать по воздуху, повинуясь прихотям служителей Сета. Я предпочитаю спать на земле и заворачиваться в попону, подложив под голову меч, нежели еще раз испытывать терпение богов, отдаваясь во власть колдовских чар. Но я вынужден испытать твоё гостеприимство и побывать в твоем дворце, колдун, ровно столько, сколько нужно для того, чтобы набраться сил, приготовиться к дальнему походу и наточить мечи.

— Ты получишь все, что захочешь король! Я не хочу, чтобы Конан Аквилонский мог в чем-то упрекнуть меня. Кто знает, может нам и предсто-

ит встретиться с тобой в бою, варвар. Но если это и случится, то это будет в другой раз...

— Что ж, — усмехнулся киммериец, — тебе не откажешь в разумности слов и дел. Пусть стигийский маг и хайборийский воин, хоть раз в жизни уладят распри без лязга мечей и шипения колдовского зелья.

— Хоть я и не приглашал тебя, киммериец, знай, я рад, что боги свели нас на пути жизни.

— Это — так! Но не попадайся больше на моем пути, колдун! Твои речи разумны, твои деяния взвешены, но не хочу скрывать от тебя, что чаще всего мне приходилось говорить с чернокнижниками, когда между нами плясал клинок. Не по мне все эти колдовские штучки и дружбу с магами я не вожу...

— А как же Гристиан? Не с его ли помощью ты попал в мои владения?

— Твоя правда! — вздохнул варвар, — кто криво застегнул первую пуговицу, тому уж не застегнуться, как следует...

* * *

Возвращаться назад было решено самой короткой дорогой — через Шем и Коф, непременно посетив благословенную Ианту, а там оставалось всего-навсего пересечь Немедию с Полуденной до Полуночной ее стороны. В Шадизар, с которым у

киммерийца было связано столько приятных воспоминаний, отчего-то никто, кроме Конана, заглянуть по дороге не пожелал.

Киммериец понимал, что им предстоит преодолеть почти половину хайборийского континента и это займет не одну луну. Но в конце концов, в Аквилонии ситуация спокойная и его долгое отсутствие не предвещает никаких неприятностей для судьбы державы.

Перебравшись через Стикс и проехав всего день, они с удивлением обнаружили, что попали на бескрайнюю равнину, поросшую жесткой сухой травой.

То тут, то там поднимались небольшие холмы, чем-то напоминающие горы, населенные гулями. И вокруг словно все вымерло: в блеклом как будто пересохшем небе не пролетело ни одной птицы, ни одной мелкой зверюшки не прошуршало в траве. Путешественники были здесь единственными живыми существами.

Ни в одной из известных Конану карт никакой равнинны здесь не должно быть и тем не менее... После целого дня бесплодных попыток выбраться за ее пределы решено было остановиться на отдых. Вполне возможно, что наутро они увидят вместо этого навевающего тоску вида селение, возделанные поля и утоптанную дорогу, ведущую в один из городов-государств, которыми славится Шем.

Стемнело. Но тьма навалилась сразу — на этой странной равнине не было ни сумерек, ни постепенно сгущающегося мрака; как будто какой-то великан скрыл Колесницу Митры от людских глаз.

— Чувствую, что это прощальный подарок колдуна или попытка его дочурки вернуть нас назад, — пробурчал себе под нос Конан, вспомнив, как безутешно рыдала Файонарана, когда они уезжали.

Спать не хотелось; никто из путников не мог отделаться от ощущения, что где-то рядом притаилась неведомая опасность, только и выжидая, что люди погрузятся в ночной сон.

Вдруг одна из лошадей с пронзительным ржанием унеслась прочь, за ней вскоре последовали и другие. Тщетно путешественники пытались угадать, что за враг подкрадывается к ним. В не-проглядной тьме не было видно ничего напоминающего силуэт человека или зверя. Даже глаза варвара, которые могли видеть намного больше обычного человека, не смогли различить ничего необычного во мраке. Все та же бескрайняя равнина, те же колышущиеся под ветром жесткие стебли и стелящиеся по земле длинные листья травы, похожие на волосы Подземной Девы, которой случается, пугают непослушных детей жители гор, располагающихся между Заморой и Тураном...

Внезапно где-то вдалеке блеснул огонек, даже скорее крохотная еле заметная искорка. Огонек увеличился, рос прямо на глазах и всего за несколько мгновений превратился в целый костер. Теперь путешественники явственно ощущали запах горелой травы, слышали, как потрескивает огонь, пожирая пищу.

Костер вытянулся, приняв вид длинного огненного щупальца, которое потянулось к холму, на вершине которого люди устроились на ночной отдых. Полоса горящей травы раздвоилась подобно языку змеи, продолжая приближаться к ним, охватывая с обеих сторон...

* * *

— Ой, как страшно! — пискнула девочка, уткнувшись головой себе в коленки. Они же могли там сгореть, да?

— Без сомнения, опасность была велика, но нет такой опасности, которую не мог бы преодолеть король Конан и еще не родился тот, кто способен победить его в честном поединке или в состязании ума и хитрости...

— Ты это уже говорил, дедушка! — досадливо поморщился старший из внуков. — Расскажи лучше, что было дальше!

— Его величество со свойственным ему умом и прозорливостью смог в считанные мгновения

найти единственно верный путь к спасению. Он обнажил меч и бесстрашно шагнул навстречу непонятому врагу...

— Ты что-то путаешь, — заметил маленький мальчик, который устроился на коленях бывшего управителя замка. — Разве можно таким образом справиться с пожаром? Это же огонь, при чем же здесь меч?

— Не следует забывать, — наставительно произнес Арчибалд — что его величество Конан Первый владеет необычным оружием. Этот меч был откован на Первородном Огне и дарован его величеству самим Кромом, так как ему было предназначено стать героем...

— Но в прошлый раз ты говорил, что этот меч был выкован из стали, созданной Древним Народом, жившим еще до Начала Времен и отдан ему умершим королем, который много зим сидел на троне, ожидая своего преемника.

— Просто ты вместо того, чтобы внимательно слушать, все время вертишься и все пропускаешь мимо ушей! — рассердился бывший управитель замка и склонился над своими записями, выискивая, где он прервал свое повествование.

Маленькие слушатели уже начали думать, что сегодня им так и не доведется узнать, как Конан и его спутники справились с бегущим огнем, как вдруг старик заговорил сам безо всякого напоминания.

— Его величество вынул из ножен меч и крутнулся в воздухе, выписывая замысловатый узор. Раздался звук, подобный завыванию ветра в каминной трубе и размахивая мечом, его величество бесстрашно шагнул навстречу с ревом движавшейся на них пылающей стене. Меч столкнулся с огнем и пламя отступило. Смолкло потрескивание горящей травы, стена огня покрылась прорехами подобно шелковой одежде разорившегося нобиля, который избрал местом своего постоянного пребывания один из подозрительных кабачков в неблагополучной части города. Не прошло и четверти колокола, как пламя, готовое пожрать и лагерь и самих путешественников, потухло окончательно.

Внуки завозились, зафыркали и стали тыкать друг другу локтями в бок.

— Вы что не верите тому, что написано в манускрипте? — строго спросил Арчибалд.

Дружный хохот бы ему ответом. Старик махнул рукой и продолжил:

— Утро застало их посреди равнины, покрытой слоем черной сажи, она же покрывала одежду путешественников, их лица и волосы, делая похожими на выходцев из царства Нергала. Они двинулись в путь, выбрав направление наугад и следя лишь за тем, чтобы не возвращаться назад, описав большой круг. Солнце поднялось уже довольно высоко, когда впереди показалось нечто,

что внесло разнообразие в окружающую местность. Это были две довольно высокие, в рост человека, стопки, сложенные из светлых плоских камней, совершенно не тронутых копотью. Повинувшись внезапно возникшему желанию, путешественники проехали между этими странными сооружениями и тут же с удивлением обнаружили, что находятся на одной из самых оживленных дорог Шема.

Оглянувшись назад, они увидели все ту же дорогу, деревья и чахлые кустики. Единственное, что не оставляло сомнений в том, что ночное приключение произошло на самом деле, был вид самих путешественников. Немногие путники, попадавшиеся навстречу в этот ранний час, с изумлением смотрели на них.

Заявившись на первый постоянный двор в гостевом квартале, они потребовали лучшие комнаты, побольше горячей воды и хорошую еду.

Конан и его спутники не спешили отправляться дальше, наслаждаясь после тягот дальнего пути спокойствием и благами цивилизации. Наконец несколько дней спустя они покинули гостеприимную таверну.

Лошадей со всей сбруей взамен тех, что сбежали ночью, им удалось за небольшие деньги купить у шемских торговцев.

* * *

Верхом дорога казалась несоизмеримо приятнее. Один из охранников, попавших вместе с Миэлином во владения стигийского некроманта, заголосил шутливую балладу о том, что место вечного блаженства, о котором твердят бродячие жрецы, не так уж далеко — всего лишь на высоте лошадиного роста.

Когда до границы с Кофом было уже буквально подать рукой, путешественники попали в разбойничью засаду. Конан не боялся предстоящей стычки, более того, он даже обрадовался возможности немного поразмять кости. Его гвардейцы тоже не были новичками в такого рода случаях. Миэлин, которому это было еще внове, старался сохранить присутствие духа и ничем не выдать своего волнения.

Рука варвара уже тянулась к мечу, а сердце замирало от сладостного предвкушения хорошей драки, как вдруг все изменилось. Один из разбойников — настоящий великан с растрепанной черной бородицей, одетый в развевающийся ба-лахон из огненно-красного виссона, внезапно остановился, радостно выругался и властным жестом удержал остальных, готовых броситься на замерших посреди дороги путешественников.

— Хо-хо! — воскликнул он хриплым басом. — Разрази меня Дамбаллах, это же Конан из Ким-

мерии! Выходит, тебе еще не снесли башку, бродяга?

— А я смотрю, твоя тоже пока что не насажена на кол напротив дворца правосудия одного из этих городишек. Приветствуя тебя Архоз из Кангара! Вот так встреча! — отвечал северянин, пряча свое грозное оружие в ножны и раскрывая объятия.

— Отличный повод напиться! — снова загроттал великан. — Ребята, вы только поглядите, кто перед вами! Славно мы тогда отделали этих аргосцев. Эти ходячие мешки с навозом еще хвалились, что лучше их гладиаторской школы на свете нет. Ты так и лазиши по сокровищницам или нашел себе занятие поинтереснее? А это кто, твои друзья? Тысяча демонов, чего же мы торчим посреди дороги?! Дети мои, сегодня мы устроим пир во славу непобедимого Конана и его товарищей! Смотрите, чтобы все было как следует! Вино должно литься рекой, ясно?!

... Пир удался на славу. В развалинах загородного дворца были накрыты столы, наспех сделанные из остатков дверей, украшенных тончайшей резьбой и остатками позолоты, положенных на винные бочки. В огромном камине жарилась целая туша быка: Красного аргосского и золотистого хауранского, которое, стоит лишь открыть бутылку, так и норовит выплеснуться наружу, было вдоволь.

Конан, который оказался во главе стола рядом с Архозом, чувствовал себя в этом обществе как рыба в воде. Они со старым товарищем, с которым не виделись Эрлик знает, сколько лет, вспоминали добрые старые времена, споря и перебивая друг друга. Потом они в шутку принялись бороться, запив это дело целым кувшином крепкой ягодной настойки, способной запросто свалить с ног непривычного человека. Гвардейцы Конана тоже держали себя так, будто оказаться в компании разбойников для них — более чем привычное дело.

Миэлин и его люди поначалу пребывали в полнейшем изумлении от происходящего, но после нескольких стаканов вина развеселились и купец даже пытался подпевать старинной разбойничьей песне, которой не повредило даже то, что исполнялась она за этим столом на четырех языках одновременно. После молодой купец начал с увлечением рассказывать соседям по столу про жизнь в Пограничье и нравы оборотней. Выходило, что более миролюбивых и дружелюбных созданий не найти на всем свете. Порядком захмелевшие разбойники подначивали рассказчика прямо сейчас превратиться в волка или хотя бы повысить на луну.

Как-то сам собой зашел разговор о планах на будущее и Конан, признавшись, что он теперь не наемник, не гладиатор и не заморанский вор, а

король Аквилонии, предложил им поступить на службу короне. Те сначала упорствовали, ссылаясь на сильнейшее отвращение ке всякого рода дисциплине, но варвар настаивал, красочно расписывая, какие возможности откроются перед ними и даже пообещал главарю звание капитана.

На следующее утро было решено дальше отправиться всем вместе. Дорога до столицы Аквилонии не была отмечена событиями, достойными упоминания. Разве что новый отряд аквилонской армии увеличился еще на несколько десятков славных воинов. Совершено случайно путешественники встретили наемников, командир которых был знаком с Конаном еще тогда, когда оба они были простыми воинами...

Хозяева встреченных по пути постоянных дворов благодарили судьбу, пославшую им таких выгодных посетителей, и радостно подсчитывали выручку. Служанки и веселые девицы, ошалевшие от такой неслыханной щедрости, прятали по укромным уголкам неожиданно свалившееся на них богатство...

* * *

Когда король Аквилонии въехал в свою столицу — Тарантию, то радостные горожане стояли по всей длине дороги во дворец и оглашали воздух радостными криками. Они бросали под

копыта коней можжевеловые ветки, в знак благосклонности Митры, а купец и гвардейцы отвечали им тем, что швыряли в толпу пригоршни серебра.

Едва ступив на мощеный пол Лурда, Конан схватил за руку слабо сопротивляющегося купца, и потащил его по коридору:

— Пойдем-ка со мной, я должен показать госпоже Эвисанде, что ты цел и невредим, а варвар, будь он хоть трижды король, всегда остается верен своему слову.

Ночная Владычица встретила киммерийца во всем блеске своего великолепия.

— Ах, мой повелитель, — закричала она, — опустившись на колени и обхватив ноги варвара, — сколько раз я приносила жертву Огенноликуму, моля его, чтобы с тобой ничего не случилось и боги даровали бы тебе победу!

— Так оно и произошло, — усмехнулся варвар, — осторожно поднимая женщину с колен, — я то не мог взять в толк, кого нужно благодарить за то, что я опять уцелел? А теперь знаю точно...

Эвисанда только сейчас заметила купца, который смущенно стоял в стороне.

— А кто это, мой король? Это твой новый оруженосец? У него недостаточно бравый вид?

— Оруженосец? — расхохотался Конан, — Кром, не посчастливится же тому, кого боги на-

градят таким оруженосцем! Нет, Эвисанда, это — Миэлин, сын твоей сестрицы, за которым ты послала меня на край света.

— Так это он и есть... — разочаровано протянула женщина, едва взглянув на спасенного. — В прошлый раз, когда я видела его, он был милым ребенком, а теперь, как я вижу, стал таким взрослым... — и она всхлипнула.

— Что опять печалит тебя, моя госпожа? — поинтересовался Конан, осторожно вытирая прозрачную капельку в уголке глаза красавицы, стараясь проделать это как можно осторожнее.

— Ах, мой король, — вздохнула Эвисанда, — я так жалею, что не отправилась вместе с тобой и не увидела, как ты совершаешь подвиги...

— Нашла о чем жалеть, — пробурчал сконфуженный варвар. — Завтра с утра отправимся в поход. Обещаю, что подвигов будет столько, что тебе наскучит на них смотреть... Ты ведь, кажется, еще не была в Асгарде?

— Увы, это уже не требуется, — ответила молодая женщина, — как раз сегодня доставили свиток от магистра Гристиана. Ему удалось найти остальных из пропавшего каравана; они уже следовали назад в Вольфград и не нуждались ни в какой помощи. Более того, они везли в Пограничье целые мешки золотых монет... А прозрачный зверек из Ярмулака сожрал мое любимое сапфировое ожерелье. Я забыла его на каминной

полке, а когда вернулась, то смогла вытащить изо рта этого маленького обжоры лишь одну застежку. А это пушистое существо, которое ты привез вместе с этим негодником, устроило настоящий переполох. Прошу тебя, прикажи ему вести себя как следует!

— Прелесть моя, что могла натворить эта живая игрушка? Самое худшее, что зверек делает — это повторяет чужие слова.

— Вот именно! Он пробрался в казарму гвардейцев, а потом принялся навещать покои придворных дам, повторяя слова, которые услышал от этих невеж.

— Какие еще слова? — озадачено переспросил киммериец.

— Я не могу этого повторить, — опустила глаза золотоволосая красавица. — Это такие ужасные выражения... А как же магистр Гристиан? Ты обещал по-королевски вознаградить его за помощь. Надеюсь, ты об этом не забыл?

— Что ты, моя умница, конечно же, нет, — обрадовался Конан. — Думаю, самым правильным будет доставить ему награду лично. Это же совсем недалеко, заодно можно будет удостовериться, что во владениях Эрхарда теперь все спокойно. Ты уверена, что не хочешь поехать вместе со мной?

* * *

— Вот так и закончились поиски пропавшего каравана, который сбился с пути из-за злой воли стигийского чародея, — закончил свое повествование почтенный Арчибалд, откладывая в сторону испещренный записями пергаментный свиток. Миэлин, немного погостив, вскорости отбыл в Вольфгард. Несмотря на то, что большая часть золота оказалась потрачена на... необходимые дорожные расходы, молодой купец все равно пребывал в неколебимой уверенности, что поездка прошла более чем удачно. Он сам это сказал когда уезжал и оставил мне вот это.

На ладони у старика красовалась большая серебряная монета. С одной стороны ее была цифра, окруженная сосновыми ветками, на другой — улыбающаяся волчья морда.

— И король Конан с госпожой Эвисандой живут долго и счастливо, да, дедушка? — мечтательно спросила старшая внучка.

— Все совсем не так, — ответил тот. — Когда его величество возвратился из одного дальнего похода, с ним была госпожа Зенобия, о происхождении которой запрещалось даже упоминать... Прошло не так много времени как она превратилась в ее величество королеву Зенобию. В отличие от тех женщин, о которых я упоминал в начале своего повествования, она являлась короле-

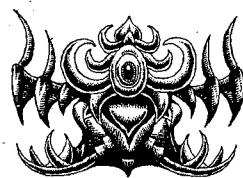
вой круглые сутки, все двадцать четыре колокола. Так что на твоем месте, моя дорогая, я не считал бы долю Ночной Владычицы такой уж звидной, — добавил старик, внимательно взглянув девушке в глаза. — А еще менее того я бы советовал тебе тайком держать в своей комнате портрет его величества Конана Первого.

Лилиан Тревис

МАНТИЯ МАГА

Лання и на удивление теплая весна превратила дороги Пограничья в не-пролазные топи из снега и жидкой грязи. Но путешественников, которые направлялись к рубежам Гипербореи, такое положение дел ни капельки не смущало. Впрочем, весенний воздух, по-зимнему холодный в тени и почти жаркий на солнце, способен был заставить петь от радости сердце любого, наделенного способностью чувствовать.

Особенно радостным было лицо у того, кто без сомнения был здесь главным — мужчины огромного роста с гравой темных волос и глазами удивительного синего цвета, напоминающими старинные огирские сапфиры и то лишь те, которые были добыты задолго до рождения предков нынешних королей.

Король Аквилонии Конан радовался счастливому случаю, благодаря которому он, будучи занят исключительно важным государственным делом, ныне пребывает вне стен своего дворца. Причина, побудившая его отправиться в путь,

требовала личного королевского участия. Для Аквилонии а также дружественного Пограничья было важно заручиться поддержкой Гипербореи — государства, где обитают прославленные мастера магического искусства. Кроме того, Конан решил лично вручить королевскую награду магистру Гристиану, оказавшему поистине неоценимые услуги в поисках купеческого каравана, пропавшего из-за козней злонамеренного стигийского чародея Яхмоса.

Перевалив Немедийские горы, на что в это время года мог решиться только либо безумец, либо отчаянный храбрец, отряд ступил на землю Пограничного королевства. Впрочем, те, кто сопровождал короля Конана в этом путешествии, как раз и отличались подобными качествами. Даже дворцовый библиотекарь Хальк Юсдаль, который добровольно принял на себя нелегкую обязанность королевского летописца и исполнял ее с усердием, достойным всяческого уважения.

Этот тщедушный на первый взгляд дворянин из Гандерланда был способен при необходимости показать себя мастером фехтования и знатоком магических существ. Поэтому ни одно путешествие хотя бы слегка отличающееся от увеселительной прогулки, не обходилось без его участия. Прочие же спутники Конана зывали государя, когда его чело еще не украшала корона Аквилонии. С кем-то мужественного киммерийца свела

судьба в бытность простым наемником, с другими он, при желании, мог бы вспомнить славные походы Алого Братства, не дававшего покоя купцам, решившимся отправиться в путь по морю Восхода.

Так, двое конников, что скакали слева от короля, лишь недавно поступили на службу в личную королевскую гвардию. Всего пару лун назад они были украшением разбойничьей шайки Архоза. Двое других, похожих друг на друга как братья-близнецы, были уроженцами Пограничья и внимательный взгляд мог бы опознать в них оборотней. Еще один спутник — стройный мужчина с длинными седыми волосами, отливавшими на солнце всеми оттенками старого серебра, принадлежал к древней расе гулей, обитающих в Рабирийских горах.

В цивилизованных государствах и тем более при королевских дворах этих существ принимали с большой опаской. Конан же, которому довелось немало побродить по свету и на чью долю судьба отпустила множество нелегких испытаний, привык судить о тех, кто оказывался рядом с ним, основываясь не на сплетнях и слухах, а на их истинных достоинствах.

Какая разница, что скрывается под доспехом — тело, покрытое чешуей или звериной шерстью? Важно лишь то — горячее ли сердце у его обладателя и ведомы ли ему такие понятия, как

честь и отвага. Сколько раз на пути Конана люди из плоти и крови оказывались настоящими чудо-вищами, а самые удивительные создания, которых когда-либо сотворяла рука богов, являли собой образцы добродетели. Что с того, что рабирийские гули имеют острые клыки и не прочь отведать теплой крови? Зато месьор Зериан нечеловечески трудолюбив и никогда не бросит начатое дело. Кроме того, ему нет равных в битве, когда вокруг свистят стрелы и звенят мечи. Зная, что король судит своих воинов не по знатности рода или месту рождения, а лишь по их действиям, — гвардейцы Конана отвечали ему искренней любовью и бесконечной преданностью, идущей из глубины души.

* * *

Путешествие по землям Пограничья нескользко затянулось. На переход от одного маленького городка до другого, который при благоприятной погоде занял бы не более нескольких колоколов, уходил теперь почти весь день.

На исходе одного из таких длинных нелегких дней усталые путешественники вошли в ворота одного из тех городков, которые еще недавно носили скромное название селения оборотней. Теперь после многих перипетий, в недалеком прошлом потрясших основы мироздания и едва не

сокрушивших равновесие между порядком и хаосом, там мирно уживались люди и оборотни, стараясь преуспеть в торговле и прочих мирных занятиях, извлекая из этого несомненную пользу для проезжающих и для самих себя.

Найти таверну, где можно было бы перекусить и дать отдых себе и еще более усталым коням, оказалось совсем не трудно. Стоящее на пригорке двухэтажное здание, построенное из свежих бревен, еще хранящих запах леса, было видно издалека. Чтобы господа проезжающие не тратили время на ненужные поиски и сомнения, крышу дома украсил ажурный металлический флюгер, изображавший двух волков, вставших на задние лапы, которые повернулись друг к другу спинами.

Но, приблизившись к дому, который издалека казался таким гостеприимным, путешественники остановились, пораженные открывшимся им зрелищем.

Неподалеку от коновязи прямо на стене кто-то с непонятной целью вывесил нечто похожее на кусок темной ткани. Конники переглянулись. В головах Конана и его спутников мелькнула мысль о том, что часто такими вот темными полотнищами отмечают дома, которые посетила заразная болезнь. Однако сомнение мелькнуло и исчезло. В самом деле, если в доме находился опасный больной, то темный флаг разевался бы

на крыше и ворота были наглухо закрыты. Значит, причина, побудившая кого-то к такому необычному поступку, была иного рода.

При ближайшем рассмотрении зрелище оказалось еще более поражающим воображение. Темная материя оказалась частью одеяния мага, а именно — мантией. С небольшого расстояния хорошо просматривались выцветшие пентаграммы, украшавшие ее поверхность. Изрядно поноженная мантия была прикована к бревенчатой стене цепью, способной удержать черного немедийского быка. Железные звенья толщиной почти в два пальца взрослого мужчины, выходили из одного рукава и скрывались в другом. Один конец цепи был намертво закреплен в бревенчатой стене, другой заперт на внушительного вида замок. Как будто возле стены стоял невидимый пленник, внушающий страх даже в своем нынешнем незавидном положении. Спешившись и обступив непонятную находку кругом, спутники Конана принялись строить догадки:

— Должно быть, мы видим перед собой развязку какой-то из придворных интриг, — многозначительно произнес Хальк и потянулся за дорожной сумкой, чтобы зарисовать эту диковину.

— Что ты, какие придворные интриги могут быть здесь, в Пограничье?! — со смехом перебил его гвардеец Авген, который пару лун тому назад совершил вместе со своим королем удивительное

путешествие в окрестности города Небтху. — Просто странствующий маг выставил свою одежду проветриться, а цепью приковал, чтобы она не прилипла кому-нибудь к рукам. Хотя лично мне такая была бы и даром не нужна, даже будь она поновее.

— Сразу видно, что здесь отродясь не было по-настоящему искусных воров, — ответил ему Стефанос, еще недавно входивший в ватагу Архоза. — Такой замок, несмотря на то, что он величиной с кулак, не защитит от кого-то чуть более умелого, чем мальчишка-новичок. Даже я открыл бы его меньше, чем за четверть колокола.

Авген оживился, глаза его засияли.

— Четверть колокола? Ох и горазд же ты врать приятель. Взгляни внимательнее на этот замок. Это заморийская работа, Нергал его побери, а уж там-то знают толк в запорах. Может ты и откроешь его, но уж всяко времени тебе понадобится куда больше, чем четверть колокола. Думаю, что мы успеем хорошенько отдохнуть в этой таверне и опорожнить немало кувшинов вина, прежде чем эта диковина поддастся твоим неуклюжим пальцам!

Стефанос поглядел.

— Готов поспорить с тобой, гвардеец, что не пройдет и четверти колокола, как этот замок будет открыт, и ты сможешь примерить мантию мага!

— Отлично! Спорим на серебряную монету! Лишь бы хозяин этой тряпицы не помешал нашей забаве. Говорят, с чародеями шутки плохи.

— Да мы же не собираемся ничего красть! Я просто открою этот замок, а потом все вернем как было. Вряд ли колдун может заточить на нас злобу за столь невинную шутку.

Конан, который с интересом прислушивался к спору, махнул рукой, подзываая летописца.

— Эй, Хальк, сбегай и спроси у хозяина чем они тут меряют время. И тащи сюда то, что у них там есть. Не знаю, что это будет — огневой стержень или клепсидра...

Через несколько мгновений Хальк вернулся, держа в руке длинный цилиндр, слепленный из животного жира, смешанного с воском. На него были нанесены деления, с помощью которых и отмеряли время. Огневой стержень поджигался, жир таял, длина его уменьшалась. В Аквилонии иногда к боковым сторонам утюжка прикрепляли медные штырьки, которые по мере выгорания и таяния воска, падали на металлическую чашу, в центр которой ставился огневой стержень. Это позволяло определять на слух — сколько времени прошло...

Киммериец повернулся к Стефаносу.

— Готов?

Тот кивнул головой.

— Начали!

Хальк поджег огневой стежень. Авген заухмы-
ялся.

Участники спора приблизились к прикован-
ной мантии. Стефанос, сохранивший привержен-
ность к традициям старой школы, которые с ве-
ликим тщанием вбил в него когда-то одноглазый
Магнус, достал из-за голенища сапога несколько
причудливо изогнутых железок. Загородив собой
замок так, чтобы досужие зрители не могли пе-
ренять секретов его мастерства, Стефанос зако-
пошился в замке.

Авген злорадно наблюдал, как длина огневого
стержня уменьшается. Было тихо, лишь лошади
изредка всхрапывали и били копытами.

Когда длина восковой свечи уже почти при-
близилась к роковой метке, обозначающей чет-
верть колокола, замок вдруг жалобно щелкнул и
с грохотом упал на землю. Цепь зазвенела, вы-
ползла из рукавов и печально повисла на приби-
том конце. Мантия сползла на землю и застыла
там бесформенной грудой.

— Есть!

Стефанос торжествующе повернулся и фыркнул.

— Кузнецы Шадизара еще не придумали тако-
го запора, с которым не смогли бы справиться
пальцы настоящего мастера. Эй, Авген, готовь се-
ребро, а то у меня пересохло в горле.

Гвардеец досадливо крякнул и потянулся за
кошельком.

— Стефанос победил честно! — захотел Конан. — Видно ремесло шадизарского вора никуда не уходит с прошедшими зимами. Эй, бродяга, приладь замок на место и пойдем, наконец, уже набьем наши желудки сытной деревенской едой!

Но, стоило бывшему разбойнику потянуться
за цепью, как вдруг мантия зашевелилась, при-
поднялась с земли, размахнулась пустым рукавом
и отвесила ему крепкую оплеуху. После это-
го она взвилась в воздух и принялась летать над
головами ошарашенных путников, будто гони-
мая порывами ветра.

— Кром, — проворчал недовольный Конан, —
опять колдовство. Когда же, наконец, можно буд-
ет спокойно поесть и выпить вина не опасаясь
столкнуться с кознями очередного некроманта?

С этими словами варвар, который питал силь-
нейшее отвращение к магии, протянул руку, что-
бы схватить взбесившееся одеяние, как вдруг
прямо над головами близнецов-оборотней сгости-
лось темное облако, отдаленно напоминающее
человеческую фигуру.

С оглушительных хохотом перекувырнувшись
в воздухе, фигура ударила о стену конюшни,
которая тотчас же покрылась многочисленными
крохотными отверстиями, что означало присут-
ствие жуков-древоточцев. Через несколько мгно-
вений прочная бревенчатая стена рухнула, обратившись в кучу древесной трухи и открыв взо-

рам собравшихся беспокойно фыркающих в стойлах лошадей, аккуратно развесанную сбрую и конюха с молоденькой служанкой, беззаботно предающихся любовным утехам на сене. Плоские каменные плитки, которыми была выложена тропинка к двери таверны, сперва встали дыбом, а затем сложились в причудливые фигуры наподобие тех, которые строят любители игры *верайо*, чтобы затем разбить их метким броском дубинки из пущанского дуба.

Подхватив отчаянно визжащую служанку, всю одежду которой составляла нижняя юбка, прозрачный озорник поднял любительницу удовольствий в воздух и посадил на крышу дома. После этого, пожелав всем приятного дня, на самом изысканном бритунском языке, туманная фигура скрылась, как будто ее никогда и не было.

Все стояли раскрыв от изумления рты и уставившись в небо. Но тут слуха путешественников достигли пронзительные вопли.

— Пустоголовые глупцы, не видящие дальше собственного носа! Тупые отродья водяной коровы! Гнусные прохвосты, с самого рождения не вылезавшие из выгребной ямы! Вы бы лучше нашли своим блудливым рукам более подходящее применение, чем совать их, куда не просят!

Кричавший оказался низеньким щуплым стариком, одетым в мантию похожего покроя, но из несравненно более дорогой и новой ткани.

— Что случилось, почтенный? — попытался урезонить его хранитель королевской библиотеки. — Неужели есть необходимость волить так, словно за тобой гонятся все демоны Зандры?

— Ах ты книжный червь с откушенным хвостом, — не унимался маг, яростно тряся головой, отчего капюшон свалился с его головы, открыв на всеобщее обозрение розовую лысину, окруженную венчиком стриженных седых волос. — Думаешь, что прочитав несколько свитков чужих мыслей, ты уже получил право перебивать тех, кто старше и умней тебя?

Гуль, который почувствовал себя задетым, попытался прекратить поток оскорбительных речей с помощью магии, но добился лишь того, что вызвал у ругателя легкий приступ кашля и тем самым обратил на себя внимание разъяренного старика:

— Где ты раньше был со своей магией, когда твои друзья принялись тут пакостить! — завопил он, подпрыгивая и потрясая в воздухе сухоньким кулаком. — И ты тоже ни о чем не догадываясь, а еще кичишься своей принадлежностью к Исконному Народу! Слушайте же, безумцы, и ужасайтесь тому, что вы натворили. Мантия, которую вы ради пустой забавы лишили охранительной цепи, содержала в себе дух моего несчастного собрата.

— Собрата? — протянул кто-то вполголоса. —

Похоже, мы встретили большого любителя пошутить!

— Прекратите свое гнусное зубоскальство, невежественные ублюдки! — взорвался старец. — Сущность достойнейшего Аллимара присутствует в нашем мире лишь частично, я бы сказал фрагментарно, если это слово что-то говорит вашей дремучей безграмотности...

— Эй, старик! — выступил вперед Конан, — прикуси свой ядовитый язык, пока я не приказал моим гвардейцам тебе его подрезать. Утихомирься и объясни толком, что стряслось? Мои люди затеяли спор и хотели проверить: кто из них прав. Они не совершили ничего дурного...

— А ты кто такой, громила, чтобы затыкать мне рот? — взвизгнул маг. — Если это твои люди, то отвечать за содеянное предстоит тоже тебе!

— Я король Конан, владыка Аквилонии, — зарычал киммериец, — и сам Огнеликий не осудит меня, если я за твою дерзость прикажу содрать с тебя шкуру и набить ее камнями. Прекрати орать и объясни толком — что здесь произошло!

— А я что, по-твоему делаю? — окрысился было маг, но все же сбавил тон и продолжил вполне обычным тоном:

— Мой злосчастный собрат едва не открыл один из величайших законов мироздания, но... Силы, призванные способствовать в его изысканиях, оказались того рода, справиться с которы-

ми вряд ли под силу кому-либо из смертных, даже если это едва ли не самый могущественный маг Ордена Белой Руки.

— Тогда отчего он вел себя немного... странно? — поинтересовался хранитель королевской библиотеки.

Маг в ответ лишь печально вздохнул, поникнув головой подобно покрытому пылью увядшему цветку, растущему на обочине изъезженного торгового тракта.

— Увы, его блестящий ум бродит по дорогам Туманного Мира. Вы же созерцали лишь малую долю его разносторонней натуры. Рабочая мантия и заколдованная цепь — то единственное, что удерживало на месте дух моего несчастного друга. Теперь же, освободившись из-за вашей оплошности, он может никогда не вернуться в тело, которое уже третью луну ждет воссоединения с ним в одной из цитаделей Гипербореи. Увы мне, несчастному, я не смог спасти его! Какая потеря для всего хайборийского мира и какое горе для меня!

— Скажи, старик, — сконфуженно проговорил Стефанос, — неужели совсем ничего нельзя сделать?

— Сделать?! — подпрыгнул на месте чародей. — Пожалуй, именно ты, чьи руки касались заколдованной цепи, сможешь вернуть на место сущность моего лучшего друга чтобы я смог в

целости доставить ее туда, где она займет единственно подобающее ей место. Не говори ничего, я слышу твои мысли. Совершенно справедливо, он улетел, но есть одно место, которое мой неудачливый собрат непременно захочет посетить прежде, чем без возврата пересечь мутную реку. Речь идет о Граскаальских воротах. Ты должен отправиться туда не мешкая. Каждая капля промедления наносит непоправимый ущерб его уникальной сущности и с каждым мгновением мне будет все труднее вернуть его во всем блеске разума!

— Один он не пойдет! — раздался громовой голос Конана. — Я король и отвечаю перед Небожителями за своих людей. Не знаю откуда ты взялся, старик и почему так печешься об этом своем... как ты сказал... Аллимаре? Но мне жаль, что наша невинная шутка оказалась губительной для этого бесцелесного бедняги. Поэтому мы вместе исправим содеянное, старик! Клянусь Кромом!

— А как же наша миссия в Похиолу? — спросил Хальк, — ведь неизвестно сколько времени может потребоваться, чтобы отыскать этого беглого мага? Мы рискуем надолго задержаться в этих краях.

— Я привык отвечать за себя и деяния моих людей, — отрезал варвар, — а посему если этот несчастный нуждается в нашей помощи — он ее

получит! К тому же спасти сущность гиперборейского мага — что может быть более полезным, раз уж требуется наладить отношения с державой, которой правит Орден Белой Руки?

Он повернулся к магу.

— Пойдем старик, поведаешь нам свою историю за кувшином хорошего вина и жареным мясом. Или твоим слабым челюстям больше по вкусу каша из размоченного зерна, приправленная уксусом?

Маг нахмурился.

— Хоть я и стар, но от хорошего куска мяса не откажусь. И мы еще посмотрим, кто быстрее справится со своей долей.

— Будь по-твоему! — варвар дружески хлопнул старика по спине, от чего тот едва удержался на ногах.

* * *

— ...Именно так несчастье постигло достойнейшего Аллимара, — закончил свое повествование чародей Матриус, с проворством, неожиданным для его возраста и комплекции, поглощая уже которого по счету жареного цыпленка. — Даже я, кому повинуются все потусторонние сущности и природные элементали, был бессилен что-либо сделать для спасения своего лучшего и любимейшего друга.

— А в последний раз духи земли отказались явиться к тебе от великого страха, не так ли,

Матриус? — раздался знакомый голос. Магистр Гристиан, как будто возникший из воздуха прямо за столом, как ни в чем не бывало плеснул себе вина в деревянную кружку, размеры которой вызвали невольное уважение даже у Конана.

Варвар усмехнулся, со времени их последней встречи колдун совсем не изменился: тот же худощавый бритоголовый мужчина с колючим взглядом, одетый в темный хитон, отороченный рысым мехом. Гристиан прислонил свой посох из красного аргосского дуба, навершие которого было украшено шаром с изображением Руки Лухи — Владычицы Похиолы к засаленной столешнице и вопросительно взглянул на Матриуса, ожидая ответа.

— Гристиан, я рад приветствовать тебя, — выдавил из себя Матриус после затянувшегося молчания.

— Я решил, что небольшая прогулка развеет мою скуку и, вижу, что оказался вовремя.

— Да, да! Твоя помощь будет поистине неоценимой!

Ничего не ответив, Гристиан внимательно взглянул в глаза растерявшегося собеседника и тот съежился, испытывая сильнейшее желание сползти под стол или хотя бы на время стать невидимым.

Жестом остановив тех, кто, торопясь и перебивая друг друга, начал рассказывать о при-

кованной мантии и маге, лишенном лучшей части своей сущности, чародей произнес, предварительно наполовину опустив свою кружку:

— Похоже, дело и в самом деле серьезное и не терпит отлагательства. Вам повезло, что сейчас я совершенно свободен. Я знал несчастного Алламира и оказать ему помочь — мой долг.

— Но... Зачем же так утруждать себя? Стоит ли беспокоиться ради столь пустякового дела? — залепетал Матриус, теребя рукав своей мантии.

— Значит спасение своего лучшего друга ты считаешь пустяком? Не понимаю, куда делись свойственные тебе доброта, благородство и душевная щедрость? — усмехнулся Гристиан. — Впрочем, об этом мы еще успеем поговорить, а теперь нам нужно собираться в путь...

* * *

Дорога к Граскаальским воротам оказалась не такой короткой и не настолько легкой, как втайне надеялись многие из путешественников. Даже присутствие магистра Гристиана не намного улучшило положение вещей.

Как охотно объяснил он сомневающимся, горы Граскааль наполены своей собственной древней магией и никто не знает, как она может отреагировать на любое, даже самое незначительное возмущение колдовского поля.

Так, рассказывают, что однажды деревенский колдун Короцых вызвался провести странников через перевал. Желая рассеять ночную тьму, он сотворил простенькое заклинание, чтобы создать светящийся шар, но древняя магия не потерпела даже такого пустякового вмешательства и внезапный камнепад, отправил на Серые Равнины и самого незадачливого мага и всех его спутников...

К немалому удивлению Конана и его спутников, Матриус наотрез отказался идти вместе со всеми. Он заверил, что полностью доверяет мудрости славнейшего Гристиана, а ему самому непременно надлежит оставаться на равнине, дабы магическими манипуляциями попытаться как можно дольше сохранить телесную оболочку Аллимара.

Среди путников не нашлось того, кого бы опечалило отсутствие вздорного старика. Гуль еле слышно произнес старинную пословицу насчет повозки, которая начинает двигаться быстрее, после того как с нее будут сброшены мешки с ненужным хламом. Каврат выразил эту же мысль в более краткой и энергичной манере.

Гристиан, услышав это, лишь улыбнулся, отчего вокруг его глаз на мгновение появились морщинки, напоминающие солнечные лучи.

* * *

На исходе второй по счету седмицы, они перепалили через горный хребет из ослепительно-белого льда, внутри которого виднелись темные силуэты, имеющие устрашающее сходство с человеческими фигурами. После этого отряду пришлось преодолеть подземный ход, где в незапамятные времена духи почвы добывали капли застывшей крови земли, чтобы затем расплавить их на первородном огне, и выковать клинки, равных которым нет и поныне.

Когда вдали уже еле заметным пятнышком забрезжил дневной свет, отряд оказался на берегу подземного озера поразительной красоты. Вода в нем была подобна чистейшему горному хрусталию, вазу из которого в незапамятные времена подарил владыка Кхитая аквилонскому королю Алонзо — уроженцу Зингары. Несмотря на недовольство придворных и ворчание сенешала, эта диковина была извлечена из сокровищницы и со всеми возможными предосторожностями помечена в покоях госпожи Эвисанды, прозванной «Ночной Владычицей». Прекрасные вещи делаются не для того, чтобы пылиться по темным чуланам, их назначение — радовать глаз.

...Стоило кому-то из спутников Конана с радостным возгласом протянуть руку к воде, как он тотчас же оказался отброшен в сторону неведо-

мой силой. Магистр Гристиан провел рукой над поверхностью воды и из темных глубин выплыли странные существа, отдаленно напоминающие морских рыб. Правда, в отличие от последних, эти создания были лишены глаз и вместо чешуи их тела покрывали острые костяные нарости. Одна из этих тварей выскочила из воды и едва не вцепилась острыми изогнутыми зубами прямо в лицо королевскому гвардейцу. Тот в ужасе отскочил, изрыгая все известные ему проклятия.

— Как она это сделала? — спросил он у мага, преспокойно наблюдавшего эту сцену. — У твари нет глаз, она же не может увидеть меня!

— Эти существа могут ощущать страсти, которым мы все подвержены, — пояснил тот — Ихолотиллии были созданы такими, чтобы одним своим видом внушать ужас. Именно человеческий страх они чувствуют так же, как мы, например, ощущаем запах.

— Ну и мерзость! — пробормотал Стефанос, осторожно приближаясь к озеру.

При этих словах у самой поверхности воды показалась уродливая белесая морда. Казалось, неведомое существо напряженно вглядывается и вслушивается в происходящее перед ним.

— Вот именно, — продолжал маг спокойным и размеренным тоном, как если бы перед ним были ученики, с жадностью ловящие каждое его слово. — Страх и отвращение, вот чувства, кото-

рые охранники подземных глубин улавливают лучше всего. Поэтому, если мы хотим покинуть подземелье целыми и невредимыми, мы должны отрешиться от всяких эмоций. Помните: спокойствие и уверенность в себе — вот ключи к успеху!

Конан и его спутники молча внимали, в душе сознавая, что от них только что потребовали нечто очень трудное, если не сказать непосильное. Даже самый отважный человек не может хотя бы на краткое время полностью отрешиться от чувств. Трусов среди аквилонцев никогда не было; но ярость, азарт погони, гнев — их-то куда денешь? Все это можно скрыть от окружающих, но как их подавить внутри себя самого?

Вряд ли кому-то из обычных людей дано стать таким же бесстрастным как последователи учения о Великом Равновесии, обитающие в пещерах на полуденной стороне Кензанкских гор.

Конан уже собрался предложить магу поискать иной путь, но гиперборейский колдун остановил короля:

— Подожди, в моей власти сделать так, что эти создания не заметят людей. Чувства, которые побуждают их злобу, на некоторое время просто уснут в наших сердцах.

— А мы не останемся такими навсегда? — с беспокойством перебил его Каврат, ростом и статью лишь немного уступающий самому Конану.

ну. — А то окажешься в постели с хорошенькой женщиной, а каких-то чувств как не бывало...

Все дружно расхохотались, несмотря на то, что обстановка вовсе не располагала к веселью.

Еле заметно улыбнувшись, магистр Гристиан раскинул руки, как если бы он собирался обнять всех присутствующих разом, с каждого пальца его слетело нечто вроде тонкой струйки дыма, тут же растаявшей в воздухе.

Через несколько ударов сердца на путников снизошло поистине неземное спокойствие. Все на свете разом перестало их волновать, все чувства, вдруг потеряли свое значение. Казалось, появившись здесь по воле слу́чая самые дорогие им люди — спутники Конана равнодушно прошли бы мимо.

Между тем магистр Гристиан протянул руку и медленно разжал пальцы. На его ладони тускло засветился шарик как будто сделанный из темного воска. Маг размахнулся и бросил шарик в самую середину подземного озера. С громким бульканьем тот погрузился в воду. Тут же на гладкой поверхности образовалось бесформенное мутное пятно, похожее на стальной доспех, покрытый изморозью. Пятно увеличивалось в размерах, постепенно закрыв все озеро. Сделав знак следовать за ним, маг преспокойно шагнул вперед и пошел так же беззаботно, как если бы под ним были не бездонные глубины, кишащие хищными созданиями, а мощеная городская улица.

Конан со своими спутниками двинулись за ним, не ощущая ничего кроме желания ступить точно след в след и не сводить глаз с пятна света, слабо мерцающего вдалеке.

Едва нога последнего из спутников Конана ступила на твердую землю, как мутная пленка начала таять подобно куску масла в горячей похлебке и множество отвратительных созданий взлетело над поверхностью воды, пытаясь настигнуть людей, посмевших пересечь их владения. Некоторые из кошмарных созданий и впрямь напоминали уродливых рыб, плоть других была почти прозрачна, позволяя видеть их острые кости.

* * *

Дорога от озера, населенного созданиями магии была вымощена отполированными плитами из темного камня, цветом напоминавшими сладкий напиток, который привозили купцы из Гиркании. Казалось, ничего не предвещало опасности, но, тем не менее, путники продвигались вперед с величайшей осторожностью, ступая на следующую плиту лишь после того, как магистр Гристиан убеждался в отсутствии там магических ловушек.

Примерно на середине пути, когда маг собрался подать знак следовать за ним и вознамерился поставить ногу на следующую плиту, Ко-

нан опередил его. С быстрой молнии варвар преодолел расстояние, отделяющее его от гиперборейского мага, сгреб того в охапку и отшвырнул в сторону. В следующее же мгновение туда, где только что стоял один из самых прославленных магов ордена Белой руки, ударило прилетевшее откуда-то сверху тяжелое железное копье. Удар был настолько силен, что острие пробило толстую каменную плиту, глубоко застряв в ней.

— Направляя свой разум на постижение сложных умозаключений, не следует забывать о более простых, которые могут быть не менее важны для взаимосвязи событий, — задумчиво изрек магистр, слегка оправившись от неожиданности.

— Не стоит так расстраиваться, колдун, — примирительно произнес северянин. — Просто тебе никогда не доводилось вскрывать заморийские сокровища. Помнится, на такую же штуку я едва не напоролся в одной из них. Кром, в довершение всего выяснилось, что лез я зря — она давно уже была опустошена расточительной женой хозяина... Постой-ка, а вот еще один подарок для непрощенных гостей...

Примерно на уровне колена была натянута нить, настолько тонкая, что она едва была различима человеческим глазом. Стоило неосторожно задеть ее, как плита или участок пола переворачивался под непрощенным гостем и тот проваливался туда, где его наверняка ожидало все необ-

ходимое для наиболее медленного и неприятного расставания с жизнью.

Маг наклонился над нитью рядом с бывшим охотником за сокровищами.

— Волос женщины-рыбы, такие жили в этих местах еще во времена лемурийцев. После магической войны в живых не осталось ни одной, хотя это были исключительно мирные существа. Должно быть, они исчезли вместе с неизвестным чародеем — их создателем — когда тот покинул наш мир. Хотел бы я взглянуть хоть на одну из этих удивительных тварей. Очевидцы утверждали, что их пение было поистине чарующим и заставляло забыть обо всем на свете... И, насколько я могу судить, этого волоса лучше не касаться. Скажите, друзья мои, как, по вашему мнению, могут ли нас ждать подобные неприятности на ближайших двух плитах?

— Вроде, нет, — еле слышно сказал Авген, внимательно глядываясь в каменную поверхность, испещренную белыми и золотистыми точками. — Если где-нибудь не скрыт переворачивающий механизм.

— Или если в потолке не ожидает наготове прочная сеть. Иногда в них сажают ядовитых скорпионов. К нашему случаю скорпионы наверняка успели передохнуть от старости!

— Значит, придется воспользоваться заклинанием воздушного моста, — задумчиво произнес

магистр Гристиан, как бы беседуя сам с собой. — Конечно, вблизи от поверхности это слегка рискованно, но в то же время, похоже, у нас нет иного выхода... Что ж, беритесь за руки, зажмурьте глаза и не открывайте, пока я не разрешу.

Конан и его спутники почувствовали, как каменная поверхность, на которой они стояли, обратилась в ладонь одного из титанов, живших, судя по преданиям, еще до Начала Времен. Невидимый великан осторожно перенес людей через плиты. Открыв глаза, аквилонцы обнаружили, что стоят перед самым выходом на поверхность, по форме напоминавшем арку митрианского храма. Когда-то вход защищала исполинская дверь, но теперь об этом напоминали лишь кованые петли, наполовину вывороченные и закрученные наподобие древесных стружек, да толстая железная плита с замочной скважиной, оплавленная по краям от сильнейшего жара.

— Отныне, — завил маг, — мы не можем прибегать к помощи колдовства. Мы слишком близко к поверхности, где царит древняя магия Граскаала.

— Ну и хорошо! — фыркнул Конан. — Сила, ловкость и разум тоже кое-чего стоят!

Гвардейцы, готовые следовать за королем-варваром хоть в пасть Нергала, выразили согласие дружными криками, от которых с ближайшей вершины упало несколько камней, а серая

змея, дремавшая на склоне неподалеку, поспешила уползти к себе в нору.

* * *

Пейзаж был совсем не похож на тот, к которому привык Конан в зимы своего детства. Вместо отвесных склонов и острых пиков, едва покрытых скучной растительностью, путешественники шли по тропинке среди низких деревьев, каждое из которых, казалось, желало как можно теснее прижаться к земле чтобы спастись от никогда не унимающегося ветра. Но, тем не менее, ветви их сейчас были покрыты свежими листьями, источавшими нежный аромат. Тем, кто пожелал собрать их чтобы дополнить трапезу ароматной настойкой, гиперборейский маг доверительно сообщил, что не все, что выглядит привлекательно, годится в пищу. К примеру, листья этого кустарника способны губительно повлиять на некоторые качества столь важные для всякого мужчины. Живности, на которую можно было бы по пути поохотиться, здесь тоже не водилось, а небольшие желто-коричневые ящерицы оказались на удивления юркими и проворными. Поэтому всем пришлось довольствоваться тем, что оставалось в дорожных сумках.

Примерно через седмицу пути Конану и его спутникам открылась долина между горами, подоб-

ная гигантской чаше, выстеленной пушистым зеленым ковром. В самой глубине долины стояли Граскаальские ворота.

Ворота представляли перед аквилонцами во всей своей величественной красоте. Каждая створка их была вырезана из цельного камня — одна была плитой черного оникса, инкрустированного звездами из молочно-белого камня, вторую створку неведомые мастера прошлого изваяли из полупрозрачного цирконуса цвета зимнего солнца в Киммерийских горах. Завитки и спирали, украшавшие ее, оказались из аспидного камня, который с древних времен пользуется особым почтением за его целительные свойства и способность за считанные мгновения очищать и делать пригодной для питья самую плохую воду.

Здесь, в затерянной горной долине, воздух был пропитан неведомой древней магией. Даже те, кто считал себя нечувствительным к всякого рода чародейству и волшебству, поглядывали вокруг с некоторым опасением. Гуль был очень насторожен, оборотни напротив, испытывали чувство радости. Сила, струящаяся от каменных ворот, наполняла их весельем, словно в жилах уроженцев Пограничья текло молодое игристое вино с туранских виноградников.

На вершине горы, виднеющейся со стороны полуночного заката, можно было разглядеть нечто, имеющее слишком необычные очертания.

Конан, обладавший зрением во много раз более острым чем у любого из людей, разглядел между полуразрушенными каменными столбами гигантскую прозрачную полусферу, отливавшую всеми цветами радуги. Удивленные взоры обратились к магистру Гристиану.

Тот объяснил, что для выполнения ритуала нужно дождаться часа, когда закатное солнце окажется позади каменного пузыря и лучи его будут освещать Граскаальские ворота. Впереди оставался целый день и самым лучшим будет отдохнуть и набраться сил.

Путешественники расположились в тени низеньких, в половину человеческого роста, деревьев. Спутники Конана, прошедшие вместе с королем-варварам множеством дорог, ничуть не утратили бодрость и присутствие духа. Беспощадно яркое весеннее солнце не помешало оборотням отправиться осмотреть окрестности, а заодно и добыть какую-нибудь дичь, которая могла бы скрасить их не самый изобильный ужин.

Конан спустился к воротам и **внимательно** осмотрел их. Киммерийцу, как и прочим **его** спутникам показалось странным, что ворота не принадлежат заброшенному городу или развалинам замка. Какой смысл строить подобное сооружение среди скал?

Заметив недоумение на лицах своих спутников, магистр Гристиан принялся рассказывать:

— Вы правильно удивляетесь, друзья мои. Эти ворота никогда ничего не запирали и в то же время их значение трудно преувеличить. Вам, должно быть, приходилось слышать об эпохе валков, народа, обитавшего еще до Начала Времен? К величайшему несчастью до нас дошли лишь крупицы их мудрости. Они умели летать подобно птицам и в течение долгого времени находиться под водой, обходясь без воздуха. Они постигли многие тайны мироздания. Но древние боги позавидовали валкам и посеяли семена раздора. Некоторые из них обратились к Тьме в надежде познать тайны, запретные для людей. Прочие же, сочтя их изменниками, начали первую из войн, воспоминания о которых доселе вызывают ужас у всякого, кто руководствуется голосом разума.

— Скажи, магистр, а для чего все-таки служили эти ворота? — осторожно перебил рассказчика гвардеец Евдис.

— Назначение их, увы, скрыто в тьме веков. Известно лишь, что сила, содержащаяся в этих камнях, способна была изменять судьбы не только людей, но и целых государств...

— Для чего тогда сюда пришли мы? — не выдержал один из оборотней.

— Существует предание, одно из немногих дошедших до нас из глубины времен. Когда боги жили среди людей, а древние народы в совер-

шестве владели магическим искусством и предпочитали разрешать споры мирным путем, время от времени все же случались войны. Перед одним из сражений, два короля, согласно обычая вызвали друг друга на поединок и, будучи равными по силе и храбрости, погибли одновременно. Для тех, кто был рожден в эпоху валков, смерть означала лишь утрату телесной оболочки. Та часть, которую простые люди называют душой, а маги предпочитают именовать сущностью, устремлялась сюда, к Граскаальским воротам. В тот час, когда лучи солнца, пройдя через каменный пузырь, освещали их, ворота открывались. Неподалеку отсюда согласно преданию протекал источник, вода которого могла исцелять любые недуги и воскрешать мертвых...

— Стало быть, два короля с помощью магии Граскаальных ворот вернули себе тела, а потом выкупались в источнике и исцелились? — перебил бывший разбойник, слушавший всю эту историю с открытым ртом. — А зачем мы тогда тащили сюда эти тряпки и ржавую цепь?

— Думаю, дело в том, что Матриус далеко не так сведущ, как желает казаться. Скорее всего, он вез своего друга к кому-то, кто смог бы вернуть его в прежнее состояние. Что ж, исцеление Аллимара будет для него приятным сюрпризом.

— Так что же мы ждем? — воскликнул Конан, чья кипучая натура с трудом выдерживала даже

кратковременное бездействие. — Солнце уже садится, пора открывать ворота!

Подойдя, он ударил в них мощным плечом, но тяжелые каменные створки даже не шелохнулись. С гневным рычанием варвар повторил свою попытку, но ворота так и остались неподвижны. Воины присоединились к Конану, но всех их усилий хватило лишь на то, что створка из золотистого камня, украшенная черными спиральами, сдвинулась на толщину конского волоса, отчего слой земли, поросший синеватой травой, еле заметно выгнулся.

Конан, его спутники и даже гиперборейский маг, вооружившись более-менее подходящими для этой цели предметами, принялись старательно разрывать мягкую землю чтобы добраться до самого низа створок. Два или три колокола спустя, углубившись на добрый десяток локтей, они наконец увидели полоску орнамента, идущую по нижнему краю ворот. Расчистив место, достаточное для того, чтобы ворота открылись без помех, все разом уперлись в каменные пластины. С легкостью, как будто и не стояли множество веков вросшие в землю, ворота распахнулись, увлекая за собой людей. В это же мгновение, солнечный луч осветил радужную полусферу, стоящую на вершине горы и, разбившись на множество разноцветных огоньков, расцветил поверхность ворот пятнами света, которые, казалось, порхали

подобно бабочкам в долине на полуденной стороне Зингары.

Не успели они насладиться зрелищем как прямо между створок появилась знакомая призрачная фигура. Черты лица ее, которые в этот раз были ясно различимы, выражали глумливое веселье.

— Это же надо быть такими простаками, чтобы потащиться на край света, поверив в легенду, смысл которой скрыт от вас самих! Думаете, меня можно поймать с помощью этой ветоши?

В доказательство своих слов тот, кто некогда был магом Аллимаром, несколько раз пролетел сквозь мантию, которую держали перед ним оборотни подобно тому, как охотники растягивают ловчие сети. После этого он, растянув рот в самой беззаботной улыбке, вытянулся как струйка дыма и поочередно пролетел сквозь каждое звено цепи, покачивающейся в руках бывшего разбойника.

— Все это потеряло силу, когда вы из пустого тщеславия открыли замок, — вещал призрак, развалившись в самой непринужденной позе на одной из створок.

— А как же ворота? — спросил Хальк, с интересом наблюдая за пируэтами прозрачного существа — ты, маг, пролетел через них не менее трех раз, но что то я не вижу, чтобы ты опять обрел былую телесность...

— Я могу пересекать их хоть несколько лун подряд, но останусь таким, потому что мне это по нраву! Два короля, сказка о которых так и мельтешит в ваших мозгах, изо всех сил желали снова стать живыми людьми.. Я же наслаждаюсь тем, что глупые людские законы и правила перестали довлесть надо мной. Как замечательно — не нуждаться ни в пище и воде, ни в ночном отдыхе.. Я теперь легче воздуха и могу лететь куда мне вздумается. Неужели вы и в самом деле так наивны, что думаете — я опять захочу стать таким как вы? Но я мудрее вас всех... Лишь мне одному известно как поймать свободную сущность и вернуть ее в бренную оболочку. Вы же об этом не узнаете никогда.

— Не думаю, чтобы тебе самому это было известно, Аллимар, или кто ты теперь есть, — небрежно бросил слуга Лухи.

— Ты пытаешься сыграть на моем самолюбии, презренный. Что ж, будем считать, что твоя незамысловатая хитрость удалась. Я могу открыть вам тайну, но делаю это только потому, что мне ничего не угрожает — применить этот способ не получится ни у вас, ни у любого из ныне живущих. Так внемлите же, смертые! Панцирь ярмулакского щитоносца — вот что необходимо, когда требуются удержать на месте бестелесную сущность. Но ни одно из этих существ не сумело пережить катастрофы, изменившей лицо мира не-

задолго до того, как были построены ворота. Гристиан, ты, конечно, уже поведал своим спутникам, что раньше ворота стояли не в долине, а на вершине величественной горы. И, кстати, открывать врата следовало не вечером, как это сделали вы, а на рассвете, когда первые лучи солнца освещали край круглого кристалла, который, невежды называют каменным пузырем. Я всегда подозревал, что жрецы Лухи плохо разбираются в древней магии! Отправляясь назад, колдун, и коротай свои дни в своей снежной пустыне, заговаривая чиры у крестьян и помогая роженицам разрешаться от бремени. На большее, как я погляжу, ты не способен! Вы что, и в самом деле полагаете, что я заявился сюда лишь потому, что вам вздумалось сперва возиться в земле подобно червям, а затем похлопать створками ворот?.. Видели бы вы сейчас себя со стороны, ничтожные.

И тут полупрозрачная фигура, несколько раз перекувырнувшись через голову, принялась менять свои очертания. На несколько мгновений она становилась уродливым подобием каждого из присутствующих. И Конан с гневом обнаружил собственные черты в изображении гиганта с крохотной головкой еле виднеющейся из непомерно широких плеч и тонкими кривыми ногами. Заметив, как потемнели от гнева лица путешественников, насмешник добавил:

— Ваша беда в том, что вы не цените хороших шуток. Всякий мудрец должен уметь смеяться над собой, а уж тем более над другими... Удачи, смертные! Желаю вам приятно провести время. В этой стране на каждом шагу можно встретить забавнейшие создания, которые не прочь закусить такими глупцами, как вы.

С этими словами он начал таять в воздухе, пока не исчез совсем.

— Кром, вранье все это! — не выдержал Конан. — Я никогда не слышал ни о каком ярмулакском щитоносце, но если бы даже эта тварь и существовала, на что может бытьгоден его пустой панцирь? Ведь скорлупа ореха бесполезна, если не защищает собой вкусное ядро.

Но гиперборейский колдун в ответ лишь задумчиво покачал головой и пробормотал:

— Похоже он говорит правду, в древних манускриптах я встречал описание ритуала в котором упоминался такой панцирь. Возможно это единственное, что мы можем попытаться сделать для безумца.

— Но почему панцирь? — не унимался варвар, — чем пустая оболочка от этой твари так примечательна для магических деяний?

— Ну, это как раз просто, — отмахнулся Гристиан, — сам по себе щитоносец не обладает никакими магическими свойствами. Просто этот зверь обитал в Ярмулаке в разломах скал, в кото-

рых было сосредоточение магической энергии. Спустя тысячи зим это создание стало невосприимчиво к любой магии, вот почему его панцирь так ценился среди знатоков.

— Ты хочешь сказать, что если древесная белка начнет прыгать с дерева на дерево, то через много зим у нее появятся крылья? — вступил в разговор Хальк. — Ты говоришь странные вещи, колдун. Разве наш мир не создан Небожителями, и любая тварь, обитающая в нем не дело их божественных рук?

— Конечно мир создан богами, — усмехнулся Гристиан, — но кто сказал, что боги в ответе за каждый волос, упавший с твоей головы? Бессмертные сотворили наш мир, но позволили развиваться ему по собственным законам.

— Погоди, погоди, — Конан решительно прервал их философский спор, — ты хочешь сказать, что доспех из этой твари может защитить от любого магического воздействия?

Он поскреб в затылке.

— Теперь я понимаю, чего мне так недоставало все эти зимы...

— Именно поэтому панцирь и является такой редкостью, — вздохнул магистр, — в древности им пользовались, чтобы защитится от чужеродного чародейства. Но так как это могла сделать как одна, так и другая сторона, то изделия из ярмулакского панциря беспощадно уничтожались

всеми, практикующими магию. Легче смириться с тем, что ты сам не имеешь защиты, нежели с тем, что ею обладает твой враг!

— Так что же мы можем сделать?

— Мы можем попытаться попасть в Ярмулак. Если где и сохранились панцири щитоносцев, то только в этом таинственном месте.

Конан пожал плечами.

— Не в моих правилах возвращаться назад с поражением. Веди нас, маг и пусть Митра дарует нам удачу!

* * *

Отряд, направляющийся в земли Ярмулака, уменьшился на несколько человек. Те, кто охотно последовал бы за своим королем в любое пекло — сражаться с живыми врагами, не были готовы к встрече со сверхъестественным. Конан мог приказать им, но не стал этого делать. Если сердце воина не преисполнено отвагой, то от них не будет толку в бою. Поэтому несколько воинов осталось в долине, разбив лагерь неподалеку от стены, ограждающей территорию местности, населенной, если верить слухам, самыми невероятными существами.

По мере того, как герои приближались к таинственным землям, становилась все теплее. Путешественникам с трудом верилось, что недалеко

отсюда еще лежит снег, а по вечерам нельзя покидать жилище без теплой одежды.

Цветущая долина была перегорожена стеной слабо светящегося зеленого тумана, через который не было видно даже неба.

Нечто подобное Конан видел на одной из гравюр, украшавших королевскую сокровищницу: земля, покрытая куполом подобно тому, как накрывают крышкой котел, чтобы не дать остывать пище.

Внутренняя сторона купола была испещрена звездами и прочими небесными телами, а на земле происходили самые обычные события. Крестьяне трудились в поле, армия штурмовала замок, а навстречу ей шла торжественная процессия, в которой можно было распознать свадьбу знатного господина.

А сверху, сквозь купол небесного свода вниз смотрели существа, не похожие ни на что, о чем киммерийцу приходилось слышать, не говоря уже о том, чтобы увидеть своими глазами. Голова человека на тоненьких научных ножках, нечто вроде гигантской сколопендры, по обе стороны тела которой виднелись женские лица, создание, все целиком состоящее из глаза и тоненького хвостика, скрученного как у дикой свиньи, из тех, что водятся на полночном закате Таурана...

* * *

Они шли уже не менее колокола, но стена, за которой находился таинственный Ярмулак, и не думала приближаться. Долина, была покрыта сочной зеленой травой и пестрела цветами, как обычно бывает не раньше чем к концу первой летней луны. И это несмотря на то, что во всем остальном мире весна еще как следует не вступила в свои права и трава лишь робко пробивалась там, где солнце пригревало сильнее всего.

Но на того, кто, казалось бы, движется вперед, но ни на шаг не приближается к цели, красота рано или поздно перестает оказывать свое действие. Граница магического государства все так же маячила на горизонте, оставаясь далекой и все такой же недостижимой.

Наконец, кто-то из спутников Конана, потеряв всякое терпение, выразил свое мнение по поводу такого коварства на цветистом языке трущоб портового города. Едва говорящий прервал свое красноречие, как вдали что-то дрогнуло и туманная стена, на несколько мгновений перестала удаляться от путешественников и, кажется, даже приблизилась на несколько шагов. Острый практичный ум подсказал Конану, как нужно действовать, тем более что происходящее уже порядком разозлило его. Сколько можно без толку переставлять ноги! Если кто-то полагает, что

может безнаказанно потешаться над Конаном из Киммерии, то он очень скоро убедится в своей ошибке.

Встав в одну из самых угрожающих поз подобно дракону, готовящемуся сразиться с целой армией злобных пиктов, он прорычал сквозь зубы что-то до крайности нелестное о колдовстве и всех чародеях вместе взятых.

Стоило прозвучать одной из фраз, когда-то давно услышанных Конаном еще от товарища по гладиаторской арене, родившегося на восходной стороне Кофа, как наваждение исчезло. Туманная стена, переливающаяся всеми оттенками молодой травы, была теперь от них на расстоянии не более десятка шагов. Но стоило кому-то из гвардейцев приблизиться и протянуть к ней руку, как все тело щемельчака пронизал холд подобно ледяным иглам, которыми покрываются в сильные холода камни, деревья и стены домов в Северной Киммерии.

На приближение уроженца Рабирийских гор таинственная преграда ответила совсем по-другому. Она выгнулась навстречу ему как домашний зверек, ожидающий ласки хозяина.

Но ни тот, ни другой не смогли не только проникнуть на ту сторону, но даже вплотную приблизиться к ней. Конан по несколько раз произнес все известные ему ругательства и проклятия, услышанные им, когда он с ватагой из Крас-

ного Братства наводил ужас на все побережье Закатного океана, или крепко усвоенные в бытность наемником. Не забыл он и те, которые были в ходу у обитателей неблагополучных кварталов Шадизара.

Неожиданно Коанн вспомнил об одном забавном случае. Однажды чтобы дать работу изнывающим в бездействии мышцам, он решил обойти здание дворца по узенькому карнизу, опоясывающему его на головокружительной высоте. Короля-варвара не устрашили ни камни, выпавшие у него из-под ног, ни сильный ночной ветер. Для него, уроженца суровых Киммерийский гор, все это было сущими пустяками. Но, проходя мимо окна покоев одной знатной дамы и услышав, как она отчитывает служанку, бесстрашный северянин едва не потерял равновесие. То, что звучало бы как должно в таверне или на поле сражения, резало слух, исходя из уст такого изящного создания как госпожа Мерания...

Почувствовав, что ярость охватывает его, Коанн потянул из ножен меч. Но неожиданно тут варвар ощутил, что ему препятствует сила, ненамного уступающая его собственной.

— Не стоит, ваше величество, — еле слышно произнес гиперборейский маг, — вдруг это будет понято как враждебные намерения? Нам надлежит искать другой вход только и всего.

* * *

Путешественники прошли уже немалое расстояние вдоль туманной стены, но в ней так и не обнаружилось ни трещинки, ни самого крохотного лаза. О том чтобы перелезть через нее или сделать подкоп тоже не могло быть и речи. Казалось, она простирается бесконечно в обе стороны, уходя в небесную сферу и стремясь вниз за пределы земного диска.

И к тому же о каких трещинах и выпавших камнях может идти речь, когда казалось, она не была построена руками разумных созданий, а выросла сама по себе...

Солнце уже клонилось к закату, когда утомительное однообразие было нарушено. Скала из красноватого камня, испещренного белыми и прозрачными крапинками вылезала за пределы туманной стены на несколько локтей.

Путешественники остановились, размышляя, можно ли извлечь из этого хоть какую пользу. Но тут Зериан, принадлежащий к древней расе гулей, широко улыбнулся, сверкнув клыками, которые он обычно предпочитал прятать.

— Если нам удастся найти траву называемую «хвост ночной птицы», то мы наверно смогли бы проникнуть на ту сторону.

— Название мудреное, — отозвался Стефанос, — а ты знаешь как она выглядит?

— У нее длинные узкие листья, которые расстилаются прямо по земле, их отличает цвет, не зеленый как у всех прочих растений, а светло-серый. Она растет там, откуда я родом, жаль, что ее нет у меня с собой, впрочем, в засушенном виде она все равно была бы непригодна...

— Так ты говоришь про ведьмины волосы? — перебил его Авген. — В детстве нам строго-настрого запрещали их трогать. Вроде бы, ведьма будет считать такого своим женихом и не даст приблизиться к нему ни одной из женщин.

Острый ум варвара и его великолепная память, которая удерживала все, когда-либо услышанное и увиденное северянином, моментально подсказала, о чем идет речь, а его зрение, во много раз более острое, чем у обычного человека, помогло разглядеть искомое.

— Так вы говорите о пряже Секвены? Вот там, на берегу речушки ее полно!

Все устремились в указанном направлении как будто за мгновение до того не падали с ног от усталости и не желали более всего на свете растянуться во весь рост и дать отдых измученным ногам.

Из длинных жестких листьев, которые и вправду были похожи на седые волосы или пряжу водяной богини, общими усилиями сплели некое подобие венка, который подошел бы разве что великанше из тех, что населяли мир задолго

до начала времен. После этого гуль пожертвовал несколькими прядями волос, которыми оплел венок наподобие того, как оплетают цветными шелковыми ленточками подарок для дамы сердца. Следуя советам гуля, венок приложили к скале примерно на половине роста мужчины.

Как только седая трава, переплетенная волосами существа, принадлежащего к расе намного древней человеческой, коснулась неровной каменной поверхности, она намертво прилипла к ней и внутри венка начало происходить нечто невероятное. При виде того, что стало там твориться, возглас изумления невольно вырвался из груди всех, кто оказался свидетелями этого зрелища.

Камень сам собой расступался в разные стороны, не трескаясь и не ломаясь, а так, будто невидимая рука делала дыру в глине или сыром тесте. Еле заметная ямка становилась все глубже и глубже и наконец превратилась в сквозную дыру. Вскоре оттуда потянуло теплым воздухом и ароматом незнакомых трав.

— Скорее! — нетерпеливо подталкивал спутников гуль. Нужно успеть до наступления темноты, иначе...

Один за другим путешественники запрыгивали в дыру и, скатившись по гладкому как будто отполированному искусственным мастером желобу, оказывались на той стороне. Стефаносу, который

шел самым последним, немного не повезло. Стоило ему скрыться в каменном туннеле, как Колесница Митры, еще недавно выглядывающая из-за окоема, исчезла совсем. Ноги бывшего разбойника уже касались земли самого необычного и таинственного из государств Хайборийского мира, когда дыра в камне начала затягиваться. С тихим еле различимым шорохом становились разноцветные крупинки на свое место, издавая еле слышный звон сталкивались кристаллы, намертво сцепляясь между собой.

Дорожный мешок, висевший за спиной Стефаноса, оказался проглочен камнем подобно тому как кракен, обитавший согласно преданиям в Закатном море проглатывал моряков и даже цепные корабли. Шапку, край которой также оказался внутри скалы, никто не смог вытащить, как ни старались. Перерезав лямки дорожного мешка и освободив побагровевшего от натуги Стефаноса, все с ужасом и изумлением наблюдали, как обрезанный край войлочной шапки медленно скрывается внутри камня подобно мачте тонущего судна во время шторма.

* * *

Оглянувшись вокруг, путешественники к своему немалому удивлению не увидели рядом никакой стены. Не было и скалы из красноватого

камня — всюду, куда достигал взгляд, простиралось болото, поросшее низкой травой, окаймлявшее хищно блестящие оконца черной воды с сухими причудливо изогнутыми деревьями. Они стояли на крохотном островке, со всех сторон окруженному трясиной.

Никто не имел ни малейшего представления, ни как они оказались здесь, ни как им отсюда выбраться.

— Нечасто бывают у нас гости, — раздался со всем рядом скрипучий голос.

То, что казалось не более чем высохшей корягой, валяющейся перед ними на расстоянии в несколько локтей, пошевелилось, открыв глаза удивительного аметистового цвета. И, вдоволь насладившись испугом людей, существо, как ни в чем не бывало, продолжило:

— Что поведаете нам, странники? Что нового произошло во внешнем мире?

— Да, да, потешите-ка нас занятными историями! — раздался пронзительный писк со стороны ближайшего дерева.

Шагая по трясине на длинных тонких ногах, к ним приближалось создание, одновременно напоминавшее гигантское насекомое и сухую ветку. Добравшись до ближайшей кочки, оно непринужденно устроилось на ней, обрывая крупные фиолетовые ягоды и бросая их себе в рот. Конану на мгновение почудилось, что движения дико-

винного существа полны женского кокетства и даже своеобразной грации и очарования.

— А может быть, среди вас есть певец? — проскрежетало оно. — Пусть споет, и если его песня нам понравится, то мы, так уж и быть, поможем вам выбраться отсюда.

— Да, пусть споет!

— Пусть споет!

— Пусть...

Множество голосов — скрипучих, пронзительных, настолько необычных, что для них, казалось, не нашлось бы слов ни в одном из человеческих языков — раздалось вокруг. Островок сущи под пришельцами вдруг заколебался, как бы призывая исполнить просьбу без малейшего промедления. Взоры всех с надеждой обратились на гиперборейского чародея, но тот лишь беспомощно развел руками:

— Здесь я бессилен. Меня учили лишь читать нараспев заклинания, но это вряд ли нам поможет. Но вот вы... вы же воины, которые привыкли горланить песни в придорожных тавернах и на биваках. Вспомните, что-нибудь из того, что обычно услаждает слух бродяг из Хайбории.

В этот мгновение островок качнулся особенно сильно, едва не сбросив путешественников в трясину. Двое гвардейцев провалились в жидкую грязь, один по пояс, а другой скрылся в ней почти полностью и не утонул лишь благодаря суще-

ству с аметистовыми глазами, которое почти насмешливо протянуло ему суставчатую лапу. Выбравшись на поверхность, воины безуспешно пытались привести перепачканную одежду в порядок. Один, встав на четвереньки, шарил руками в трясине в поисках утопленного сапога. Но тут потеря сама появилась на поверхности, торчащая в чьей-то зубастой пасти.

Конан не привык отступать перед трудностями, какие бы необычные обличья они не принимали. Он задумчиво посмотрел на Гристиана.

— Ты прав, колдун, добрые воины не чураются хороших песен. Эй, Стефанос, вспомни, как мы с тобой и Арзохом распевали, когда встретились на задворках Шема.

— Тогда мы выпили немало вина, — усмехнулся бывший вор.

— Ну за этим дело не станет!

Киммериец достал меховой бурдюк и сделал несколько жадных глотков, после чего передал его товарищу.

— А я-то гадал, что у тебя в бурдюке, король, — хохотнул Евдис. — Дай-ка и мне, почему бы и не спеть, раз просят.

— Что желают услышать добрые хозяева этих мест? — спросил северянин, вспомнив манеру ярмарочных актеров, которых ему немало доводилось видеть за свою полную приключений жизнь.

— Балладу о короле Конане и о фирской принцессе! — потребовало существо с ближайшей кочки и хор голосов присоединился к этому мнению.

Острый ум и природный талант, доселе не нашедший своего применения, помогли хитроумному северянину преодолеть это нелегкое испытание. Голос его, казалось, пригодный лишь для того, чтобы отдавать команды на поле сражения вполне справился и с этой задачей. Стефанос и Евдис старались горланить в такт своему предводителю. Слова варвар выдумывал тотчас же, отчего песня мало напоминала баллады придворных менестрелей.

Закончив петь, киммериец почувствовал необычное воодушевление, тем более, что слушатели — удивительные обитатели Ярмулака — оказались на удивление благодарными. Поэтому на просьбы спеть еще он не заставил себя упрашивать. На этот раз он уже не стал ничего придумывать, а затянул старую аргосскую песню о бедном юноше, влюбленном в дочь менялы. За свою жизнь, полную самых невероятных поворотов и событий, уж чего-чего, а разных песен он слышал немало. Над бескрайними топями зазвучали слова о полной опасностей жизни членов Красного Братства. Каждый день морских разбойников подобен празднику, и даже то, что любой из них может оказаться последним, не омрачает безудержного веселья.

Вслед за этим уже не дожидаясь просьбы, киммериец исполнил излюбленную песню наемников, а затем — те, которые звучат под закопченными сводами самых жутких притонов Шадизара. Очнулся киммериец лишь оттого, что какая-то рука осторожно подергала его за одежду. Это было существо, которое просидело все это время на кочке, покачиваясь в такт пению. Худая темно-коричневая рука, похожая на сухой прутик, протянулась к самому лицу варвара. На твердой сухой ладошке лежала горка крупных серо-синих ягод. Чутье, сравнимое разве что с инстинктом хищного зверя, не уловило никакой опасности или злого умысла; напротив, поступок был продиктован исключительно добрыми намерениями. Поэтому варвар без малейшего страха и колебания в самых изысканных выражениях выразил благодарность и съел предложенные ягоды. Магистр Гристиан, которого он заметил уголком глаза, улыбнулся ему и одобрительно кивнул.

— Нам жаль расставаться с вами, незнакомцы, но мы держим свое слово, — произнесло то существо, которое начало беседу, — Скажи нам свое имя, певец.

— Я Конан из Киммерии, — ответил северянин, — и я рад нашей встрече.

— Мы тоже, — раздалось со всех сторон. — Мы благодарны Конану из Киммерии, о котором

мы немало слышали еще до того, как он появился на свет. Будем рады видеть вас. Следуйте по этой тропинке, только не сворачивайте в сторону. Да не оставить тебя удача, Конан из Кимерии.

И в самом деле, там, куда показывал хвостик коряги, расстилалась прямая как полет стрелы тропинка из твердо утоптанной земли, окруженная низенькими кустиками, усыпанными ароматными желтоватыми ягодами.

Только тогда, когда они отошли от болота на приличное расстояние, путешественники вспомнили, что так и не спросили, где можно найти хоть одного ярмулакского щитоносца и как убедить его расстаться со своим панцирем.

И лишь несколько колоколов спустя Конан и его спутники, наконец, сообразили, что там, за стеной, должно быть, давно уже наступила глухая ночь, а здесь сиял день, как будто даже у времени за туманной стеной были собственные привычки. Иначе как можно услышать о подвигах еще до того, как они были совершенны?

* * *

Сразу за болотом потянулся реденький лесок, где из покрытой ярко-желтым мхом земли торчало множество громадных валунов. У любого, кто питает склонность к драгоценным камням, неизменно загорелись бы глаза. Ярко-синие, пур-

пурные, молочного цвета глыбы выглядывали из-под земли. Одни из них были покрыты узором, напоминающим змеиную шкуру, другие казались произведением неведомого мастера. Даже магистр Гристиан не мог оторвать взгляда от них, взахлеб рассказывая своим спутникам, какими замечательными талисманами могли бы они стать для того, кто сможет найти с ними общий язык. Ведь в камне заключена душа точно так же как в живом создании или растении. Поэтому следует, как можно меньше подвергать огранке драгоценный камень, если не хочешь искалечить его душу или не желаешь, чтобы он затаил на тебя зло...

Залюбовавшись и заслушавшись, никто не заметил, громадную тень, бесшумно скользящую рядом с ними. Даже Конан испытал некоторое удивление, когда с серебристо-серого камня, напоминавшего уснувшую ящерицу, на него спрыгнуло что-то отдаленно напоминавшее человека. Черты уродливого лица выражали сильнейший гнев и желание немедленно уничтожить пришельцев, вторгшихся на его территорию. Странное существо с ног до головы было покрыто темно-буровой шерстью, правда, делавшей его похожим не на дикого зверя, а на человека в зимних одеждах.

С грозным рычанием тварь бросилась на Конана. Северянин не привык, чтобы кто-то пре-

восходил его размерами, но сейчас рядом с неожиданно появившимся противником могучий киммериец почувствовал себя примерно так же как ребенок рядом с рослым мужчиной.

Но замешательство длилось не более мгновения; навыки, приобретенные за годы полной опасности жизни, спасли его и на этот раз. Все произошло так внезапно, что Конан не успел вытащить меч, кроме того, природное чувство чести не позволило бы применить его в то время как противник, в глазах которого сверкал почти человеческий разум, был не вооружен. Поэтому северянин ограничился тем, что быстро отстегнул ножны с мечом, чтобы те не стесняли его движений. Властным движением он остановил тех, кто хотел броситься ему на помощь; ему хватит силы и отваги, чтобы победить в честном поединке, а если нет, что же, он умрет, как подобает воину и суровый бог Кром встретит его в небесных чертогах.

Конан и воинственный обитатель Ярмулака схватились на окруженной камнями крохотной площадке. Могучие мышцы киммерийца, натянувшись подобно корабельным канатам и, казалось, готовы были лопнуть.

Но кроме необычной для человека силы варвар обладал невероятной ловкостью и острым умом, которым был обделен его противник. К тому же, на жизненном пути киммерийца по воле

благоволившей к нему судьбы встречались истинные мастера, охотно делившиеся с юношой-северянином своим умением.

Спутники Конана, расположившиеся вокруг, подобно зрителям на гладиаторской арене, с восхищением смотрели, как громадная поросшая бурой шерстью туша взлетает, ударяется о камни и поднимается опять как будто чувство боли было ему неведомо. Никто из них не смог уловить, как все произошло, просто непонятно как Конан оказался стоящим на распластанной подобно лохматому ковру туще, удерживая ее за мощную лапу, вывернутую самым невероятным образом.

— Что же ты смотришь, добей его! — не выдержал Стефанос. Но подобное обращение с побежденным было не в привычках благородного варвара. Не сводя внимательного взгляда с поверженного противника, он обратился к нему на аквилонском, искренне желая, чтобы этот язык оказался знаком странному существу.

— Кто ты? Зачем ты напал на нас?

— Вы чужаки, пришли чтобы украсть священные камни, — раздался в ответ приглушенный голос.

— Нам не нужны ваши камни, клянусь Кромом! — ответил северянин. — Мы пришли с миром и не желаем никому зла. Обещаешь ли ты больше не нападать на нас?

— Гухки уважают того, кто победил их в честном поединке, пришелец. Оглянись вокруг, о пришелец, и ты убедишься в том, что гухкам чужды двоедущие, ложь и коварство.

В самом деле, путешественники с изумлением увидели вокруг себя множество таких же мощных наводящих страх созданий, каждое из которых было в состоянии справиться с ними всеми одним ударом лапы. Некоторые были безоружны, другие держали нечто вроде грубо сделанных каменных топоров.

— Что же понадобилось вам в Ярмулаке? — спросил гухк, поднимаясь с земли.

Вздох изумления невольно вырвался из груди королавских гвардейцев и даже гиперборейского мага.

Недавний противник превосходил Конана по росту более чем на две головы и был намного шире в плечах, не говоря уже о мускулистых руках, которые толщиной не уступали туловищу туранского воина.

— Мы пришли за панцирем щитоносца, — ответил Конан — Он необходим, чтобы спасти одно заблудшее создание. Иначе он так и останется бесплотным призраком, одержимым безумием, опасным для всех, кто встретится на его пути и для себя самого.

— Панцирь щитоносца? — переспросил гухк и его широкая грудь заколыхалась от смеха, а зву-

ки, вылетающие из глотки были подобны грохоту боевого барабана пиктов. — Не думаю, чтобы вам это удалось; после того, как реки вышли из берегов, а солнце стало не таким жарким, здесь не осталось ни одного живого щитоносца.

— Но нам не к чему живой зверь — вступил в разговор Хальк, — нам будет довольно и панциря. Мы можем потом вернуть его, если это уж такая ценность.

— Это достойные слова, — кивнул косматой головой их собеседник. Но последний щитоносец покинул этот мир задолго до того, как упала стена. Людям, которые хлынули сюда, пришлись по вкусу эти панцири. Легенды гласили, что они надежно защищали от любого чародейства, поэтому их утаскивали целыми грудами. Мы же, были бессильны что-либо предпринять, ибо наше предназначение — охранять священные камни.

— Не может быть, чтобы хоть где-нибудь в уголке не завалялся хоть какой-нибудь плохонький, — подал голос Стефанос. — Нам только один и нужен, после этого мы покинем Ярмулак, не причинив никому беспокойства.

— Более того, если вы нуждаетесь в какой-либо помощи и мы в состоянии оказать ее — мы с радостью это сделаем, — добавил гиперборейский маг.

— Хорошо, мы подумаем над этим, а теперь прошу вас быть нашими гостями.

* * *

Деревня гухков оказалась совсем неподалеку. Она стояла на поляне, окруженной стенами из молочно-зеленого камня, особенно любимого кхитайскими владыками. Считалось, что носящий при себе талисман из камня, называемого небесным зеркалом, неуязвим для любого зла и многих недугов. Интересно, что бы сказали придворные Небесного Императора, увидев такое великолепие, — подумал Конан. — Должно быть, от восхищения они дышались бы дара речи.

Вопреки ожиданиям, дома гухков оказались построены из бревен с крышей, укрытой чем-то похожим на речную траву, растущую по берегам Громовой реки на Полночь от Велитриума. Строения, чем-то напомнившие Конану дома в его родной деревне в горах Северной Киммерии, выходили на небольшую круглую площадь, посреди которой возвышался граненый столб из того же зеленоватого камня.

Присмотревшись, нежданые гости увидели в жителях деревни все больше и больше сходства с людьми. Среди тех, кто вышел навстречу, с любопытством разглядывая, были детишки, шныряющие под ногами и пытающиеся подобраться как можно ближе к странным пришельцам и по возможности дотронуться до них, были глубокие старики. Жители деревни не пользовались одеж-

дой, но густая темно-бурая шерсть с успехом заменяла ее, скрывая все, что разумному созданию не подобает выставлять напоказ.

Судя по тем почестям, которые ему оказывали, недавний противник Конана оказался самым главным, вроде вождя племени. В доме, куда он привел своих гостей, было еще двое его сыновей, которых звали Оха-Гухк и Инно-Гухк, а также жена и дочери, имена которых были чересчур сложны для того, чтобы быть произнесенными человеческими устами.

Самого его так и звали Гухк; путешественники так и не поняли, было ли это имя или нечто вроде титула вождя. Людской речью владел лишь хозяин дома. Его аквилонский был вполне понятен, разве что звучал несколько старомодно: таким языком писались манускрипты во времена начала царствования Вилера.

Комната, куда их провели, была обставлена простой деревянной мебелью, пол, стены и грубо сколоченные скамейки были покрыты ковриками, сплетенными из травы. К немалому удивлению гостей, они не заметили ни одного предмета, сделанного из цветного камня, вроде тех, которые находились неподалеку от деревни. Кроме громадных глыб и валунов там валялись и осколки вполне пригодные для того, чтобы изготовить из них украшение или что-нибудь для дома. Гухк ответил на невысказанный вопрос:

— Мы не можем заставлять священные камни служить нам, ибо нельзя использовать их для низменных целей. Пользоваться камнями дозволено лишь Тому Кто Сматрит. Завтра на рассвете я отведу вас к нему и может быть, вы узнаете то, что хотите. Если в пределах Ярмулака остался хоть один панцирь щитоносца, он не укроется от его внимательного взора. Добраться же до него и заполучить будет уже вашей заботой.

* * *

Ужин, состоящий из овощной похлебки, приправленной ароматными травами и кисловатым отваром, оказался на удивление вкусным, а ночлег в комнате, где не было ничего кроме толстых пушистых травяных ковриков, вернул силы усталым путешественникам.

На следующее утро, не успел луч солнца показаться из-за черты, отделяющей небесный эфир от земной тверди, травяная занавеска, заменяющая дверь, заколыхалась и в комнату осторожно заглянула жена Гухка. Издавая мелодичные воркующие звуки, она поставила на пол поднос, на котором стоял дымящийся котелок и нечто вроде деревянных чашек без ручек: Это был завтрак — жидкая зеленоватая каша, запах которой напомнил Конану медвяные цветы, распускающиеся каждую весну на склонах его родных гор...

Жилище шамана располагалось, как и положено, немного поодаль от деревни, с внешней стороны светло-зеленых стен. Дом его в отличие от всех остальных был из ярко-оранжевой глины; стены сверху донизу украшал причудливых узор из разноцветных камушков. Напротив входа стояла черная гранитная чаша, широкая и с такими низкими стенками, что оставалось лишь теряться в догадках относительно ее назначения. Внутри нее был выложен ровный круг из плоской белой гальки не больше аквилонского кесария.

— Зеркало мира, — вполголоса пояснил Гухк, обращая к чаше взгляд, полный безграничного почтения. Тот Кто Сматрит может увидеть в ней все, что происходит в пределах Ярмулака и за его стенами.

Внезапно за спиной Конана послышался звук легких шагов, еле различимых слухом обычного человека.

Обернувшись, киммериец увидел перед собой очень старого гухка, пожалуй, самого старого из увиденных им. Покрывающая его тело длинная совершенно седая шерсть была заплетена во множество косичек, в которые были вплетены разноцветные бусинки, какие-то ремешки и ленточки. Спина гухка была согнута настолько, что, казалось, он способен был видеть лишь то, что находится у него под ногами. Псох, который служил опорой его дряхлому телу, был из того же камня

небесной чистоты, что стены, окружающие деревню и столб, стоящий посреди площади.

Шаман поднял голову и обвел пришельцев внимательным взглядом. Его маленькие темные глазки на некоторое время остановились на гиперборейском маге. Некоторое время они с магистром Гристианом неотрывно смотрели друг на друга. Казалось, они ведут между собой разговор, неслышимый всеми прочими. Судя по выражению их лиц, оба остались им довольны.

Тот Кто Сматривает издал низкийibriющий звук, показывая сначала в направлении своего дома, а затем куда-то вдали. Гухк перевел своим гостям:

— Вам надлежит взять сосуды и отправиться к священному источнику, чтобы наполнить чащу зеркала мира. Вопрошающие должны сами сделать это, чтобы слова их были услышаны в сосредоточии истины.

Не возразив ни единственным словом, Конан и его спутники исполнили то, что им было сказано. За домом и в самом деле оказалось нечто вроде плотно сплетенных корзинок, которых было ровно столько, сколько пришедших за ними людей.

Узкая дорожка, выложенная разноцветными каменными осколками, вела вниз по склону и терялась в зарослях колючих кустарников. Не колеблясь, путешественники углубились в них. Острые шипы цеплялись за одежду, царапали

лица и руки, но отважные воины продолжали двигаться вперед, даже не замедлив шага. Гиперборейский маг в отличие от всех остальных отдался лишь разорванной мантией. Колючие кусты как будто избегали притрагиваться к нему.

Наконец после долгого и трудного пути они подошли, наконец, к священному источнику. Это было нечто вроде обломка скалы, того же угольно-черного цвета, что и чаша, называемая зеркалом мира. Но там, где из-под земли вытекал родник, стоял непонятно откуда взявшийся серый валун, похожий на яйцо дракона; вода вместо того, чтобы веселой струйкой сбегать в крохотное озерцо, еле сочилась подобно слезам безутешной девы. Спутники Конана стояли, озадаченно глядя на печально текущие капли.

— Эдак мы до вечера не справимся, — выразил общее мнение Каврат. Не забывайте, шаман может ответить нам только до восхода солнца. А до него не более четверти колокола.

— Откатим этого урода куда-нибудь в сторону и все дела! — предложил бывший разбойник.

— Не думаю, чтобы это было правильно, — ответил ему гиперборейский маг, проводя ладонью над поверхностью перегородившего источник камня и как будто прислушиваясь к чему-то. — Если я верно истолковал все знаки, то лежащее на нем заклятье особого рода. Если центр камня и место, откуда течет вода, переста-

нут образовывать прямую линию, источник может иссякнуть, возможно, даже навсегда. Можно было бы заставить камень подняться в воздух, не нарушая его положения относительно источника... Но чтобы разобраться с хитросплетениями существующих заклинаний и ничего не нарушить, мне потребуется время. Боюсь, что для этого нужно не менее колокола.

Конан, кипучая натура которого не выносила длительного бездействия, хмыкнул и, шагнув вперед, просто обхватил камень и поднял его.

Вода, как будто ожидая этого, хлынула из-под земли вверх, подобно фонтану в королевском парке.

Гладкий серый валун оказался намного тяжелее, чем можно было предположить. Даже для Конана было нелегко удерживать его на весу столько, сколько потребовалось, чтобы его спутники наполнили сосуды чистой прозрачной водой. Казалось, еще немного и его ноги под действием ужасной тяжести сами уйдут в рыхлую влажную землю. Но благородный варвар не привык бросать начатое на полпути и даже не пошевелился пока последняя из корзинок не оказалась полна до краев. После этого он, с трудом сохраняя неторопливость, положил камень на место. Кто знает, а вдруг недостаточно уважительное обращение будет сочтено оскорблением здешними богами?

Они направились в обратный путь и к большому удивлению заметили, что колючие кусты, не дававшие им пройти, больше не загораживают дорогу. Более того, теперь они стояли на расстоянии не менее локтя от выложенной цветными камнями тропинки.

Но впереди путешественников ждало другое испытание. Камни, по которым они ступали, вдруг стали на удивление скользкими, как будто на них разлили настой из корня жгучей травы, которым аквилонские дамы так любят мыть волосы.

Тропинка как живая норовила вывернуться из-под ног, извиваясь не хуже болотной змеи, которые водятся к полночной стороне Зингары и яд которой особенно ценится чародеями. Ведь будучи принятим в малом количестве, он несопротивляемо увеличивает дар ясновидения... Корни растений, до сих пор мирно торчавшие из-под земли, теперь, казалось, хватали всех за ноги, не давая продвинуться ни на шаг, не расплескав при этом воду. Оборотни, попытавшиеся идти не по тропинке, а рядом, вдруг поняли, что ноги не слушаются их, отказываясь ступить на ровную твердую землю. Но в личной гвардии Конана оказывались лишь те, кого не страшат никакие препятствия. Ступая с ловкостью канатоходцев, путники достигли, наконец, конца тропинки, а затем и дома шамана.

Повинуясь жесту Гухка, они осторожно, как редкое дорогое вино, вылили содержимое своих корзинок в каменную чашу. Воды во всех сосудах оказалось ровно столько, чтобы наполнить ее до краев. Поверхность ее тотчас же вспыхнула холодным серебристым пламенем подобно раствору в реторте алхимика.

Тот Кто Сматрит, приблизился к чаше и принялся безмолвно вглядываться в ее глубину. Прошло не менее половины колокола, потом еще, а шаман все продолжал стоять подобно жутковатой статуе вроде тех, которые, если верить слухам, украшают дворец верховного чародея Стигии.

Конан и его спутники неподвижно застыли в отдалении, стараясь не помешать творящемуся волшебству ни одним движением и даже звуком своего дыхания.

Наконец шаман рукой с толстыми короткими пальцами, на каждом из которых красовался длинный загнутый внутрь коготь, провел по поверхности воды, как бы стирая рисунок. Горделиво откинув голову, насколько позволяла согнутая спина, он что-то сказал Гухку на том же диковинном языке. Тот сперва присел перед ним, склонив голову к левому плечу и положив свою мускулистую лапу туда, где у всех живых существ бьется сердце. Отдав дань почтения, он перевел сказанное своим гостям:

— Радуйтесь, явившиеся из мира за внешней стеной! То, что вы ищите, не исчезло, последний оставшийся панцирь щитоносца здесь, в Ярмулаке в нескольких днях пути отсюда. Приложив должное старание и хитроумие вы, возможно, сумеете завладеть им.

— А где он? И кто его хозяин? — решил внести ясность Конан, зная привычку тех, кто имеет дело с неизведанным, уходить от сути, пускаясь в философские рассуждения.

— Терпение, воин. Панцирь щитоносца находится у Элдии, повелительницы аракасков, она держит в нем свои украшения. Возможно, вам удастся убедить ее расстаться с любимой бездешкой.

— Что ж, нам случалось добывать и не такое! — просиял бывший вор. — Владычица ничего не заметит.

— Не думаю, что все так просто, — покачал косматой головой гухк. — Судьбу того, кто вызовет гнев аракасков, вряд ли можно назвать завидной.

— Подожди, ты сказал «арракасков»? — встрепенулся Стефанос. — Не те ли это твари, взгляд которых, превращает любое живое существо в камень. Как-то неохота доживать свой век статуей, клянусь Солнцеликим.

— Тем более вряд ли из тебя получится нечто, достойное услаждать взор изящной дамы, —

заметил летописец. — В лучшем случае ты сгодишься на то, чтобы тебя поставили где-нибудь в задних комнатах. И тебе очень повезет, если служанки будут вовремя сметать с твоих каменных плеч пыль.

— А может быть им тоже захочется послушать песню? — поинтересовался один из оборотней, — по такому случаю даже я готов проплыть что-нибудь про любовь. Все лучше, чем оборачиваться в камень...

Он поднял голову и завыл.

— Эй, прекрати, а то я забуду на миг, что я король и спущу с тебя шкуру, — прорычал Конан, и потянулся за палкой.

— Услышав такое пение, любой аракаск сбежит, если только не успеет обратить тебя в камень, — хихикнул Хальк, подобострастно посмотрев на киммерийца.

Оборотень замолк и, взвизгнув, отскочил, ровно перед тем, как увесистый камень бухнулся на то место, где он только что сидел.

Шаман потянулся за новым камнем, но потом только сплюнул и ушел обратно в хижину.

— Видишь, даже его мохнатые уши не выносят твоего воя, что уж говорить о аракасках, — захохотал северянин.

— К сожалению, я бессилен поведать вам, каким способом завоевать сердце владычицы аракасков, — произнес гухк. — Тот Кто Сматрит не

пожелал рассказать вам это, значит, так должно. Следуйте в сторону полночного восхода и к исходу третьего дня вы будете на землях аракасков. И да будут милостивы к вам ваши боги!

* * *

За много дней пути отсюда в развалинах древнего давно заброшенного города, в глубине подземелья, бывшего некогда винными погребами, составлявшими гордость представителя одного из самых древних и знатных родов происходило нечто, способное ужаснуть любого нечаянного свидетеля.

Посреди лишенного окон зала, освещенного лишь слабо коптящими светильниками, на постаменте сплошь исписанном магическими символами, истинный смысл которых был известен лишь немногим, стоял узкий ящик из черного железа. Человек, лежащий в нем, показался бы давно умершим, если бы не чуть заметное дыхание, которое нарушало его неподвижность. Лицо его выглядело изможденным, как если бы этот человек провел долгое время обходясь без пищи или будучи прикован к одру болезнью. На левой руке, бессильно лежавшей вдоль тела, виднелся широкий браслет из того же темного металла, что и ящик. Любой, кому хоть в малой степени дано было почувствовать магические эманации,

ощутил бы, что это вовсе не украшение и не амулет, который надевают, чтобы он защитил своего владельца от зла. Казалось, браслет вытягивает из этого почти бессмертного тела остатки сил, принуждая к неподвижности.

Несколько фигур в темно-красных мантиях с капюшонами, низко надвинутыми на лица, вполголоса переговаривались, глядя на лежащего перед ними.

— Для чего мы сохраняем эту бренную оболочку? Не лучше ли уничтожить ее, как вы сделали это с сущностью? Тогда Аллимар окончательно перестанет быть угрозой для нас.

— Все не так просто, брат. Сил всего нашего ордена не хватило бы, чтобы уничтожить сущность чародея такой высокой степени посвящения. Все, что удалось нам — это отделить сущность от тела и лишить памяти, заставив его разум крепко спать. Теперь он подобен неразумному ребенку, по-детски испытывая склонность ко всякого рода шалостям и в то же время совершенно лишенный доброжелательности и по-старчески невоздержанный в своих речах.

— Но поведайте мне, командор, каким образом удалось подобраться к нему во время сна? Осторожность и подозрительность Аллимара давно вошла в поговорку.

— Чувства, ученик, причиной всему человеческие чувства. Именно они губят нас, разрушая

самые великие начинания. Если желаешь в чем-нибудь преуспеть, то в первую очередь заставь замолчать чувства, делающие тебя слабыми. В душе непревзойденного мастера боевой магии теплилась нежность к одной недостойной девице, с которой он был когда-то близок. Сотворить из похожего объекта точное подобие ее было не так уж сложно. Она стала совершенно такой же во внешности, в речах и в самых тончайших деталях, вы понимаете, о чем я? А когда он уснул, пребывая на верху блаженства...

— А что произошло потом с этим порочным созданием?

— А вы как думаете? Она выполнила свое предназначение и этим все сказано.

— Но если Аллимар представляет собой такую опасность для ордена, отчего не выбросить за грань мира и сущность и ее вместилище? Пусть вечно пребывают там, лишенные разума и памяти.

— Ну зачем же портить то, что можно обра- тить себе на пользу? Когда брат Матриус доставит ее сюда, сущность Аллимара будет служить нам не хуже любого из демонов. А тело будет своего рода залогом, что столь ценный прислужник никуда не сбежит от нас.

— Какой у него замечательный браслет! И сколько в нем силы, я так и чувствую, как она струится у меня по коже!

— Осторожнее, сестра, страсть к украшениям когда-нибудь вас погубит. Перед вами не простое украшение; браслет из железа, закаленного в крови Первых удерживает Аллимара в нашей власти...

В это мгновение прямо из воздуха сгустился пергаментный свиток, ослепительно светящийся как если бы состоял из жидкого огня. Потухнув, он упал прямо на подставленную ладонь того, кого называли учителем и командором. Просмотрев письмо, он заметно помрачнел, отчего волны мрака и холода распространялись от него по всей комнате, заставив остальных испуганно отодвинуться, невольно пытаясь спрятаться в спасительной тени. Даже человек, пребывающий в беспамятстве в своем покрытом рунами саркофаге, и тот, казалось, ощутил перемену. Черты лица его, доселе бесстрастные, теперь выражали глубокую печаль.

— Проклятый Матриус! — раздался голос, по-добрый шипению рассерженной змеи, он дорого поплатится за свою оплошность, клянусь хвостом Сета!

* * *

— Я вот одного не могу понять — недоумевал Авген. — Ярмулак на карте такой маленький, ведь, кажется, из конца в конец за один день

проехать можно, а вот, поди же ты, который день блуждаем...

— Так то на карте, а то в жизни, понимать надо — наставительно ответил ему Евдис. — Верно я говорю, колдун?

— Более чем верно, воин, — ответил магистр Гристиан, вглядываясь внутрь крохотного пузырька, где в густой прозрачной субстанции извивалось крохотное существо, похожее на гусеницу-многоножку, настоящее бедствие аргосских виноградников. — Увы, даже примитивные создания здесь отказываются повиноваться. Вот это, например, упорно не желает поворачиваться хвостом в сторону восхода — добавил он немного расстроенным тоном.

* * *

Сперва вглубь леса вела узенькая тропинка, хорошо заметная среди низкого стелущегося кустарника, усыпанного ярко-зелеными ягодами, затем она исчезла и путешественникам оставалось идти, ориентируясь лишь по солнцу. Даже звезды не годились здесь в качестве путеводной нити; посмотрев на небо, кто-то из спутников Конана увидел, что все созвездия приняли странные и незнакомые очертания.

На исходе третьего дня они заметили первый знак того, что они почти добрались до цели.

Квентин едва не наступил на крохотную птичку, которая окаменела прямо в полете, расправив крылья и чуть приоткрыв клюв. Некоторое время он держал ее на ладони, раздумывая, каким образом могло оказаться в лесу это изваяние. Вскоре оборотни нашли и других окаменевших зверей. Сомнений более не оставалось: земли аракасков приближались.

Отряд стал двигаться с осторожностью. Все, даже магистр Гристиан, смотрели лишь себе под ноги, чтобы ненароком не встретится взглядом с ужасным созданием, способным обратить живое существо в камень. Конан шел первым и всматривался в искусно отполированное лезвие своего меча, в котором и отражалась окружающая местность.

— И долго вы собираетесь так брести подобно веренице калек? — неожиданно раздался насмешливый женский голос.

В лезвии меча отразилась стройная даже худощавая женщина с роскошными волосами медового цвета, которые достигали почти до пояса. Невозможно было сказать, молода она или уже переступила порог зрелости, но Конану показалось, что более привлекательной женщины он не видел за всю свою богатую приключениями жизнь, в которой вовсю не было недостатка в женском внимании. Незнакомка приближалась и движения ее были преисполнены своеобразной

грации, они зачаровывали подобно музыке или бокалу дорогого вина. Но все это меркло перед красотой ее глаз — ярко-зеленых, сверкающих подобно драгоценным камням. Похоже, увиденное зрелище немало развлекло ее.

— Ну что, — переспросила она, — так и будем стоять, уставившись себе под ноги будто провинившиеся дети? Если у кого-нибудь из вас достанет смелости раскрыть рот, пусть он скажет, что привело вас в земли аракасков. Воин, может быть ты перестанешь прятаться от меня за лезвие мечя? Или ты так боишься женщин?

Конан побагровел и медленно опустил меч. Борясь с сильнейшим желанием посмотреть в глаза той, которая считает возможным безнаказанно насмехаться над ним, он сдержал гнев и размеренно ответил.

— Мы пришли с миром, прекраснейшая, — и, не обращая внимания на раздавшийся в ответ на его слова смешок, продолжил, — мы хотим видеть принцессу Элдию.

— А вот захочет ли принцесса видеть вас, — фыркнула насмешница, — впрочем, мы не ищем ссор с чужеземцами. Будь по вашему, идите дальше. На половине полета стрелы, между белым камнем и деревом-охотником вы найдете маски из темного кварца. Наденьте их и тогда вы сможете смотреть вокруг без страха за свою судьбу. После этого можете идти к реке и далее по мос-

ту, а после вас встретят. Надеюсь, ваше дело и впрямь того стоит.

И, еще раз хихикнув, прекрасная незнакомка исчезла в густой зелени.

* * *

За мостиком, сложенным из тонких бревнышек серебристого цвета, их и в самом деле встретили. Это были две совсем юные девушки, недавно вышедшие из детского возраста. Было досадно, что маски из дымчатого прозрачного камня не позволяли в полной мере насладиться их красотой. Одеты они были, как и та, которая встретила их в лесу, в узенькие штаны из тонкой кожи и нечто вроде коротких туник, позволяющих видеть их руки — одновременно изящные, но не производящие впечатления слабых, не способных поднять ничего тяжелее чашки воды.

— Мы ждем вас, чужеземцы, — сказала одна, волосы которой были цвета осенней соломы.

— Идите за нами, принцесса готова говорить с вами, — продолжила другая с копной пышных темно-рыжих волос.

Конану и его спутникам ничего не оставалось, как повиноваться.

Дорожка, более похожая на ухоженную аллею в королевском парке, привела их к ажурному строению, напомнившему Конану беседку, цели-

ком доставленную его предшественнику из Кхитая. Правда, в отличие от беседки, каждое составлявшее его бревнышко было покрыто тончайшей резьбой, отчего весь дворец казался сплетенным из кружева.

Поднявшись по ступенькам, путешественники оказались в небольшом зале и с интересом принялись оглядываться вокруг.

— Кажется, маски тоже не прибавили вам храбрости, чужеземцы, — услышали они уже знакомый голос. — Проходите, не стойте на пороге. Или грозные воины боятся хрупких дев?

Подняв голову Конан увидел перед собой уже знакомую насмешницу. Теперь она сидела на резном деревянном троне, закутанная в серебристо-зеленые шелка.

На голове ее был изящный венец, который неведомый мастер изготовил из мелкого речного жемчуга. По обе стороны стояли придворные дамы в роскошных платьях, стражницы в латах из непонятного белого металла, украшенных жемчугом, женщины-арракаски в темных более скромных одеяниях.

Отсутствие мужчин насторожило путников, поневоле в голову стали приходить мысли, что несчастные наверняка были превращены в камень этими коварными созданиями и теперь их безмолвные изваяния украшают аллеи этого ажурного дворца.

Конан почувствовал нерешительность, обуявшую его спутников, хмыкнул, и шагнул вперед.

— У нас к тебе дело, принцесса! Вот наша история...

На протяжении почти одного поворота клепсидры киммериец повествовал об их приключениях, начиная с того мгновения, когда они случайно заметили мантию, с непонятной целью прикованную к стене. Разумеется, многие события и побуждения, руководившие им и его спутниками, претерпели в этом рассказе значительные изменения. К примеру, Стефанос и Авген не затеяли между собой спор, а преисполнившись жалостью, решили отпустить на свободу несчастного, безо всякого сомнения, испытывающего неслыханные страдания. Когда же они узнали, что таким образом преданные и бесконечно опечаленные друзья везли пораженного тяжким недугом, было уже поздно и теперь они должны во что бы то ни стало загладить последствия своего неуместного душевного порыва и излишней старательности.

Женщины-арракаски слушали его, затаив дыхание, из глаз некоторых выкатились серебристые капли и, скатившись на пол, прожгли в нем крохотные дырочки.

— У нас это называют поцелуем урсуса, — задумчиво произнесла принцесса Элдия, — то, что задумано ради добра, а на деле оборачивается

еще худшей бедой. Пожалуй, ради такой благородной цели я готова расстаться даже с любимой шкатулкой. Нет, не спешите благодарить, я потребую кое-что взамен.

— Все, что угодно, принцесса! — воскликнул Конан, радуясь, что все разрешилось без особых сложностей и тут же, вспомнив об осторожности, добавил, — разумеется, если это будет в моих силах.

— Конечно, будет! — смех Элдии беззаботно зазвенел подобно весеннему ручью, волны которого перекатывают крохотные острые льдинки. — Оставь с нами одного из своих подданных, король Конан. Пусть он погостит у нас не менее одной луны, а дальше может оставаться столько, сколько пожелает. Все наши мужчины умерли, — добавила она таким тоном, каким ребенок рассказывал бы о сломанной игрушке. — Нам необходима свежая кровь, — добавила она, явно подражая кому-то и, заметив, что гуль, услышав эти слова, сердито сверкнул глазами, снова рассмеялась. — Не для того, для чего ты подумал, Бегущий-В-Ночи. Тому, кто воспользуется нашим гостеприимством, не придется об этом жалеть. Если желающих окажется больше, нам это только доставит удовольствие. А пока что прошу вас отдохнуть с дороги. Вечером мы устроим большой пир, ведь не так часто в наши места забредают путники. Надеюсь, вы сумеете развеять нашу скуку историями о внешнем мире.

* * *

Оказавшись в светлом уютном павильоне не-подалеку от дворца, путешественники все же предпочли не расставаться со своими масками, закрывающими верхнюю половину лица и не служащими препятствием ни для того чтобы дышать, ни для того, чтобы вкушать предложенную пищу и напитки.

В отличие от жилища гухков, здесь на полу было наброшено множество расшитых подушек. Большие, величиной почти с целую перину, расшитые золотыми нитями, совсем маленькие, обтянутые тонкой кожей и украшенные блестящими бусинками, монетами и мелкими ракушками, валики из пестрой ткани, перевитые серебристыми шнурами...

— Да они тут просто рукодельницы, — восхищенно заметил Стефанос, со знанием дела разглядывая одну из подушек, на которой тончайшими шелковыми нитями была вышита целая картина. — Моя мать была до этого дела великой охотницей, только такой красоты у нее никогда не выходило...

— Я вам сразу говорю — развелновался Қаврат, — я не согласен тут остаться! Уж лучше в пасть к Нергалу. Почетнее погибнуть в бою, чем стать игрушкой в руках этих безумных рукодельниц!

— Никто тебя и не думает заставлять, — успокоил его Конан, — они же сказали, что выбор должен быть добровольным. Правда, если никто не согласится, тогда будем тянуть жребий. Все должно быть по справедливости.

— Тебе, король Конан, нельзя участвовать в жребии — вступил в разговор молчавший до того времени магистр Гристиан. — Монарху надлежит заботиться о благе государства, а не рисковать собой всякий раз, когда это требуется.

— Никогда еще не было такого, чтобы я прятался за чью-то спину — прорычал варвар. — И никогда не будет! Не родился еще тот, кто заставит меня поступиться законами чести!

Киммериец начал медленно вставать, выпрямляясь во весь могучий рост. Он не думал о том, что собирается предпринять и не испытывал желания оставаться, ежели упадет жребий, в обществе очаровательных арракасков, он просто действовал так, как побуждали его чувства.

— Постойте! — поднял руку Весперис, один из гвардейцев короля, — довольно спорить!

Все удивленно обернулись. Веспериса никак нельзя было назвать словоохотливым; бывало из него по несколько суток невозможно было вытянуть ни слова.

— Я одинок и не связан никакими узами во внешнем мире! Никто не вспомнит обо мне, если я не вернусь в Аквилонию. Мой возраст перева-

лил за половину срока, отпущенного Вседержателем для смертных. Мди мышцы с каждой зимой становятся все слабее и скоро я уже не смогу сражаться наравне с молодыми. Со временем я стану обузой, и некому будет подать мне миску с похлебкой. Поэтому по всему выходит так, что оставаться нужно мне... Это лучшее, что я могу сделать для моего короля!

И он замолк, утомленный собственным красноречием.

* * *

... на следующее утро, поручив своего товарища заботам женщин-арракасков, отряд двинулся в обратном направлении. В дорожном мешке магистра Гристиана находился драгоценный предмет, который должен был вернуть утраченные разум и память его пострадавшему собрату по магического ремеслу.

Панцирь щитоносца и в самом деле походил на две миски, в каждой из которых поместилась бы добрая порция любимой наемниками острой мясной похлебки, положенные краями друг на друга. Только в отличие от мисок при ближайшем рассмотрении он казался сделанным из множества чешуек, намертво сросшихся между собой. Конан с сожалением подумал, что эта диковина замечательно смотрелась бы у постели его молодой наложницы...

Путь до деревни гухков показался им не более утомительным чем увеселительная прогулка в дворцовом парке. На этот раз их встречали как старых друзей и в честь их благополучного возвращения был устроен самый настоящий праздник и вождь племени, подарил Конану каменный топор, принадлежащий еще его прадеду.

Пока вожди клялись друг другу в дружбе, шаман вместе с магистром Гристианом уговорили целый кувшин темного пеняющегося напитка и, пользуясь исключительно жестами и мысленной речью, увлеченно обсуждали нечто, живо интересующее их обоих.

Было спето немало баллад, которые исполняют бродячие певцы в Немедии и Бритунии, и куплетов легкомысленного содержания и удивительно ритмичных песен гухков, от которых кровь быстрее бежала по жилам, а ноги сами пускались в пляс.

После обильного угощения, которому воздали должное и гости и хозяева, последовали танцы. Спутники Конана вертели, обнимали и кружили своих мохнатых партнерш, а те, нимало не смущаясь разницей во внешности незнанием людского языка, заигрывали с необычными гостями.

Уже утром, поблагодарив за гостеприимство, Конан и его спутники собирались направиться к

стене, отделяющей Ярмулак от всего остального мира. Но тут шаман, который вышел их провожать вместе со всеми, пристально уставился в глаза гиперборейскому магу. Тот, сделав остальным знак не мешать им, застыл подобно неудачнику, попавшемуся на глаза аракаску. Потом, поблагодарив своего собрата по магическому ремеслу, обернулся к своим спутникам;

— Огх-а-Гухк говорит, что мы не сможем покинуть Ярмулак тем же путем, что и вошли. Здесь нет обратных дорог, если вы заметили, к деревне гухков мы тоже подошли с другой стороны, хотя пребывали в полной уверенности, что возвращаемся той же дорогой.

Шаман порылся в плетеной сумке, висевшей у него на боку и извлек оттуда нечто, напоминающее фрукт вроде тех, под тяжестью которых гнутся ветви деревьев в огирских садах, начиная с середины третьей летней луны.

Присмотревшись Конан и его спутники заметили, что перед ними камень идеально круглой формы, по цвету напоминающий громадную полусферу, стоящую посреди развалин на вершине горы неподалеку от Ворот.

Тот Кто Сматрят раскрыл ладонь и каменный шар медленно распался на три части. Снова сжав мощную лапу, шаман отдал непонятный предмет магистру Гристиану, некоторое время подержав его руку в своих.

Гиперборейский маг молча кивнул и направился в сторону, противоположную той, куда собирались направиться гости.

— Что он сказал? — спросил его Конан, когда дома гухков и стена из камня небесной чистоты скрылись из глаз. — И вы уверены, что ему стоит доверять?

— Да, в его словах нет неправды и злого умысла, — ответил тот. — Он объяснил как нам выбраться отсюда минуя туманную стену.

— Минуя стену? Но ведь Ярмулак окружен ею!

— Да, это так и тем не менее способ есть. В этом нам поможет то, что он дал нам на прощанье. Народу Карающей Длани дано чувствовать то, что скрыто от обычных людей даже наделенных, подобно тебе, особой чувствительностью. Если бы в этом магическом предмете присутствовала хоть малая часть зла, разве бы показался он им настолько привлекательным?

— Конечно, он великолепен! — умильным голосом подтвердил один из оборотней, не сводя глаз с полупрозрачного каменного шара.

— Он как будто покрыт мягкой шерсткой и дышит, — добавил второй, протягивая к нему ладони.

— А теперь, — сказал им гиперборейский маг, — нам нужно поскорее добраться до озера.

* * *

Примерно седмицу они шли по удивительно светлому и какому-то уютному лесу, где росли деревья с корой цвета старой меди и вместо листьев чем-то вроде нежного голубоватого меха. Здесь в изобилии росли грибы на длинных тонких ножках и со шляпками, надетыми немножко набекрень.

Правда, в отличие от обычных грибов, эти не желали спокойно стоять на месте, а прыгали и даже карабкались по деревьям, чтобы, соскочив вниз, начать все с начала.

Озеро, о котором упоминал магистр Гристиан, предстало перед ними совершенно неожиданно, как будто посреди леса распахнулся гигантский глаз с четырьмя зрачками-островами.

— Нам необходимо попасть на три острова, расположенные треугольником, — объяснил своим спутникам гиперборейский маг — а затем собраться на том, который находится посредине. И помните, никто из нас не вправе вынести отсюда ничего, даже такую малость как камушек или травинка. Единственное, что мы заберем с собой — это панцирь и будем благодарить судьбу, что нам дозволено хотя бы это.

— А как же еда? — хмыкнул Стефанос. — Что, если она еще не успеет перевариться у меня в животе?

— Тогда останешься здесь, пока не избавишься от нее! — со смехом перебил его Авген.

— Нет, пищи и воды это не касается, — презрительно поморщился магистр Гристиан, — а теперь нам следует поторопиться, впереди еще много важных дел.

Ни слова не говоря, Конан взвалил на плечо каменный топор — подарок вождя племени гухков, оказавшийся как нельзя более кстати, и направился в поисках деревьев, подходящих для того, чтобы построить плот.

Остальные последовали его примеру, захватив все, что оказалось более-менее пригодным для этой цели.

Вскоре плот из бревен, связанных веревками, поясами и даже полосками, в которые обратилась кожаная куртка гуля, был спущен на воду. Весла, изготовленные в большой спешке и не самым искусственным образом, были также далеки от совершенства но, видимо от того, что путешественниками двигало огромное усердие и желание загладить последствия своей оплошности, плавание оказалось легким и приятным.

Они поочередно причалили к каждому из трех островов, начиная от самого большого, расположенного на полуденном закате, оттуда направились к наименьшему, находящемуся на стороне полуночного восхода и лишь затем посетили третий, средний по величине.

На каждом из островов, примерно на середине его они увидели плоский белый камень в форме идеально круглого диска. На них магистр Гристиан оставил по трети отданного ему шаманом полупрозрачного шара. Затем путешественники приплыли на четвертый, расположенный внутри треугольника и встали на точно такой же белый диск.

— Возьмитесь за руки и со всем старанием, на которое вы способны представляйте в своем воображении Ворота. Если все пройдет как надо, мы окажемся там.

Прошло несколько мгновений, затем еще, но ничего не произошло. Они по-прежнему стояли на крохотном островке посреди озера. Магистр Гристиан посмотрел на каждого из своих спутников и взглядел на него, казалось, подобно солнечному лучу освещает самые потаенные уголки их душ. Затем, не произнеся ни единого слова, он указал пальцем на Стефаноса, беспокойно переминавшегося с ноги на ногу. Тот отвел глаза и потянул из-за пазухи какие-то цветные камушки, несколько красивых ракушек и даже деревянную ложку подозрительно похожую на те, которыми пользовались в деревне гухков. Укоризненно покачав головой, маг жестом велел повторить все сначала.

Стоило замкнуться живому кольцу, как краине островки соединили мерцающие арки, каза-

лось, сотканные из ослепительно белого света. Последнее, что запечатлелось в памяти путешественников, была удивительной красоты радуга, обернувшаяся вокруг них подобно громадному шелковому шарфу.

* * *

Придя в себя, путешественники обнаружили, что они и в самом деле непостижимым образом покинули Ярмулак. Они находились в затерянном уголке Граскаальских гор на месте своего прежнего лагеря. Ворота во всей своей красе находились прямо перед ними; казалось бы, открывшаяся картина должна радовать глаз, но Конана и его спутников не оставляло чувство, что совершилось что-то не совсем правильное. Оборотни беспокойно закрутились на месте, позвериному нюхая воздух, гуль, казалось, готов был лишиться чувств. Наконец Конан, который в дополнение ко всем своим талантам и способностям был наделен даром выделять главное, отбрасывая в сторону все ненужные детали, произнес то, что вертелось на языке у всех...

— Мы провели в Ярмулаке не более трех седмиц, но тогда была еще ранняя весна, а сейчас, по меньшей мере, на исходе вторая летняя луна!

Магистр Гристиан, отойдя от остальных на несколько шагов, принял вычерчивать на зем-

ле какие-то знаки, что-то бормоча себе под нос и время от времени поглядывая на небо. Наконец, облегченно вздохнув, он произнес:

— Совершенно верно, пока мы путешествовали в поисках панциря щитоносца, здесь прошло около четырех лун. Нам еще повезло; таким образом могла минуть одна зима и даже более.

Отогнав кошмарное видение того, что он мог бы застать в своем дворце, явившись спустя несколько зим своего отсутствия, Конан направился к воротам. Они так и застыли немногого приоткрытые, под ними пробивалась сочная зеленая трава, а между створками вырос куст с круглыми листьями, из которых детишки Пограничья делают себе шляпы, играя в магов и разбойников.

На этот раз распахнуть ворота ему удалось с одного удара, дерн легко отодвинулся в сторону подобно свернутому ковру, а тяжелые каменные створки гостеприимно распахнулись. Но солнце едва перевалило полуденную черту и до утра ничего невозможного было совершить.

Оставшуюся часть дня решено было посвятить отдыху. Оборотни, которым выпало караулить первым, скрылись из вида; гуль впал в оцепенение, забившись в расположенную неподалеку крохотную пещерку. Уроженцам Рабирийских гор кроме небольшой порции крови, время от времени требуется полное уединение и вряд ли

можно позавидовать тому, кто решится потревожить гуля, когда он этого не желает. Конан дремал, положив меч так, чтобы до него можно было дотянуться в любое мгновение. Как бы ни безопасно казалось все вокруг, лучше не терять осторожности, кто знает, что может произойти в следующее мгновение...

Гристиан, поставив панцирь щитоносца на камень перед собой, внимательно вчитывался в старинный манускрипт, испещренный неведомыми письменами. Ритуал следовало провести по всем правилам магического искусства.

Ночь прошла спокойно. Казалось, в этих местах нет хищных зверей, и даже змеи избегают сюда заползать.

* * *

Едва небо посветлело и окрасилось всеми красками, предвещающими, что вот-вот Колесница Митры начнет свой путь, все были уже на ногах. Конан и Евдис застыли возле каменных створок, готовые распахнуть их по первому сигналу. Остальным также нашлось, чем заняться. Оборотни старательно выкладывали из камней спираль, началом которой были Ворота, а точнее, место между их створками, кто-то старательно рассыпал ароматический порошок, кто-то поддерживал огонь, на котором в медном котелке кипело что-то, по запаху напоминающее похлебку из несвежей рыбы.

Наконец, когда первый луч солнца осветил каменный пузырь и золотистое пятно затанцевало на земле перед Воротами, каменные створки плавно открылись. Магистр Гристиан стоял в центре выложенной из камней спирали, держа перед собой панцирь щитоносца, окуренный благовониями и омытый непонятным отваром. Конан, стоящий в нескольких шагах, не мог отдельться от мысли, что в таком отвратительно пахнущем жилище не захочет поселиться ни одна уважающая себя сущность. Во всяком случае, на места Аллимара он бы и близко сюда не подлетел.

Но не прошло и терции, как откуда-то появилась уже знакомая призрачная фигура. С жалобным стенанием она пролетела сквозь ворота и, обернувшись струйкой дыма, скрылась внутри панциря. Конан и его товарищ, повинуясь знаку магистра Гристиана, моментально захлопнули тяжелые створки.

Но это было только начало. Панцирь моментально раскалился докрасна подобно полосе железа в кузнечном горне, из всех отверстий повалил густой дым. Раздался отвратительный раздирающий уши визг, как если бы тут бесновалась тысяча демонов. Гиперборейский маг, изо всех сил удерживая временное вместилище беспокойной сущности, выкрикивал заклинания и от звука его голоса даже самые храбрые из спутников

Конана испытывали желание оказаться как можно дальше отсюда. Киммериец, испытывавший сильнейшее отвращение ко всякого рода чародейству, успокаивал себя старой истиной, что главное — цель, а не то, что предшествует ее достижению.

Прошло несколько мгновений, а может несколько колоколов, когда из панциря послышался приятный мужской голос, не имеющий ничего общего с тем, который недавно выкрикивал оскорблений в адрес своих спасителей.

— Не будет ли так добр мой собрат, объяснить, что произошло?

— Позже обо всем поведает тебе маг Матриус, уважаемый Аллимар. Пока что довольно будет и того, что твоя сущность отделилась от тела. Хотя я не могу представить себе, что должно произойти, чтобы случилась такое... Может быть ты вспомнишь: каков был обряд, имевший столь ужасные последствия?

— Матриус... подождите, я припоминаю.... Матриус — предатель! Как я мог быть настолько легковерным! Ведь я же знал, что прошло не менее ста зим, она не могла оставаться живой и тем более такой же молодой и прекрасной как в нашу последнюю встречу. Чтоб Нергал слизал его своим языком!

Стоящий на земле панцирь запрыгал, словно внутри него дрались.

— Клянусь вам, этот мерзавец никогда не был в числе моих друзей! Ясно одно: Орден Алого Пламени все-таки добрался до меня!

— Орден Алого Пламени?! — помрачнел гиперборейский маг. — Но они же дали клятву не нарушать более равновесия и не предпринимать враждебных действий...

— Клятву... — послышался горький смешок. — Думаю, даже само слово «честь» им не знакомо. Но я лишен возможности не только достойно ответить им, но и доказать правоту своих слов. Если бы мне хоть на время вселиться в чье-нибудь тело! Может быть, кто-то из ваших спутников сможет оказать мне такую услугу?

Но это предложение не нашло одобрения среди воинов. Еще бы: одно дело — рисковать шкурой ради благой цели и совсем другое, предоставить свое тело какому-то магу... Это еще хуже, чем поселить в своем доме первого встречного.

Магистр Гристиан неторопливо извлек из дорожной сумки лист пергамента и склянку с магическим эликсиром. Плеснув на пергамент черной жидкостью, он некоторое время внимательно всматривался в лужицу, а затем объявил:

— В нескольких днях пути отсюда на границе с Немедией скоро появится то, что тебе требуеться. Уличная торговка окажется невинной жертвой драки в соседней таверне. Думаю, мы успеем добраться туда вовремя. Разумеется, если ты не

против провести какое-то время в женском обличье.

— Разумеется, — раздался голос из бывшей шкатулки принцессы Элдии. — Я бесконечно признателен тебе, собрат и твоим отважным спутникам за вашу доброту. Клянусь, я не забуду этого никогда...

* * *

Старая Арния не спешила уходить домой. Ночь — самое подходящее время, а народу на улице бывает не меньше чем днем, надо только знать где предлагать свою стряпню. Уличные девицы, воришки и прочие охотно берут ее лепешки, а иногда и подкидывают от щедрот монетку-другую. Молодость и красота, которыми она неплохо зарабатывала, безвозвратно канули в прошлое, оставив лишь воспоминания, которые не очень-то хочется ворошить. Кажется, сегодняшняя ночь обещает быть прибыльной, вон, наемники в город пожаловали, быть не может, чтобы, проходя мимо, они не пожелали отведать ее стряпни. Эх, и почему у нее нет дочки или внучки, на которую приятно посмотреть, жила бы сейчас и горя не знала... Да что там творится, пойти, что ли посмотреть?... Великие боги, да они настоящую войну устроили. Надо уносить ноги пока цела. Уйди, нет у меня никаких денег, отстань, говорю! Помогите, помогите!!!

* * *

— Как необычно я себя чувствую... Нет, так не годится, это тело того и гляди рассыплется на следующем же шаге... если у него достанет сил сделать этот самый шаг!

— Позволь помочь тебе, почтенная, то есть, извини, мудрейший. Осторожно, здесь камень под ногами...

Конан, с молоком матери впитавший уважение к тем, кто прожил много зим, хотел было отодвинуть в сторону беспорядочно суетившегося СтефANOса и взять старую женщину на руки, но был остановлен властным взглядом, выглядевшим диковинно на морщинистом лице.

— Благодарю тебя, король,— раздался полный достоинства голос. — Как только мы окажемся на постоянном дворе, я с помощью мага Гристиана сделаю это тело более пригодным для обитания. Впрочем, надеюсь — оно недолго будет служить мне... Ох, моя спина! Пожалуй я подзабыл, что простые смертные страдают от старости и болезней и их тела со временем разрушаются. Митра Всемогущий, почему же вокруг все стало таким мутным? И почему мои ноги не слушаются моего разума? Нет, в панцире ямурлакского щитоносца было куда уютнее, клянусь подземельями Зандры!

* * *

Гиперборейский маг и частично возвращенный к жизни Аллимар почти сутки провели взаперти в самой лучшей комнате постоянного двора. Когда же они наконец нарушили свое вынужденное уединение, нынешняя телесная оболочка Аллимара стала выглядеть значительно моложе. Правда, широкий размашистый шаг и движения, более приличествующие воину, нежели женщине, пребывающей в почтенном возрасте, производили весьма странное впечатление.

— Нам известно, куда отвезли тело Аллимара, — сообщил Конану магистр Гристиан, когда они устроились за столом в укромной нише. — Они еще поддерживают в нем подобие жизни, но теперь, когда стало известно, что Матриус упустил добычу... Нам нужно торопиться; логово последних адептов ордена Алого Огня находится на полночный восход от Султанапура, дорога туда займет много дней, но если воспользоваться Скрытым Прямым Путем, то мы окажемся там через пару колоколов. Я отправлюсь с ним; то, что было совершено с моим собратом, я считаю прямым вызовом себе, а также ордену Белой Руки и всем, кому дороги гармония и равновесие между добром и злом...

— Что ты имеешь в виду? — недовольно прорычал Конан, для пущей убедительности стук-

нув по столу кружкой, выточенной из ствола коринфского пятилистника, древесина которого отличалась особой прочностью. Мощная деревянная посудина разлетелась на множество осколов, а на крышке стола образовалась вмятина величиной с кулак взрослого мужчины.

— В дружественном государстве, между прочим, находящимся под вечной защитой и покровительством Аквилонии среди бела дня похищают сущность известного мастера боевой магии, этот, как его там, орден Алого Пламени позволяет себе творить все, что ему заблагорассудится, а вы желаете, чтобы я спокойно смотрел на все это?!

— Но это весьма опасно... — произнес Гристиан и тут же пожалел о своих словах.

— Вот именно! — вскричал Конан и глиняные миски на стойке трактирщика подпрыгнули, жалобно звякнув друг о друга. — Никогда не будет такого, чтобы воин нашего рода бросил на произвол судьбы тех, с кем прошел длинный путь, зная, что от этого зависит жизнь и судьба достойного человека. Когда мы отправляемся в путь?

— Завтра в начале восьмого послеполуночного колокола, — ответил гиперборейский маг, поняв, что спорить с Конаном — одно из самых безнадежных на свете дел, предаваться которым как сказал один из мудрецов древности, значит сокращать свое долголетие.

Поэтому утром следующего дня Конан и его гвардейцы а также Гристиан с Аллимаром вышли за пределы города. Когда они оказались в безлюдной местности, магистр Гристиан сделал знак остановиться.

— Отсюда мы отправимся Скрытым Прямым Путем, пронзающим время и пространство, — торжественно произнес он. — Каждый шаг по этой дороге равен сотне шагов по обычному пути. Этот путь еще называют Запретным, так как опасности, которые могут на нем встретиться во много раз серьезнее тех, что обычно подстерегают путешественников.

— Помнится, когда-то мне довелось слышать о чем-то в таком роде, — задумчиво протянул Конан.

— Этим путем предпочитала пользоваться одна ведьма, родная сестра подземного демона, — вступил в разговор Аллимар, безуспешно пытающийся поправить на себе старушечье одеяние. — Говорят, страсть к чересчур быстрому передвижению оказалась для нее роковой.

— Угу, — подтвердил Конан, вспомнив одну давнюю историю, — и братец ее тоже плохо закончил.

На дороге они встали у черты, проведенной в пыли гиперборейским магом и... Ничего не про-

изошло, не было ни оглушительно гремящего грома, ни чувства стремительного падения. Перед ними была та же дорога, правда, с той разницей, что окружающий мир потерял все краски. Небо, земля, они сами — все стало серым как если бы пыль, оседающая в заброшенных человеческих жилищах, покрыла здесь все. Деревья и придорожные кусты теперь предстали перед Конаном и его спутниками в виде бесформенных размазанных пятен, которые слабо шевелились подобно медузам, обитающим в море Вилайет и, если верить слухам, не пропускающие возможности кем-нибудь полакомиться.

— Когда, ты переносил нас в чертоги Яхмоса, маг, дорога показалась мне куда приятней, — буркнул северянин.

Под ногами была твердая ровная поверхность, ни камушка, ни облачка пыли, как если бы они шли по чисто подметенным полам на редкость негостеприимного дома. Каждый шаг болью отдавался где-то внутри, а, двигаясь вперед, люди как будто преодолевали невидимую преграду — невидимую, но вязкую на ощупь.

Вдруг дорога перед ними сперва выгнулась, а затем стала подобной кругому горному склону. Не удержавшись на ногах, люди стремительно скользили вниз, безуспешно пытаясь схватиться хоть за что-нибудь, чтобы замедлить падение. Магистр Гристиан и Аллимар пытались выкри-

кивать какие-то заклинания, но неожиданно поднявшийся ураган заглушал все звуки. Изловчившись, Конан вытащил из ножен меч и вонзил его в землю. Раздался пронзительный визг, от которого у всех заложило уши, струя темной отвратительно пахнущей жидкости брызнула из-под лезвия, а дорога приняла прежний вид.

— Что это было? — поинтересовался киммериец, старательно отчищая лезвие меча.

— Язык демона-обжоры, — как ни в чем не бывало, ответил гиперборейский маг. — Эти твари предпочитают так охотиться. И ничего не подозревающие путники, уверенные, что идут по дороге, попадают прямо к нему в пасть. Если бы не ты, нам пришлось бы немало повозиться, чтобы выбраться оттуда.

Конан уже собирался сказать, что ему приходилось видеть вещи и пострашнее, но тут Аллимар, который все это время старался не привлекать к себе внимания, закричал:

— Вверх, смотрите вверх и никуда больше!

Послушавшись его, путешественники не увидели ничего кроме неба как будто сплошь закрытого тучами. Ни одного облачка, которое выделялось бы цветом или формой, но одной птички...

— На что тут смотреть? — возразил кто-то и тут же, устремив свой взор вниз, испуганно охнул, после чего принялся открывать и закрывать рот, как вытащенная на песок рыба.

Некоторое время спустя Аллимар объявил, что можно смотреть куда угодно, а к любопытному вернулся дар речи. Правда, на вопрос, что он увидел тот не смог дать более-менее вразумительного ответа, ограничиваясь словами «там такое, такое»... Сами же маги отказались рассказывать, какой опасности все только что избежали. Аллимар не ответил ничего, сославшись на старческую глухоту, а Гристиан сказал лишь, что далеко не всякое знание может оказаться полезным.

* * *

В самом сердце туранской пустыни, на месте процветающего когда-то города в глубоком подземелье, заключенный в ящик из темного железа все так же пребывал между жизнью и смертью необычный пленник.

— Что же мы теперь будем с ним делать, учитель? — склонился один из адептов ордена Алого Пламени перед своим наставником: — Сущность более не в нашей власти, а поддерживать жизнь в этой бренной оболочке с каждым днем становится все труднее.

— Остался лишь один способ, — ответил тот голосом, от которого кровь, казалось, готова была застыть в жилах, — мы сможем сохранить в своей власти одно и вернуть себе другое. Нужна

кровь, свежая кровь.... Нам требуется, чтобы человеческое существо, расставшееся с жизнью во славу Повелителя Темных Глубин, не имело ничего общего с нами. Я желаю ощутить его боль, ужас, отчаяние и безумную надежду. Лучше, если он будет молод, ведь чем моложе человек, тем сильнее он цепляется за жизнь, но за неимением лучшего подойдет старик или младенец. Ступайте же, дети мои и добудьте подходящую жертву.

Оставшись наедине с находящимся в беспамятстве пленником, хозяин подземелья приблизился к нему и долгое время внимательно вглядывался в неподвижные черты.

— Мне даже жаль, что ты попался в ловушку столь нелепо, Аллимар. Знаешь, когда не станет тебя, из моей жизни тоже уйдет нечто важное. Ведь большая ненависть чем-то сродни большой любви и вряд ли мне доставит удовольствие лишиться тебя совсем... Но что делать, каждый видит лишь то, что желает видеть.

В это мгновение раздался звук шагов и аколиты начали один за другим возвращаться в подземелье. По мере того, как они занимали свои места, лицо командора мрачнело все больше и больше. Еще один вернулся с пустыми руками.... И этот тоже... и этот. Неужели все рухнет из-за их нерасторопности? Именно тогда, когда адепт ордена Алого Пламени готов был ощутить нечто похожее на гнев и отчаяние, под сводами подзе-

мелья послышался шум, разительно отличающийся от того, что он слышал до этого. Пронзительный старушечий голос истошно верещал:

— Куда ты меня тащишь, а ну пусти, пусти, кому говорю! Разрази тебя Нергал, сожри тебя Эрлик! Ой-ой-ой, нельзя же так толкаться, что я тебе, молоденькая, что ли, бегать! Думаешь, занавесил тряпкой бесстыжие глаза, так до них уже и не добраться? Все как есть, выщарапаю!

— Замолчи, старая ведьма! Не будешь вести себя как подобает...

В подземное помещение вошел аколит, кто лишь недавно был допущен во Внутренний Круг. Он был единственный, кто вернулся с добычей. Правда, поймать ему удалось лишь толстую неряшливую старуху, которая судорожно вцепилась одной рукой, в растрепанную вязанку хвороста, второй же безуспешно пытаясь добраться до лица фигуры в красном балахоне, чтобы привести в исполнение свою угрозу. Лицо адепта, виднеющееся из-под сбитого набора капюшона и изрядно порванный балахон уже носили на себе следы близкого знакомства с упрямой старухой.

— Прекратите! — грозным шепотом произнес глава ордена. Все вокруг от страха, казалось, даже перестали дышать и даже старуха, испуганно пискнув, наконец, замолкла.

— Отпусти эту достойную женщину, — продолжил командор, голосом, похожим на шипе-

ние, которое издает змей, обитающий в джунглях Черных королевств, завораживая свою жертву, чтобы, затем, пользуясь ее неподвижностью, медленно заглотить... — От тебя требуется совсем немного, почтенная, а потом мы заплатим тебе и отпустим с миром. Ты согласна нам помочь?

— Но вы ошиблись, благородные господа, целительница вовсе не я, а моя троюродная сестра, — начала старуха, но маг нетерпеливо перебил ее.

— Все что от тебя требуется, уважаемая, вполне в твоих силах. Взгляни-ка сюда, ты ведь не желаешь, чтобы этот человек отправился на Серые Равнины из-за твоего упрямства?

— О, Митра, — снова зачастила старуха, взглянув на недвижного пленника, — великие боги, конечно, нет! Сделаю все что в моих силах, благородные господа, все, что в моих силах! Особенно если вы еще и хорошо заплатите старой женщине...

Тот, кого называли командором уже собирался подвести старуху к каменной плите, сойти с которой ей будет уже не суждено, как вдруг разглядел в ее лице что-то, пробудившее в нем, казалось бы, давно умершие воспоминания. Так могла бы выглядеть... разумеется, если бы она осталась жива... Не остается никаких сомнений: это ее глаза, ее тонкий изящный носик, ее задорная лукавая улыбка...

— Оставьте нас! — бросил он остальным, почтительно ожидавшим, что последует за этим.

Командор и странная пленница остались одни посреди подземного зала.

Множество крохотных светильников еле разгоняли мрак, но даже в их неверном свете стоявшая перед ним женщина все более и более приобретала сходство с...

— Зельмира, ты жива! Скажи мне, что это ты!

Стоило прозвучать этим словам, как фигура старухи как будто расплылась, а затем начала стремительно меняться. Она становилась выше ростом, исчезла полнота, исчезли морщины на лице, глаза из тускло взирающих на мир превратились в две черные звездочки... Седые свалявшиеся космы на глазах темнели, становясь густыми непокорными кудрями. И в довершение всего мешковатая одежда, которая становилась девушке все более и более не по размеру, истлела прямо на ней и упала к ее ногам грудой бесформенных лохмотьев. Нимало не смущаясь, Зельмира протянула руки к своему бывшему возлюбленному.

— Это я, милый! Ты узнал меня и теперь наложенные на меня чары разрушены!

— Как я виноват перед тобой! — возопил тот, в чьем присутствии многие его подчиненные боялись дышать от страха. — Скажи же, чем я могу загладить свою вину, что я могу дать тебе?

— Я хочу... — и Зельмира задумалась, подняв сияющие глаза к потолку и по-детски положив палец себе в рот. — Может быть, вот это... и ее очаровательный розовый пальчик показал куда-то за спину командора.

— Сейчас...

Но, стоило ему потерять из вида свою вновь обретенную возлюбленную, как в голосе девушки неожиданно прозвучали насмешливые и жестокие нотки.

— Нет, пожалуй, я возьму вот это!

Обернувшись, он увидел красавицу, которая играла рукой, на которой был надет браслет из темного железа, закаленного в крови Первых. Браслет, чьим предназначением было удерживать во власти ордена Алого Огня сущность Аллимарса и его земную оболочку. Тот, кто долгое время провёл в беспамятстве, как ни в чем не бывало открыл глаза, а затем усился на свое ложе.

— Мне, право, жаль, что ты попался на такую простую уловку, Корн. Ты же сам говорил, что каждый видит лишь то, что ему хочется видеть.

— А... Зельмира? — только и смог произнести глава ордена Алого Огня.

— Ты убил ее много зим назад. Она мешала тебе быть сильным, разве не помнишь?

Тот, кого называли командором, рухнул на колени перед тем, что еще мгновения назад

был юной красавицей. Но на каменном полу рас простерлась старая Арния, так бесславно завершившая свой жизненный путь. Теперь она выглядела значительно хуже, чем в тот день, когда пьяный наемник, пытаясь отнять выручку уличной торговки, немного не рассчитал своих сил...

— Значит, таким образом ты держишь свое слово? — Магистр Гристиан, который незаметно появился в подземелье, медленно подошел к чародеям.

— Думаете, что у меня уже не осталось сил? — вскочил на ноги тот, кого называли Корном. — Ошибаетесь, несчастные!

И он вытянул руки, готовясь одним из самых ужасных заклинаний обрушить каменный свод на головы давних врагов. Раз так — он готов отправиться на Серые Равнины вместе с ними. Теперь, когда он окончательно понял, что все, чему посвятил свою долгую жизнь, не стойло и слезинки любимого существа, когда надежда поманила его и снова столкнула в пучину отчаяния, жизнь стала для него не более чем тягостным бременем.

Гристиан с Аллмаром готовились предпринять ответные действия. Воздух в подземелье сгустился настолько, что, казалось, при желании его можно нарезать ломтями. Сила, которая готова была освободиться, сокрушая все на своем пути, была столь велика, что древние каменные

своды зашатались, еще немного — и они не выдержат. Пол, покрытый толстыми плитами, прорезала трещина, становясь все шире....

И в это мгновение в подземелье с шумом ввалились воины из личной гвардии короля Конана. Киммериец, который обрадовался, было, возможности устроить хоть небольшое сражение, был разочарован. Злодеи устремились в бегство при одном виде его меча. Некоторые, пытавшиеся противопоставить ему знание темного волшебства, сами же пострадали от острой стали.

Один из адептов ордена Алого Пламени, попытавшийся бросить в киммерийца огненным шаром, пребывал настолько в печальном состоянии, что его пришлось вести под руку как немощного старика. На другого, пожелавшего обра тить бесстрашных гвардейцев в тряпичные куклы, страшно было даже смотреть. Их неуспех напрочь лишил прочих присутствия духа и их сопротивление делалось все более и более вялым.

Вдалеке показался Евдис, который волочил за шиворот одного из адептов тайного ордена. Маг был спеленат своим балахоном подобно тому, как усмиряют служители приюта для умалишенных своих подопечных, когда те переходят границы благопристойного поведения.

Оборотни, сменившие свой облик на волчий, принялись обнюхивать плиты пола после чего, подняв морды, издали протяжный вой.

Чудовищное напряжение, еще недавно грозящее уничтожить и остатки древнего замка и всех, кто там находился, — исчезло. Совершенно потерявший присутствие духа командор вместе со своими подчиненными безропотно согласились последовать с Гристианом и Аллимаром в Гипербoreю, где, как разъяснил ему Конан, будет решена его дальнейшая судьба. Распрощавшись с благородным варварам и его спутниками, маги исчезли в ослепительной вспышке холодного белого пламени.

Прошло не менее трех четвертей колокола, когда Стефанос нарушил молчание.

— Пожалуй, оно и к лучшему, что мы вернемся своим ходом — заявил бывший разбойник, — все лучше, чем опять попасть подземному демону на язык!

— Это точно, — согласился Каврат, вытирая лезвие меча пучком сухой травы. — Без этих магических штучек куда лучше. А по пути не худо бы заглянуть куда-нибудь, где имеется хороший кусок жареного мяса, чаша доброго вина и веселая подруга на одну ночь.

* * *

Когда путники, наконец, ступили на землю Аквилонии, то к удивлению королевского летописца и воинов из личной гвардии Конана, им

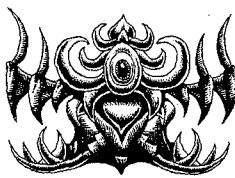
было приказано повернуть в полночную сторону. Варвар рассудил, что раз его изначальный план так и не воплотился в жизнь, то глупо возвращаться в Тарантию. Ладно, пусть миссия в Гипербoreю откладывается до лучших времен, но коль уж Солнцеликий подарил им возможность испытать новые приключения, то почему бы не продолжить удовольствие?

— Скажи-ка, Стефанос, — обратился киммериец к бывшему разбойнику. — Ты как-то рассказывал, что тебе известно местечко в Боссонских пределах, где водятся рыбы, чьи плавники похожи на птичьи перья и обладают способностью менять цвет в зависимости от времени суток. Так ли это?

— Верно, король, — склонил голову тот, — а еще они могут выпрыгивать из воды и кувыркаться через голову. А весной, когда у всех живых созданий начинается период любви, они высовывают головы на поверхность и издают звуки подобные шуму кипящей воды.

Конан захохотал и хлопнул его по плечу.

— Так чего же мы медлим? В путь! Изловим парочку таких тварей для королевского зверинца. Пусть добрые аквилонцы увидят, что их король годен не только на то, чтобы восседать на троне...

Содержание

Керк Монро

УЖАС КХАРИИ

<i>Глава первая</i>	В которой удивительное чудовище неожиданно нападает на замок герцога Райдорского	5
<i>Глава вторая</i>	В которой раскрывается тайна герцога Ландерика и охотники посещают развалины старого замка	39
<i>Глава третья</i>	В которой дракончик убивает овец, а Рэльгонн повествует о истории падения Кхарии и своей встрече с демоном Бездны	76
<i>Глава четвертая</i>	В которой появляется Голодный Посланник, а охотники встречают неожиданного союзника	111
<i>Глава пятая</i>	В которой придворный алхимик показывает себя с наилучшей стороны, а демон Черной Бездны попадает в ловушку	145
<i>Алииан Трэвис, Мартин Шерр</i>	<i>Пропавший караван. Повесть</i>	173
<i>Алииан Трэвис</i>	<i>Мантия мага. Повесть</i>	283

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 20 000 названий книг самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Берtrand Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **АСТ**
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибиково», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытиши, Мытиши, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, ТК, ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Монро Керк, Тревис Лиlian,
Шерр Мартин

**КОНАН
И УЖАС КХАРИИ**

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Андрей Мартынов*

Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошиоры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоседова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Открытом акционерном обществе «Ордена Октябрьской
Революции, Ордена Трудового Красного Знамени
«Первая Образцовая типография».
115054, Москва, Валовая, 28

САДА О КОНАНЕ

КОНАН И ТЕНЬ ПЕТРА	КОНАН И ПРИНЦ ИНДИАРЫ	КОНАН И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТИНИ	КОНАН И ДУХИ ГОР	КОНАН И СОВОМЩА СКАРПИНИ	КОНАН И НЕВРОТИЧНЫЙ КУПОЛ	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ	КОНАН И СТРАНИКИ МОРЯ	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ
73	74	75	76	77	78	79	80	81
КОНАН И ВАЛАМКА ЛЕСА	КОНАН И ПАРАДА НАСМЕНИКА	КОНАН И АЛЕНЫ ЗАРЫ	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЛХВА	КОНАН И ТРОН В ВЕДАМЫ	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ	КОНАН И МЕСТЬ ВЕЛА	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ	КОНАН И ВОЛЧЬЯ БАШНЯ
82	83	84	85	86	87	88	89	90
КОНАН И КАКИЯ ВАРВАР	КОНАН И СКОНИЕР МАТА	КОНАН И ЧОДАТЫ ПАНТЕРА	КОНАН И АЛЕНЫ ДЕМУРЫ	КОНАН И ЯРОСТЬ ПИТАНОВ	КОНАН И ТАЙНА ПЕСКОВ	КОНАН И РАБ ГЛАСМАНА	КОНАН И ПОХОД ОБРЕЧЕННЫХ	КОНАН И ЧАРЫ КОДУНЫ
91	92	93	94	95	96	97	98	99
КОНАН И ГЕРОИ ХАЙДОРИИ	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ	КОНАН И МАСОВЫЙ РОК	КОНАН И ПАГОДА СИА	КОНАН И РИГУЛА ЛУНЫ	КОНАН И АЛЫЙ СТИГИИ	КОНАН И ТЕМНЫЙ СХОДНИК	КОНАН И КАМЫКИ АСУРЫ	КОНАН И СУД БОГИНИ
100	101	102	103	104	105	106	107	108
КОНАН И ОДИТ ВЕНДИИ	КОНАН И АНКИ АХЕРОНА	КОНАН И ПРИЧУВЫЕ ОСТРОВЫ	КОНАН И ДЕМОНЫ СТИГИИ	КОНАН И ЧАРОДЕН ЮГА	КОНАН И ЧУЗИНКИ КАМНЯ	КОНАН И КРАСНОЕ БРАТСТВО	КОНАН И ГЛАЗ ПАУКА	КОНАН И ТЕНЬ ОБОРОТНЯ
109	110	111	112	113	114	115	116	117
КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ	КОНАН И РЕКА ЗАБЫТИЯ	КОНАН И ДОЛГИЯ ДИКАРЕЙ	КОНАН И ЗЕМЛЯ ПРИБРАКОВ	КОНАН И ОРАКУЛ СМЕРТИ	КОНАН И СЛЯТОЙ ЖРЕЦ	КОНАН И НЕЧАЩИЙ ИНАГАУРУ	КОНАН И МОРОК ЧАИН	КОНАН И КРУГ ВРЕМЕН
118	119	120	121	122	123	124	125	126
КОНАН И ДОЧЬ ДРУИДОВ	КОНАН И НУЖАС ХАРИИ							
127	128							

СЕВЕРО - ЗАПАД ПРЕСС

ISBN 5-17-040037-3
9 785170 400379